

ПАТЕНТНОЕ ПРАВО

- Н.Г. Пономарева, А.Н. Баева.* Развитие института компенсации за нарушение патентных прав в Российской Федерации 5
- А.С. Москвич.* Анализ административных и судебных моделей толкования формул патентов на изобретения для патентования в Китае и России 15
- Р.И. Васиян.* О нормативном регулировании правосубъектности робототехники и систем искусственного интеллекта в Российской Федерации 25

РОССИЙСКОЕ ПРАВО: НОРМЫ И ПРАКТИКА

- Н.Ю. Сергеева.* Принцип свободы договора и реализация права на вознаграждение за создание служебных изобретений: правовые риски авторов жизнеспособных инноваций 37
- Д.А. Рожнова.* Кириллица в средствах индивидуализации как фактор влияния на формирование гражданской идентичности 46

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

- А.В. Емельяненко.* Кластерный анализ в управлении развитием регионов России: акцент на интеграцию Донецкой Народной Республики 58
- Т.Р. Асылгужин, А.Г. Мокроносов.* Сервисизация интеллектуальной собственности в цифровой экономике 68
- О.В. Аксенов, А.С. Железняков.* Реализация монгольских мегапроектов в контексте развития форпостов межцивилизационного взаимодействия России и Монголии 79

ОХРАНА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

- Г.Б. Золотов.* Музейный секрет производства: проблемы правовой охраны и распоряжения исключительным правом 87
- С.Г. Павликов.* Искусственный интеллект и спортивная символика: актуальные подходы к охране интеллектуальной собственности 93

СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ

- В.Н. Белоусов.* О спортивной символике в России и государствах-партнерах (на примере Китая) 101

НАУЧНАЯ ШКОЛА

- Ю.В. Комова.* Обзор понятия «инновационный потенциал Арктического региона» 106

Учредители: Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Российское авторское общество. **Редакционный совет:** А. О. Аракелова; С. Ф. Афанасьев; Ю. С. Зубов; Г. П. Ивлиев; С. С. Ипполитов; Х. А. Мамаджанов; В. Ф. Ницевич; А. А. Хачатурян; А. В. Юдин. **Редакционная коллегия:** Т. Т. Алиев; А. П. Альбов; В. Е. Белов; А. Т. Волков; В. С. Воронов; В. В. Груздев; А. В. Ермаков; Д. И. Кокурин; Б. Б. Леонтьев; В. Ю. Панченко; О. В. Ревинский; И. В. Рыжов; В. Р. Смирнова; А. П. Соколов; А. С. Харланов; О. А. Хатунцев; С. В. Чернявский.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-45608.

Адрес редакции: Москва, 117279, ул. Миклухо-Маклая, д. 55а.

Телефон: (499) 743-01-64 доб. 164, <http://journal.rgiis.ru>. e-mail: journal@rgiis.ru

Журнал включен в Перечень ВАК Минобрнауки России по специальностям юридических и экономических наук (5.1.3. Частноправовые (цивилистические) науки и 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика) с 28.11.2022

PATENT LAW

<i>N.G. Ponomareva, A.N. Baeva.</i> Development of the institution of compensation for patent infringement in the Russian Federation	5
<i>A.S. Moskvitch.</i> Analysis of administrative and judicial models for interpreting patent claims for inventions in China and Russia	15
<i>R.I. Vasyan.</i> On normative regulation of the legal personality of robotics and artificial intelligence systems in the Russian Federation	25

RUSSIAN LAW: NORMS AND PRACTICE

<i>N.Yu. Sergeeva.</i> The principle of freedom of contract and the realization of the right to remuneration for the creation of official inventions: legal risks of authors of viable innovations	37
<i>D.A. Rozhnova.</i> The cyrillic in the means of individualization as the factor of the civic identity formation	46

INNOVATIVE DEVELOPMENT

<i>A.V. Emelyanenko.</i> Cluster Analysis in the Development Management of Russian Regions: Focusing on the Integration of the Donetsk People's Republic	58
<i>T.R. Asylguzhin, A.G. Mokronosov.</i> Servicization of intellectual property in the digital economy	68
<i>O.V. Aksenov, A.S. Zhelezniakov.</i> The implementation of Mongolian mega-projects in the context of the development of outposts of intercivilizational interaction between Russia and Mongolia	79

PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY

<i>G.B. Zolotov.</i> Museum production secret: problems of legal protection and disposal of the exclusive right	87
<i>S.G. Pavlikov.</i> Artificial intelligence and sports symbols: current approaches to the protection of intellectual property	93

MEANS OF INDIVIDUALIZATION

<i>V.N. Belousov.</i> About sports symbols in Russia and partner countries (using the example of China)	101
---	-----

SCIENTIFIC SCHOOL

<i>Y.V. Komova.</i> Review of the concept of "innovation potential of the Arctic region"	106
--	-----

Founding group: The Russian State Academy of Intellectual Property, Russian Authors Society.

Editorial Board: A. O. Arakelova; S. F. Afanasiev; Yu. S. Zubov; G. P. Ivliev; S. S. Ippolitov; H. A. Mamadzhonov; V. F. Nitsevich; A. A. Khachatryan; A. V. Yudin.

Editorial Staff: T. T. Aliev; A. P. Albov; V. E. Belov; A. T. Volkov; V. S. Voronov; V. V. Gruzdev; A. V. Ermakov; D. I. Kokurin; B. B. Leontiev; V. Yu. Panchenko; O. V. Revinskiy; I. V. Ryzhov; V. R. Smirnova; A. P. Sokolov; A. S. Kharlanov; O. A. Khatuntsev; S. V. Chernyavsky.

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС77-45608.

Address of editorial office: h.55a, Miklukho-Maklaya st., 117279 Moscow.

Tel.: (499) 743-01-64 доб. 164, <http://journal.rgiis.ru> e-mail: journal@rgiis.ru

The journal is included in the List of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the specialties of Legal and Economic Sciences (5.1.3. Private Law (Civilistic) Sciences and 5.2.3. Regional and Sectoral Economics) since 28.11.2022

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Аракелова Александра Олеговна – д.иск., ФГБОУ ВО РГАИС, ректор, главный редактор.

Афанасьев Сергей Федорович – д.ю.н., профессор, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», заведующий кафедрой арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата.

Зубов Юрий Сергеевич – к.пед.н., Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент), руководитель.

Ивлиев Григорий Петрович – к.ю.н., Евразийское патентное ведомство (ЕАПВ) Евразийской патентной организации, президент.

Ипполитов Сергей Сергеевич – д.ист.н., Международный центр компетенций IP (Институт) ФГБОУ ВО РГАИС, заместитель директора.

Мамаджанов Хамид Абиджанович – д.т.н., профессор, ФГБОУ ВО РГАИС, профессор кафедры Управления инновациями и коммерциализации интеллектуальной собственности.

Ницевич Виктор Францевич – д.полит.н., профессор, ФГБОУ ВО РГАИС, советник ректора.

Хачатурян Арутюн Арутюнович – д.э.н., профессор, ФГК ВОУ ВО «Военный университет им. князя Александра Невского», профессор кафедры экономической теории.

Юдин Андрей Владимирович – д.ю.н., профессор, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», заведующий кафедрой Гражданского процессуального и предпринимательского права

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Алиев Тигран Тигранович – д.ю.н., профессор.

Альбов Алексей Павлович – д.ю.н., профессор.

Белов Валерий Евгеньевич – д.ю.н., доцент.

Волков Андрей Тимофеевич – д.э.н., профессор.

Воронов Виктор Степанович – д.э.н., доцент.

Груздев Владислав Викторович – д.ю.н., доцент.

Ермаков Андрей Вячеславович – к.ю.н., доцент.

Кокурин Дмитрий Иванович – д.э.н., профессор.

Леонтьев Борис Борисович – д.э.н., профессор.

Панченко Владислав Юрьевич – д.ю.н., доцент.

Ревинский Олег Витальевич – к.ю.н., доцент.

Рыжов Игорь Викторович – д.э.н., профессор.

Смирнова Вероника Ремовна – д.э.н., доцент.

Соколов Алексей Павлович – д.э.н., профессор.

Харланов Алексей Сергеевич – д.э.н., доцент.

Хатунцев Олег Александрович – д.ю.н., профессор.

Чернявский Сергей Владимирович – д.э.н., профессор

ПАТЕНТНОЕ ПРАВО

Научная статья

УДК 347.77.01

Развитие института компенсации за нарушение патентных прав в Российской Федерации

Наталья Геннадьевна Пономарева¹,

Анна Николаевна Баева²

¹Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Россия, Москва

Заместитель заведующего кафедрой Патентного права и правовой охраны
средств индивидуализации, кандидат юридических наук
genresnat@yandex.ru

²Патентное бюро «Василенко и партнеры», Россия, Москва

Заместитель директора

<https://orcid.org/0000-0001-9890-5761>

karataevalaw@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу развития и правовой природы института компенсации за нарушение патентных прав в российском законодательстве. Авторы анализируют эволюцию данной меры ответственности. Подчеркивается, что изначальная привязка размера компенсации к минимальному размеру оплаты труда оказалась нежизнеспособной и породила судебные противоречия. Принятие части четвертой Гражданского кодекса РФ стало попыткой унификации, однако, как показывает судебная практика, механизм расчета компенсации до сих пор не является устоявшимся. Делается вывод о необходимости дальнейшего реформирования данного института для повышения его эффективности и правовой определенности.

Ключевые слова: судебная защита исключительных прав, полезная модель, компенсация за нарушение патентных прав, компенсация за нарушение прав на полезную модель, статутные убытки, интеллектуальные права, гражданско-правовая ответственность.

Финансирование: Статья выполнена в рамках НИР «Альтернативная система международной регистрации товарных знаков» (7-ГЗ-2023).

Для цитирования: Пономарева Н.Г. Развитие института компенсации за нарушение патентных прав в Российской Федерации / Н.Г. Пономарева, А.Н. Баева // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2025. – № 4. – С. 5–14.

Original article

Development of the institution of compensation for patent infringement in the Russian Federation

Natalia G. Ponomareva¹,

Anna N. Baeva²

¹Russian State Academy of Intellectual Property, Russia, Moscow
Deputy Head of the Department of Patent Law and Legal Protection of Means
of Individualization, PhD in Law
genresnat@yandex.ru

²Vasilenko & Partners Patent Bureau, Russia, Moscow
Deputy Director
<https://orcid.org/0000-0001-9890-5761>
karataevalaw@gmail.com

Abstract. This article analyzes the development and legal nature of the institution of compensation for patent infringement in Russian law. The authors trace the evolution of this liability measure. They emphasize that the initial linking of compensation to the minimum wage proved unviable and gave rise to legal disputes. The adoption of Part IV of the Civil Code of the Russian Federation was an attempt at unification; however, as judicial practice shows, the compensation calculation mechanism remains unsettled. They conclude that further reform of this institution is necessary to improve its effectiveness and legal certainty.

Key words: judicial protection of exclusive rights, compensation for patent infringement, compensation for infringement of utility model rights, statutory damages, intellectual property rights, civil liability.

Funding: The article was carried out within the framework of research work “Alternative system of international registration of trademarks” (7-GZ-2023).

For citation: Ponomareva N.G., Baeva A.N. Development of the institution of compensation for patent infringement in the Russian Federation // Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2025. No. 4. P. 5–14.

Компенсация за нарушение исключительных прав в современном понимании – относительно новое явление отечественного законодательства, споры о правовой природе которого ведутся до сих пор.

Если обратиться к истории появления данной меры гражданско-правовой ответственности, нетрудно заметить, что в предшествующем российском законодательстве сходных по содержанию форм ответственности не существовало. В дореволюционном российском законодательстве, в частности в Положении о праве собственности на фабричные и заводские рисунки и модели (1911) [1] и в Законе об авторском праве (1911) [2], уже присутствовали механизмы защиты исключительных прав. Однако основным способом защиты был иск о запрете нарушения и возмещении убытков.

Таким образом, института компенсации в его современном понимании – как альтернативной меры ответственности, взыскиваемой независимо от доказанности убытков, – не существовало. Доказывание размера реального ущерба и упущенной выгоды в сфере, где стоимостная оценка права крайне субъективна и изменчива, представляло значительную сложность, что делало защиту прав малоэффективной.

Положение об изобретениях и технических усовершенствованиях (утв. Постановлением ЦИК СССР №3, СНК СССР №256 от 09.04.1931) в части правовой защиты изобретений и полезных моделей указывало лишь на возможность взыскания убытков: «Тот, кто нарушит исключительное право лица, имеющего патент на изобретение, обязан возместить ему причиненные убытки».

В советский период, особенно после принятия Основ гражданского законодательства СССР 1961 г. и Гражданского кодекса РСФСР 1964 г., охрана интеллектуальных прав получила дальнейшее развитие, но с существенной идеологической окраской. Основной функцией авторского и изобретательского права считалась не столько защита частного интереса правообладателя, сколько обеспечение культурного и научно-технического прогресса общества. Взыскание убытков оставалось основным видом ответственности: ст. 500 ГК РСФСР устанавливала право автора или его правопреемников требовать возмещения убытков в случае нарушения их прав [3].

Корректировка взглядов законодателя происходила в 1990-е годы, в период активного реформирования российского законодательства и его сближения с международными стандартами. Принятие Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах» (1993), Закона РФ «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных» (1992) и ряда других нормативных актов ознаменовало собой введение в отечественную правовую систему принципиально нового института – юридической компенсации.

Источником заимствования данного института стало англосаксонское право, в частности законодательство США, которое допускало применение *statutory damages* (статутных убытков) к авторским и смежным правам [4]. Институт статутных убытков появился, чтобы облегчить доказывание понесенных убытков, упущенной выгоды. В классическом понимании Закона об авторском праве США для статутных убытков характерны:

1. Альтернативная по отношению к взысканию убытков мера ответственности.
2. Правовосстановительная мера ответственности.
3. Превентивная мера по предотвращению неправомерных действий.

В российском законодательстве данный вид компенсации впервые нашел отражение в Законе РФ от 23.09.1992 №3523-1 «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных», статья 18 которого содержала следующее положение: «Автор программы для ЭВМ или базы данных и иные правообладатели вправе требовать: признания прав; восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и прекращения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; возмещения причиненных убытков, в размер которых включается сумма доходов, неправомерно полученных нарушителем; выплаты нарушителем компенсации в определяемой по усмотрению суда, арбитражного или третейского суда сумме от 5 000-кратного до 50 000-кратного установленного законом размера минимальной месячной оплаты труда в случаях нарушения с целью извлечения прибыли вместо возмещения убытков; помимо возмещения убытков или выплаты компенсации по усмотрению суда или арбитражного суда может быть взыскан штраф в размере десяти процентов от суммы, присужденной судом или арбитражным судом в пользу истца, в доход республиканского бюджета Российской Федерации; принятия иных предусмотренных законодательными актами мер, связанных с защитой их прав».

Статьей 18 названного Закона установлена штрафная компенсация, альтернативная возмещению убытков, применяемому в случае нарушения с целью извлечения прибыли при доказанности факта нарушения. Данный механизм защиты позволяет правообладателю взыскать с нарушителя законную компенсацию без доказывания размера фактических убытков.

Впоследствии положения о компенсации нашли отражение и в Законе РФ от 09.07.1993 №5351-1 «Об авторском праве и смежных правах» (ст. 49).

Законодатель предусмотрел возможность взыскания компенсации в размере от 5 000 (в Законе РФ №5351-1 – от 10 000) до 50 000 минимальных размеров оплаты труда.

Однако с самого начала этот способ расчета оказался нежизнеспособным. Установление нижнего и верхнего порога в абсолютных величинах, привязанных к минимальному размеру оплаты труда (далее – МРОТ), в условиях высокой инфляции быстро привело к дисбалансу: суммы компенсаций становились то чрезмерно обременительными, то символическими. Это породило первую волну критики и возникновение судебных противоречий, когда суды, не имея внятных ориентиров, назначали компенсацию практически произвольно [5].

С 1992 г. способы взыскания компенсации, ее размеры неоднократно подвергались корректировке.

Введение части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) стало масштабной попыткой унифицировать и систематизировать разрозненное законодательство в сфере интеллектуальной собственности.

Законодатель отказался от привязки к МРОТ, установив диапазон от 10 000 до 5 млн рублей, а также сохранил альтернативные варианты расчета: в двукратном размере стоимости контрафактных экземпляров или в двукратном размере стоимости права использования. Предполагалось, что это даст судам гибкий инструментарий, позволяющий учитывать обстоятельства конкретного дела [6].

В настоящее время общие положения о взыскании компенсации содержатся в п. 3 ст. 1252 ГК РФ, которая устанавливает перечень требований для судебной защиты исключительных прав [7]. Данной статьей для отдельных видов результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации установлено право требовать от нарушителя выплаты компенсации вместо взыскания убытков. Положения ст. 1252 ГК РФ дополняют специальные нормы об отдельных видах результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, закрепляющие возможность взыскания компенсации в сфере патентных прав (ст. 1406 ГК РФ).

Статья 1406.1 ГК РФ устанавливает, что в случае нарушения исключительного права на изобретение, полезную модель или промышленный образец автор или иной правообладатель вправе требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации:

1) в размере от 10 000 до 5 млн рублей, определяемом по усмотрению суда исходя из характера нарушения;

2) в двукратном размере стоимости права использования изобретения, полезной модели или промышленного образца, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование соответствующих объектов патентного права тем способом, который использовал нарушитель.

Нужно отметить, что для защиты результатов интеллектуальной деятельности, содержащих сведения, составляющие государственную тайну (секретные изобретения), ограничено применение положений ст. 1252 ГК РФ, а споры разрешаются в административном порядке федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным Правительством Российской Федерации (п. 2 ст. 1401 ГК РФ) [8]. Однако Федеральным законом от 07.07.2025 №214-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Закон №214-ФЗ) с 4 января 2026 г. вводятся в действие новые правовые нормы в составе ст. 1252.1 ГК РФ.

Необходимо отметить, что явилось основной предпосылкой к принятию данного закона и в связи с чем институт компенсации подвергался критике со стороны правообладателей и пользователей. Правообладатели указывали на ограниченную сферу применения: компенсация не распространялась на все результаты интеллектуальной деятельности, например на фирменные наименования, коммерческие обозначения и ноу-хау.

Следующий критический аргумент касался устаревших пределов взыскания: установленный законом диапазон от 10 000 до 5 млн рублей не отражал современных экономических реалий с учетом инфляции, в связи с чем как верхний, так и нижний параметр необходимо было сдвигать.

Также правообладатели подвергали критике дискреционные полномочия судов по определению размера компенсации, ее уменьшению в зависимости от обстоятельств дела при расчете компенсации в твердой сумме. Фактически суд мог присудить истцу любую сумму в рамках диапазона, что делало результат непредсказуемым.

Последней проблемой, с точки зрения правообладателей, является то обстоятельство, что суд не мог самостоятельно изменить выбранный способ расчета: суды могли отказать в иске, если выбранный способ расчета компенсации был не доказан, не переходя к альтернативным методам.

Со стороны пользователей институт компенсации подвергался критике, в первую очередь, из-за его непредсказуемости: суммы компенсации могли многократно превышать реальные убытки и компенсация превращалась в карательный инструмент. Также можно выделить проблему ограниченной возможности снижения компенсации: суды не могли присуждать компенсацию ниже установленного минимума, даже если убытки были минимальны.

Конституционный Суд РФ неоднократно указывал на необходимость реформы, отмечая отсутствие баланса между сторонами споров: «Баланс интересов правообладателей и нарушителей оказался чрезмерно смещен в пользу первых, что не отвечает правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, выраженным в постановлениях от 13.12.2016 №28-П и от 13.02.2018 №8-П, что может быть квалифицировано как нарушение принципа юридического равенства, провозглашенного в ст. 19 Конституции Российской Федерации».

Для достижения искомого юридического равенства был принят Закон №214-ФЗ, основные идеи которого будут рассмотрены далее.

Введением специальной ст. 1252.1 ГК РФ усилена праввосстановительная направленность компенсации и снижено количество штрафных санкций. Так, при нарушении исключительного права правообладатель вправе вместо возмещения убытков требовать от нарушителя выплаты компенсации за нарушение указанного права. В соответствии с учетом изменений 2026 г. это допускается только при наличии нарушения и доказанности факта правонарушения. При этом правообладатель, обратившийся за защитой своего права, освобождается от доказывания размера причиненных ему убытков.

Появилось уточненное правило о том, как нужно рассчитывать компенсацию: «Размер компенсации определяется судом в зависимости от обстоятельств дела соразмерно объему и характеру нарушения, а также с учетом требований разумности и справедливости» (п. 2. ст. 1252.1 ГК РФ). Таким образом, требование соразмерности является общим, это препятствует присуждению компенсации в размере, существенно превышающем убытки. Положение особенно актуально для случаев взыскания явно несоразмерной компенсации в случае нарушения патента, составляющего незначительный элемент устройства, когда компенсация взыскивалась в двукратном размере стоимости контрафактных экземпляров.

Новеллой реформы стало введение системы нормативных ограничений, исключающих возможность многократного взыскания компенсации при множественных нарушениях. В ситуациях размещения нескольких объектов интеллектуальной собственности на едином носителе установлен верхний предел компенсации в виде двукратного максимального размера. Принципиальным изменением является переход к расчету компенсации по совокупности нарушений, а не путем суммирования отдельных компенсаций за каждый объект или способ использования. Указанный подход распространяется и на определение минимального размера компенсации.

Ранее в практике было разработано правило о единой экономической цели и едином нарушении, в частности, данный вопрос регламентируют Рекомендации Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам по вопросам, возникающим при установлении одной экономической цели и единства намерений правонарушителя (пункты 56 и 65 Постановления

Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 №10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации») (утв. Постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 15.02.2023 №СП-22/4) (далее – Рекомендации) [9].

До текущего момента Рекомендации активно применялись в отношении исключительного права на изобретение, полезную модель или промышленный образец, однако в законодательстве все еще отсутствовали положения о «едином нарушении». В Постановлении Суда по интеллектуальным правам от 10.01.2025 по делу №А60-15672/2023 прослеживается концепция «единого результата»: «Тот факт, что каждый из ответчиков совершал разные действия, не исключает направленности таких действий на достижение единого результата – изготовление и монтаж детского спортивно-игрового комплекса в рамках работ по благоустройству сквера»¹.

В п. 5. ст. 1252.1 ГК РФ нашла отражение идея «единого нарушения»: «Компенсация не взыскивается в случае применения такого способа использования результатов интеллектуальной деятельности/средств индивидуализации, который объективно необходим для применения другого способа использования и сам по себе не имеет самостоятельного экономического значения».

Таким образом, новые положения закона регулируют проблему, обусловленную тем, что несколько неправомерных действий объединены единой экономической целью, например: размещение предложения на сайте и реализация продукции. Законодатель указал, что не должно происходить мультипликации разных способов, а один базовый способ поглощает все другие, образуя единое нарушение.

Исходя из толкования п. 6 ст. 1252.1 ГК РФ, устанавливающего положения о множественности правообладателей, и п. 8 ст. 1252.1 ГК РФ, регламентирующего вопрос о солидарной ответственности, можно сделать ряд выводов:

1. Если исключительные права принадлежат нескольким правообладателям, компенсация взыскивается один раз и делится между ними.
2. Требования правообладателей и лицензиатов по исключительной лицензии рассматриваются как солидарные.
3. При множественности нарушителей компенсация взыскивается солидарно, чтобы избежать необоснованного обогащения правообладателя.

Кроме того, п. 3 ст. 1252.1 ГК РФ предусматривает возможность перехода с двукратного метода расчета на метод твердого расчета по инициативе суда, чего ранее не было. Данное полномочие суда необходимо в случаях, когда нет доказательств или они не являются достаточными, поскольку ранее при недоказанности расчета суды отказывали в иске.

Новое законодательство дифференцирует ответственность при отсутствии вины, а не ее исключение. Ранее действовало правило п. 73 Рекомендаций, соответствующее стандартам гражданского оборота: лицо не отвечает, если не знало или не должно было знать о нарушении.

Законом №214-ФЗ в п. 7 ст. 1252.1 установлено: «Если нарушение было совершено лицом при осуществлении им предпринимательской деятельности и при этом нарушитель не знал и не должен был знать, что допускает нару-

¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 10.01.2025 по делу №А60-15672/2023. URL: <https://ras.arbitr.ru> (дата обращения: 02.10.2025).

шение исключительного права, суд может определить размер компенсации в пределах от 10 000 до 500 000 рублей или от однократной до двукратной стоимости контрафактных материальных носителей либо права использования». При этом необходимо обратить внимание на п. 5 ст. 1405 ГК РФ, закрепляющим, что использование секретного изобретения лицом, которое не знало и не могло на законных основаниях знать о наличии патента на данное изобретение, не является нарушением исключительного права.

В качестве основных итогов изменения законодательства, которые повлияют на судебную практику, можно выделить следующее.

Новый закон усиливает праввосстановительную функцию компенсации, снижает ее штрафной характер и делает размер взысканий более предсказуемым. Вводятся четкие ограничения на мультипликацию компенсации, расширяются полномочия судов, а также уточняются правила для совместного правообладания и множественности нарушителей.

Ожидается, что сумма взыскиваемой компенсации в среднем снизится, а количество серийных дел уменьшится. Правообладателям рекомендуется рассматривать альтернативные способы защиты, такие как запрет использования или публикация судебных решений.

В целом реформа направлена на установление баланса интересов сторон и повышение предсказуемости судебной практики в сфере интеллектуальных прав. В заключение следует констатировать, что реализуемая реформа знаменует собой существенный этап в развитии института компенсации в российской правовой системе. Законодательная новация обуславливает трансформацию компенсации из инструмента с жестко детерминированными параметрами в гибкий механизм гражданско-правовой ответственности, обладающий свойством адаптации к многообразию фактических составов правонарушений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Положение о праве собственности на фабричные рисунки и модели // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – Санкт-Петербург, 1867. – Т. 39, отд. 1., №41004. – С. 579–581.

2. Об авторском праве: Высочайше утвержденный одобренный Государственным советом и Государственной думой закон от 20 марта 1911 г. // Собрание узаконений и распоряжений Правительства. – 1911. – Отд. I, ст. 560. – С. 1817–1830.

3. Гражданский кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1964. – №24. – Ст. 500.

4. Сятчихин А.В. Компенсация за нарушение исключительных прав: статутные или заранее оцененные убытки? / А.В. Сятчихин // *Ex jure*. – 2019. – №3. – С. 5–6.

5. Павлова Е.А. Компенсация как мера ответственности за нарушение исключительных прав. Ч. II / Е.А. Павлова, В.О. Калятин, В.А. Корнеев // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2022. – №9. – С. 184–209.

6. Коломейцева В.Ю. Возмещение убытков и компенсация как способы защиты нарушенных исключительных прав / В.Ю. Коломейцева,

Е.Н. Агibalова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – №3-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmeschenie-ubytkov-i-kompensatsiya-kak-sposoby-zaschity-narushennyh-isklyuchitelnyh-prav> (дата обращения: 02.10.2025).

7. Пономарева Н.Г. Судебная экспертиза объектов патентных прав: учеб. пособие / под общ. ред. А.О. Аракеловой; Н.Г. Пономарева, О.В. Ревинский, В.Д. Кочеткова. – Москва: ФГБОУ ВО РГАИС, 2023. – 46 с.

8. Лаврентьева М.С. К вопросу об ответственности за нарушение режима секретности при патентовании изобретений, содержащих государственную тайну / М.С. Лаврентьева, Н.Г. Пономарева // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2022. – №2. – С. 40–51.

9. Рекомендации Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам по вопросам, возникающим при установлении одной экономической цели и единства намерений правонарушителя (пункты 56 и 65 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации») (утв. постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 15.02.2023 № СП-22/4). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406679949/> (дата обращения: 02.10.2025).

References

1. Regulations on the ownership of factory drawings and models. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* = The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2nd. St. Petersburg, 1867. Vol. 39, ed. 1. №41004. P. 579–581 (in Russ.).

2. On copyright: The most highly approved law of March 20, 1911, approved by the State Council and the State Duma. *Sobraniye zakonov i rasporyazheniy Pravitel'stva* = Collection of Laws and Government Orders. 1911. Ed. I. Art. 560. P. 1817–1830 (in Russ.).

3. The Civil Code of the RSFSR of June 11, 1964. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR* = *Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR*. 1964. No. 24. Art. 500. 382 p. (in Russ.).

4. Syatchikhin A.V. Compensation for violation of exclusive rights: statutory or pre-estimated losses? *Ex jure*. 2019. No. 3. P. 5–6 (in Russ.).

5. Pavlova E.A., Kalyatin V.O., Korneev V.A. Compensation as a measure of liability for violation of exclusive rights. Part II. *Zhurnal Suda po intellektual'nyim pravam* = *Journal of the Intellectual Property Rights Court*. 2022. No. 9. P. 184–209 (in Russ.).

6. Kolomeitseva V.Yu., Agibalova E.N. Compensation for damages and compensation as ways to protect violated exclusive rights. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* = *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021. No. 3-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmeschenie-ubytkov-i-kompensatsiya-kak-sposoby-zaschity-narushennyh-isklyuchitelnyh-prav> (date of access: 02.10.2025) (in Russ.).

7. Ponomareva N.G. et al. Judicial examination of objects of patent rights: a textbook. / under total. ed. by A.O. Arakelova. – Moscow: RGAIS Publ., 2023. 46 p. (in Russ.).

8. Lavrentieva M.S., Ponomareva N.G. On the issue of liability for violation of the secrecy regime when patenting inventions containing state secrets. *Kopirayt (vestnik Akademii intellektual'noy sobstvennosti) = Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property)*. 2022. No. 2. P. 40–51 (in Russ.).

9. Recommendations of the Scientific Advisory Council at the Intellectual Property Rights Court on issues arising from the establishment of one economic goal and the unity of intentions of the offender (paragraphs 56 and 65 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04/23/2019 No. 10 «On the application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation») (approved by the resolution of the Presidium of the Intellectual Property Rights Court dated 02/15/2023 № SP-22/4). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406679949> (date of access: 02.10.2025) (in Russ.).

Статья поступила 21.11.2025, принята к публикации 26.12.2025

© Пономарева Н.Г., Баева А.Н., 2025

ПАТЕНТНОЕ ПРАВО

Научная статья

УДК 347.77

Анализ административных и судебных моделей толкования формул патентов на изобретения для патентования в Китае и России

Андрей Сергеевич Москвич

Научно-технологический университет «Сириус»,

Россия, Краснодарский край

Советник по интеллектуальной собственности
и коммерциализации технологий,

Аспирант ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарева»

moskvitch@gmail.com

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ административных и судебных моделей для выработки подходов к патентованию изобретений в двух юрисдикциях: Китайской Народной Республике и Российской Федерации. Несмотря на принадлежность к гражданско-правовой традиции, КНР и РФ демонстрируют различные модели толкования формулы, что может отразиться на том, как готовятся заявки на патенты для получения правовой охраны в этих юрисдикциях. В частности, Китай усиливает судебно-административную гибкость, тогда как Россия сохраняет формалистическую модель, ограниченную текстом формулы. В статье рассматриваются ключевые правовые источники, административные механизмы, судебные подходы, роль описания и чертежей, влияние доктрины эквивалентов, а также анализируется влияние данных различий на стратегию патентования в этих юрисдикциях. Работа демонстрирует прямое сопоставление двух крупных патентных

систем, одновременно часто используемых российскими компаниями в связке «РФ → КНР». Практические рекомендации по подготовке заявок позволяют специалистам избежать типичных ошибок, приводящих к потере объема прав в Китае или к невозможности эффективной судебной защиты. Результаты исследования формируют прикладной методологический подход к написанию заявок с учетом различий данных правовых систем, позволяют оптимизировать стоимость патентования и снизить риски в спорах о нарушении прав, а также помогают выстраивать эффективные стратегии международного патентования и лицензирования технологий.

Ключевые слова: патентное право, формула патента, толкование формулы, интерпретация формулы, доктрина эквивалентов, доктрина эстоппеля, Роспатент, CNIPA, прецедентное право в патентах, правоприменительная практика в патентных спорах, международное патентование, патентная семья, толкование объема правовой охраны, экспертиза заявок на изобретения, судебная патентная экспертиза, международные стратегии патентования, сравнительное патентное право.

Благодарности: Гвоздецкой Ирине Вячеславовне, директору департамента инноваций, к.э.н., доценту кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарева».

Для цитирования: Москвич А.С. Анализ административных и судебных моделей толкования формул патентов на изобретения для патентования в Китае и России / А.С. Москвич // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2025. – №4. – С. 15–24.

Original article

Analysis of administrative and judicial models for interpreting patent claims for inventions in China and Russia

Andrei S. Moskvitch

Sirius Science and Technology University, Russia, Krasnodar Krai
Advisor in Intellectual Property and Technology Commercialization
Postgraduate Student of Ogarev Mordovia State University
moskvitch@gmail.com

Abstract. This article provides a comparative analysis of administrative and judicial models for developing approaches to patenting inventions in two jurisdictions – the People’s Republic of China and the Russian Federation. Despite belonging to the civil law tradition, China and Russia demonstrate different models for interpreting patent claims, which may affect how patent applications are prepared to obtain legal protection in these jurisdictions. Specifically, China is increasing judicial and administrative flexibility, while Russia maintains a formalistic model limited by the text of the claims. The article examines key legal sources, administrative mechanisms, judicial

approaches, the role of descriptions and drawings, and the influence of the doctrine of equivalents, and analyzes the impact of these differences on patenting strategies in these jurisdictions. The work demonstrates a direct comparison of two major patent systems, both frequently used by Russian companies in the «Russia → China» context. Practical recommendations for preparing applications allow specialists to avoid common mistakes that lead to the loss of rights in China or the impossibility of effective judicial protection. The research results form an applied methodological approach to drafting patent applications, taking into account the differences between these legal systems, allowing for the optimization of patenting costs and the reduction of risks in infringement disputes, as well as helping to develop effective strategies for international patenting and technology licensing.

Key words: patent law, patent claims, interpretation of claims, interpretation of claims, doctrine of equivalents, doctrine of estoppel, Rospatent, CNIPA, case law in patents, law enforcement practice in patent disputes. international patenting, patent family, interpretation of the scope of legal protection, examination of invention applications., judicial patent examination, international patenting strategies, comparative patent law.

Acknowledgements: Irina Vyacheslavovna Gvozdetskaya, Director of the Department of Innovation, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Civil Law and Procedure, Ogarev Mordovia State University.

For citation: Moskvitch A.S. Analysis of administrative and judicial models for interpreting patent claims for inventions in China and the Russian Federation // Copyright (bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2025. No. 4. P. 15–24.

Китай и Россия – похожие правовые системы с разными векторами развития. Китай и Россия являются юрисдикциями гражданского права и принадлежат континентальной правовой семье. Обе системы отдают предпочтение буквальному толкованию формулы патента на изобретения, основываясь на признаках, указанных непосредственно в тексте каждого пункта формулы. Однако в спорных ситуациях, когда нужно прибегать к толкованию того или иного термина или словосочетания, использованного в признаке, современная практика этих юрисдикций указывает на различие в подходах, которые необходимо учитывать при подготовке заявок на патенты с целью получения правовой охраны с предсказуемым объемом прав каждого члена патентной семьи.

Существуют разные стратегии международного патентования. В данной статье такие стратегии не рассматриваются в деталях и для простоты понимания выделяются только следующие этапы: (а) подготовка заявки на патент на русском языке с целью первоначального патентования в России, (б) последующий перевод родительской заявки на китайский язык и (в) последующее патентование в Китае с испрашиваемым приоритетом по российской заявке на патент.

В первой части настоящей статьи рассматриваются принципы толкования формул в Российской Федерации и их влияние на написание заявки на патент в целом. Во второй части статьи рассматриваются принципы толкования

формул в Китае и их влияние на подготовку заявки на патент. В заключительной части статьи приводится сравнительный анализ и отдельное внимание уделяется рекомендациям составления заявок на патенты с целью получения правовой охраны и последующего заключения лицензионных договоров на запатентованные продукты или способы в России и в Китае для членов одной патентной семьи.

Российская Федерация: формалистический подход. Система патентного права в Российской Федерации регулируется частью четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ), а также подзаконными актами и Руководством по экспертизе заявок на изобретения. Основным принципом толкования формулы патента является буквальное толкование, или формалистический подход. В соответствии с п. 3 ст. 1358 ГК РФ изобретение считается использованным, если продукт или способ содержит каждый признак изобретения из независимого пункта формулы или признак, эквивалентный ему и ставший известным в качестве такового в данной области техники до даты приоритета изобретения.

В российском праве формула изобретения должна быть полностью основана на описании изобретения, и определяемый формулой объем правовой охраны должен быть подтвержден описанием и чертежами (подп. 3 п. 2 ст. 1375 ГК РФ; подп. 2 п. 62 Требований к документам заявки на выдачу патента на изобретение)². Если признак сформулирован неоднозначно, толкование производится таким образом, чтобы смысл соответствовал раскрытию в описании, при этом Суд по интеллектуальным правам³, Арбитражный апелляционный суд РФ⁴ и Верховный Суд РФ⁵ придерживаются подхода, согласно которому формула должна быть максимально четкой и самостоятельной. Следовательно, правообладатель должен понимать, что при толковании признаков формулы недопустимо дополнять или заменять признаки, буквально содержащиеся в пункте формулы, на термины или словосочетания, указанные в описании патента.

В случае спора в отношении охраняемого объема прав независимого пункта формулы для определения контрафактного технического решения суд обязан решать поставленный вопрос о нарушении патентных прав, основываясь исключительно на доступной на момент рассмотрения дела информации. В случае несоответствия формулы изобретения описанию и чертежам обсуждение такого несоответствия не должно рассматриваться в рамках поставленного суду вопроса (абзац 3 п. 52 Постановления Пленума Верховного Суда РФ

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 18.12.2006 №230-ФЗ (ред. от 13.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.06.2023) // Российская газета. 22.12.2006. №289.

² Требования к документам заявки на выдачу патента на изобретение, утв. приказом Минэкономразвития России от 21.02.2023 №107. URL: <https://www.fips.ru/documents/npa-rf/prikazy-minekonomrazvitiya-rf/prikazminekonomrazvitiya-107-21022023.php#2> (дата обращения: 01.01.2025).

³ Решение Суда по интеллектуальным правам от 15.03.2021 по делу №СИП-803/2019. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=74506&ysclid=lnkaez80m4907239382#kDOKHsToOBdVDdxY> (дата обращения: 01.01.2025).

⁴ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда г. Москвы №09ап-5850/2023 (дело №А40-240534/21). URL: <https://sudact.ru/arbitral/court/resheniya-9-arbitrazhnyi-apelliationsionnyi-sud/?page=20&ysclid=lnkacq87o492998258> (дата обращения: 01.01.2025).

⁵ Определение Верховного Суда РФ №300-кг18-16152 (принятое по делу №СИП-515/2017). URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenieverkhovnogo-suda-rf-ot-25122018-n-300-kg18-16152-po-delu-n-sip-5152017/?ysclid=lnka6q06q5621483579> (дата обращения: 01.01.2025).

от 23.04.2019 №10)⁶, т.к. для этого есть соответствующие административные процедуры.

В российской практике для определения использования патента стороны спора принимают противоположные позиции: производитель предполагаемого контрафакта или лицензиат толкует пункт формулы более узко, ссылаясь на буквальное значение терминов, а правообладатель патента или лицензиар толкует пункт формулы как можно шире, прибегая к примерам в описании и к доктрине эквивалентов⁷.

Для разрешения данного вопроса суды привлекают специализированных экспертов в области техники, которые основывают свои заключения на фактах посредством проведения сопоставительного анализа. Частью такого анализа является определение правомерной замены буквально описанных признаков в формуле признаков на эквивалентные. Для признания эквивалентности заменяющий признак должен быть известен в качестве эквивалентного в данной области техники, включая известность возможности взаимозамены таких признаков, до даты приоритета запатентованного изобретения. «При этом для каждого не содержащегося в объекте исследования признака формулы изобретения необходимо выявить его функциональную нагрузку и сопоставить ее с функциональной нагрузкой соответствующего признака объекта исследования. При равнозначности функций этих признаков и одинаковых результатах их применения эти признаки признаются эквивалентными, несмотря на их различие по форме выполнения. Как правило, функциональную нагрузку признака формулы изобретения можно обнаружить в описании изобретения...» [1].

Однако при проведении анализа эквивалентности эксперт должен обращать внимание на то, чтобы описание и чертежи использовались для уточнения смысла признаков формулы, но не для расширения объема правовой охраны [2]. Возможность применения литературно-справочных источников для проведения экспертизы доктриной может считаться необъективной [1].

При этом суды предпочитают не рассматривать такие источники информации, как переписка заявителя с патентным ведомством, для определения намерения правообладателя. Следовательно, доктрина эстоппеля, по которой заявитель может самостоятельно лишиться себя патентных прав, имеет очень ограниченное применение.

Поэтому для вынесения решения относительно определения объема патентных прав и выявления нарушения суды ссылаются в первую очередь на текст формулы патента, а потом на экспертное заключение, в котором эксперт проводит сравнительный анализ, уточняя признаки относительно текста описания патента. Также возможно определение эквивалентов, известных на дату подачи первичной (приоритетной) заявки на патент с учетом функциональной идентичности.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что в российской практике закреплён строгий подход к толкованию пунктов формулы, при котором текст формулы является ключевым, а описание, чертежи и источники в уровне

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 №10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

⁷ Бутенко Л.В. Проблемные аспекты установления эквивалентности в судебных спорах. Использование доктрины эквивалентов в РФ: теория и практика (Семинар в формате круглого стола), 19 ноября 2012 г.

техники имеют исключительно вспомогательное значение. Данный подход позволяет контролировать риск возникновения расширительного толкования признаков формулы и обеспечивает повышенную предсказуемость решений в судебных спорах. Для получения возможности широкого толкования формулы патента правообладатель обязан включить в первоначальный (приоритетный) текст заявки на патент как можно больше независимых и зависимых пунктов формулы, а также прописать в описании патента наибольшее количество альтернативных технических реализаций, подтверждающих все признаки каждого из пунктов формулы.

Китай: определение баланса между патентной монополией и рынком. Согласно ст. 59 Закона о патентах Китайской Народной Республики⁸ (далее – Закон о патентах КНР), патент дает объем правовой охраны правообладателю, описанный в независимом пункте формулы, при этом описание и чертежи являются основополагающими инструментами для уточнения и толкования объема патентных прав, описанных совокупностью существенных признаков. Более того, с целью толкования признаков можно обращаться не только к описанию и чертежам патента, но и ко всей переписке заявителя с СНИРА во время экспертизы заявки на патент. Данная практика основывается на поиске баланса между правами правообладателя и общественности в патентных спорах о нарушении патентных прав и утверждена в судебном решении Ningbo Dongfang Movement Plant v. Jiangyin Jinling Hardware Products Co.⁹, в котором суд постановил: «При определении объема защиты патентных прав народные суды не должны ни ограничивать объем защиты патентных прав строгим буквальным значением признаков формулы изобретения, ни использовать признаки формулы изобретения произвольного толкования. Объем защиты патентных прав должен определяться на основе существенного содержания признаков формулы. Если признаки формулы не содержат четкого описания, для пояснения можно использовать описание и чертежи. Объем защиты патентных прав может также охватывать эквивалентные признаки, о которых специалист в данной области может подумать, не прибегая к творческому мышлению, после прочтения описания и чертежей» [3].

Основной задачей судов в разрешении споров о нарушении патентов является соблюдение вышеуказанного баланса, который часто определяется в Китае как «охрана прав патентообладателя и предотвращение возможного злоупотребления правами, охраняемыми патентом». Суды решают эту задачу посредством применения «всеобъемлющего принципа» толкования, в котором учитываются все возможные источники информации, помогающие суду определить оптимально истребуемый объем патентных прав правообладателем.

В решении Ningbo Dongfang Movement Plant v. Jiangyin Jinling Hardware Products Co.¹⁰ суд постановил, что всеобъемлющее толкование не должно выходить за пределы содержания текста, буквально указанного в патенте. Следовательно, если правообладатель хочет, чтобы суд рассматривал расширенную интерпретацию признаков формулы патента, включающую разные техниче-

⁸ Закон о патентах КНР (ред. 2021 г.).

⁹ Ningbo Dongfang Movement Plant v. Jiangyin Jinling Hardware Products Co., MSTZ No. 1 (Sup. People's Ct, 2001).

¹⁰ Там же.

ские реализации охраняемого решения, то на стадии заявки в первоначальный текст описания должны быть включены детальные примеры таких технических реализаций.

Всеобъемлющий принцип состоит из четырех нижеуказанных подходов к толкованию формулы патента, которые определены в Руководстве по экспертизе заявок на патенты¹¹ и в «руководящих судебных решениях», примеры которых приведены в настоящей статье. Руководство и решения обязательны к применению как судьями, так и сотрудниками СНИРА.

Подход первый – принцип буквальной интерпретации формулы патента – обозначен в ст. 59 Закона о патентах КНР и в Руководстве по экспертизе заявок на патенты.

Подход второй – принцип определения намерения правообладателя с целью уточнения формулы посредством использования описания и чертежей патента – определен в ст. 59 Закона о патентах КНР и уточнен в деле *Chint v. Schneider* (2009)¹². В данном деле суд решил, что необходимо обращаться к описанию и чертежам патента для выявления намерений правообладателя в отношении спорного признака пункта формулы. Причем данный анализ не должен расширять объем прав, который можно определить при буквальном чтении текста формулы или описания патента. Данный анализ может быть применен только к признакам, у которых нет однозначного определения. Более того, ответчик имеет право ссылаться на переписку заявителя с СНИРА для уточнения намерения правообладателя, и суд обязан принять такую переписку во внимание. Применение переписки может применяться в совокупности с доктриной эстоппеля, по которой заявления и действия правообладателя могут ограничить объем его патентных прав.

Подход третий – доктрина компромисса между правообладателем и общественностью. В ст. 2 Толкования Верховного народного суда Китая по делам о спорах о нарушении патентных прав (Судебное толкование Верховного народного суда) установлено, что «народные суды определяют содержание исковых требований, как определено в п. 1 ст. 59 Патентного закона, на основе формулировок исковых требований и понимания исковых требований лицом, квалифицированным в данной области, после прочтения описания и чертежей»¹³.

Четвертый подход – доктрина эквивалентов [4], которая применяется только в том случае, когда нарушение патента неочевидно после применения первых трех подходов. Доктрину эквивалентов можно охарактеризовать следующим образом: «Объем охраны ограничивается объемом, определяемым всеми техническими признаками, содержащимися в формуле изобретения, а также включает объем, определяемый признаками, эквивалентными этим техническим признакам»¹⁴.

¹¹ An International Guide to Patent Case Management for Judges (2024) URL: https://www.wipo.int/patent-judicial-guide/en/full-guide/china/4.3?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 10.10.2025).

¹² CHINT Group Corp v. Schneider Electric Low Voltage (Tianjin) Co., Ltd (2009).

¹³ Article 2 of the Interpretation of Patent Infringement Dispute Cases Supreme People's Court Judicial Interpretation of the on Several Issues Concerning the Application of Law in the Trial of Patent Dispute Cases (2010.1.1) URL: <https://www.afdip.com/index.php?ac=article&at=read&did=2173> (дата обращения: 10.10.2025).

¹⁴ Article 13 paragraph 1 of the Provisions on the Trial of Patent Disputes, Several Provisions of Supreme People's Court on Issues Concerning the Application of Law in the Trial of Cases Involving Patent Disputes (2021.1.1).

Для проведения сравнительного анализа независимого пункта формулы и потенциального контрафакта признаки формулы должны быть разделены на наименьшие технические единицы, способные производить независимые технические эффекты и получать связанные технические результаты, которые в совокупности дают общий технический результат охраняемого изобретения¹⁵.

В результате сложившейся правоприменительной практики патенты в Китае имеют большое количество пунктов формулы и детальное описание всевозможных технических воплощений изобретения, в случаях, когда это обосновано потенциальной экономической выгодой от широкой рыночной монополии, или написаны очень кратко, точно определяя объем патентных прав без возможности расширенной интерпретации объема патента, с целью минимизации расходов на патентование.

Сравнительный анализ и заключение. Объем правовой охраны патента всегда определяется судом в отношении конкретного потенциального контрафакта, а не в абстракции общего рынка товаров и услуг. Следовательно, на стадии подготовки заявки на патент сложно предсказать ограничения в интерпретации объема патентных прав.

В представленной ниже таблице приведен сравнительный анализ толкования формулы обеих юрисдикций с последующими рекомендациями заявителям.

Таблица 1

**Сравнение критериев толкования формулы
в России и Китае**

Критерий	Российская Федерация	Китайская Народная Республика
Базовый метод толкования	Строгое буквальное толкование текста формулы патента	Буквальное толкование текста с применением «всеобъемлющего принципа» толкования
Роль формулы	Не может расширяться через описание	Может уточняться через описание, чертежи и намерение заявителя
Роль описания и чертежей	Используются только для уточнения спорных терминов; не могут расширять охрану	Полноценный инструмент толкования – может уточнять объем
Доктрина эквивалентов	Применяется на усмотрение эксперта, если эквивалент известен до даты приоритета и имеет функциональную идентичность	Применяется судами регулярно, но только в случае прямого указания в описании на наличие эквивалентов
Однородность подхода судов и патентного ведомства	Суд и Роспатент действуют раздельно; подходы могут отличаться	Судебные решения обязательны для CNIPA; единая логика судебной-административной системы
Степень гибкости интерпретации	Низкая – текст формулы определяет объем прав	Низкая – текст формулы определяет объем прав, но может уточняться

¹⁵ Liu Zonggui v. FLLPC Co., Ltd. (2017) Civil Appeal No. 3802 by Supreme People's Court.

Критерий	Российская Федерация	Китайская Народная Республика
Требования к описанию	Должно подтверждать признаки формулы; не влияет на расширение охраны	Обязательно давать множество реализаций, обеспечивая широкий диапазон толкования и прямо указывать на наличие эквивалентов
Роль эксперта в судебном процессе	Определяющая; суд опирается на буквальный анализ и заключение специалиста	Экспертиза важна, но суды самостоятельно интерпретируют документы, включая намерения заявителя
Последствия для патентной стратегии	Нужно максимально тщательно прорабатывать формулу и включать множество зависимых пунктов, поддерживаемых в описании	Нужно расширять формулу и описание, детализировать варианты реализаций, придерживаться осторожной позиции в переписке с CNIPA
Уровень предсказуемости охраны	Высокий	Средний – зависит от интерпретации суда, описания патента, переписки с CNIPA
Риск потери прав из-за действий заявителя	Минимальный	Существенный (доктрина эстоппеля)

Поскольку российская система опирается на буквальное толкование текста формулы и не допускает расширения охраны через описание, первичная заявка в Российской Федерации должна содержать максимально полный и детализированный набор независимых и зависимых пунктов формулы, полностью подтвержденных описанием и чертежами, без неопределенных терминов и с включением всех потенциально значимых вариантов реализации.

Такое расширенное раскрытие необходимо также для последующего патентования в Китае, где действует «всеобъемлющий принцип» толкования. Данный принцип означает, что суды и CNIPA учитывают описание, чертежи, технические эффекты и раскрытые эквиваленты, которые должны быть прямо обозначены в тексте описания в качестве таковых, формируя объем прав на основе не только буквального текста формулы, но и намерения правообладателя.

При этом заявитель должен учитывать баланс между стоимостью подготовки и перевода объемной заявки на патент и выгодой от широкой патентной монополии. Длинная заявка на патент повышает затраты, тогда как короткие тексты удешевляют процедуру международного патентования. На российской стадии целесообразно предусматривать такой объем раскрытия, который обеспечивает потенциальный экономический смысл защиты в КНР, не создавая при этом избыточных расходов.

При последующем взаимодействии с CNIPA необходимо контролировать риски, возникающие при переписке заявителя с экспертом, которая может быть использована судами как фактор, сужающий объем прав. Рекомендуется текст первоначальной заявки и ее перевод на китайский язык сделать четким и однозначным, позволяющим минимизировать общение с CNIPA на стадии

экспертизы по существу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Китайский В.Е. Расширительное толкование формулы изобретения через эквивалентные признаки / В.Е. Китайский // IP: Теория и практика: 2023. – № 4. – С. 77–90.
2. Кочеткова В.Д. Допустимые пределы толкования формулы изобретения и полезной модели при судебной экспертизе / В.Д. Кочеткова // Интеллектуальная собственность для государства и человека: сб. докладов XXVII Международной науч.-практ. конф. Роспатента. – Москва, 2023. – С. 41–47.
3. Гид по интеллектуальной собственности: Китай, 2024. URL: <https://rouse.com/media/njza4bk1/ip-litigation-enforcement-guide-china.pdf> (дата обращения: 01.01.2025).
4. Практический обзор доктрины эквивалентности в Китае, 2020. URL: https://intellectual-property-helpdesk.ec.europa.eu/news-events/news/practical-overview-doctrine-equivalence-china-2020-09-29_en (дата обращения: 01.01.2025).

References

1. Kitajskij V.E. Broad interpretation of the invention formula through equivalent features. *IP: Teoriya i praktika = IP: Theory and practice*. 2023. No. 4 (in Russ.).
2. Kochetkova V.D. Permissible limits of interpretation of the formula of an invention and utility model during a forensic examination. *Intellektual'naya sobstvennost' dlya gosudarstva i cheloveka, sbornik dokladov XXVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii Rospatenta = Intellectual Property for the State and the Individual, a collection of papers from the XXVII International Scientific and Practical Conference of Rospatent*. Moscow, 2023 (in Russ.).
3. IP Litigation and Enforcement Guide: China (2024). URL: <https://rouse.com/media/njza4bk1/ip-litigation-enforcement-guide-china.pdf> (date of access: 01.01.2025).
4. A practical overview of the doctrine of equivalence in China (2020). URL: https://intellectual-property-helpdesk.ec.europa.eu/news-events/news/practical-overview-doctrine-equivalence-china-2020-09-29_en (date of access: 01.01.2025).

Статья поступила 01.12.2025, принята к публикации: 16.12.2025

© Москвич А.С., 2025

ПАТЕНТНОЕ ПРАВО

Научная статья

УДК 347.77

О нормативном регулировании правосубъектности робототехники и систем искусственного интеллекта в Российской Федерации

Роман Иванович Васиян

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина,

Россия, Екатеринбург

Доцент Департамента гуманитарного и социально-экономического образования, заместитель генерального директора по правовому обеспечению и корпоративному управлению АО «Концерн «Уралвагонзавод»

R_Vasiyan@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы обусловлена стремительным развитием робототехники и систем искусственного интеллекта, вопросами о наличии или отсутствии правосубъектности у роботов. В связи с этим предметом данной научной статьи являются общественные отношения, возникающие при взаимодействии с робототехникой и системами искусственного интеллекта в Российской Федерации.

Исследование проблемы позволит выработать подходы для определения возможности наделения роботов правосубъектностью, а также сформулировать предложения для правового регулирования таких правоотношений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовой статус, правосубъектность, робот, робототехника.

Для цитирования: Васиян Р.И. О нормативном регулировании правосубъектности робототехники и систем искусственного интеллекта в Российской Федерации / Р.И. Васиян // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2025. – №4. – С. 25–36.

Original article

On normative regulation of the legal personality of robotics and artificial intelligence systems in the Russian Federation

Roman I. Vasyan

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia,
Associate Professor, Department of Humanities and Socioeconomic Education,
Deputy General Director for Legal Support and Corporate Governance,
Uralvagonzavod Concern JSC
R_Vasiyan@mail.ru

Abstract. The relevance of the stated topic is primarily related to the rapid development of robotics and artificial intelligence systems. At the same time, questions are increasingly arising related to the presence or absence of legal personality in robots. In this regard, the subject of this scientific work is the social relations that arise when interacting with robotics and artificial intelligence systems in the Russian Federation.

The study of the problems will allow the author to develop approaches to determine the possibility of endowing robots with legal personality or formulate proposals for legal regulation.

Key words: artificial intelligence, legal status, legal personality, robot, robotics.

For citation: Vasyan R.I. On normative regulation of the legal personality of robotics and artificial intelligence systems in the Russian Federation // Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2025. No. 4. P. 25–36.

В связи с развитием науки и техники, внедрением систем искусственного интеллекта становится все более актуальным вопрос о необходимости определения правового статуса робота: следует ли его наделять правосубъектностью, т.е. признавать субъектом правоотношений, либо распространять на него правовой режим объекта гражданских правоотношений?

Внимание исследователей фокусируется на различных формах проявления «правосубъектности» искусственного интеллекта и автономных роботов. Так, в немецком правоведении высказано предположение о сверхспособностях роботов, превосходящей возможности человека, что потребует пересмотра устоявшегося в правовых системах положения об антропоцентризме¹.

¹ См.: Erhardt J., Mona M. Rechtsperson Roboter – Philosophische Grundlagen Für den rechtlichen Umgang mit künstlicher Intelligenz // Intelligente Agenten und das Recht. Baden-Baden: Nomos, 2016. S. 62-63.

В Европейском союзе предприняты попытки определить статус автономных роботов как специфических «электронных лиц». Так, в Резолюции Европарламента «Нормы гражданского права о робототехнике» от 16.02.2017² сформулирована концепция электронной личности (электронного лица) для автономных роботов, которые могли бы иметь права и обязанности, включая обязательную страховку для покрытия возможного ущерба. Хотя эта инициатива пока не получила воплощения в законе, она задала общие рамки для глобальной дискуссии.

В целом к настоящему времени сформировались три основные концепции по поводу определения «правосубъектности» роботов.

1. Концепция робота как юридического лица [1] допускает избирательное применение норм гражданского права, регулирующих отношения с участием юридических лиц, к отношениям с «участием» роботов – по аналогии, исходя из того, что природа юридических лиц и роботов одинакова: носит искусственный характер, представляет собой не что иное, как фикцию.

2. Концепция электронного лица [2] предполагает юридическую конструкцию, в соответствии с которой электронное лицо обладает субъективными правами и обязанностями и выступает вовне как комплекс прав и обязанностей, определяющих действия искусственного интеллекта.

3. Концепция ограниченной правосубъектности роботов [3] допускает правоспособность, дееспособность и деликтоспособность роботов, однако только в установленных законом пределах. Примечательно, в США, где отсутствует единое федеральное регулирование статуса автономных роботов, а в отдельных штатах принимаются точечные решения, в правовом порядке делается основной акцент не на правах роботов, а на вопросах, касающихся ответственности их создателей и операторов.

Отдельные авторы полагают, что в качестве субъектов права следует признавать только роботов-агентов. К гражданским отношениям с участием таких роботов может применяться гражданское законодательство о юридических лицах³, т.е. здесь робот-агент идентифицируется в качестве юридического лица. Однако это положение не согласуется с другим положением в рамках этого же подхода, когда отмечается, что под владельцем робота-агента следует понимать юридическое лицо и т.д. Получается, что робот-агент является юридическим лицом и оно в то же время выступает в качестве объекта права владельца робота – юридического лица. Сама конструкция юридического лица есть не более как юридическая фикция, которая как таковая принципиально не может выступать в качестве объекта чьего-либо права.

В литературе имеется и противоположная позиция, отражающая иной подход к проблеме «правосубъектности» роботов, когда правовой режим роботов увязывается с рассмотрением их только в качестве объектов гражданских правоотношений. Так, по мнению С.А. Синицина, «роботы являются не участниками общественных отношений, а исключительно объектами или

² Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). URL: <https://robotrends.ru/pub/1725/normy-grazhdanskogo-prava-o-robototekhnike-i-hartiya-robototekhniki> (дата обращения: 10.12.2025).

³ См.: Гришин Д.С. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники» // URL: <https://robotrends.ru/pub/1650/dmitriy-grishin-predstavil-proekt-regulirovaniya-pravovogo-statusa-robotov?ysclid=mfju2oemuu790183864> (дата обращения: 12.12.2025).

средствами общественного производства, а значит, их место определяется только положением объекта прав» [4].

Как представляется, при решении проблемы, связанной с определением «правового статуса» роботов, необходимо учитывать следующие обстоятельства.

Прежде всего, следует исходить из того, что нельзя смешивать такие сущности, как «робот» и «искусственный интеллект», что проявляется в ряде аспектов, в том числе в соотношениях, когда «робот» и «интеллект» могут быть непосредственно не взаимосвязаны. Так, О.П. Александров и Г.У. Казахаева ставят вопрос: «Насколько справедлива связка "робот – интеллект" и действительно ли интеллектуальность должна быть в числе основных свойств роботов?» И, отвечая на него, замечают, что «подавляющее большинство областей применения роботов не требует наличия у них интеллектуальных способностей» [5].

Действительно, далеко не всегда имеется потребность в наличии у роботов «интеллектуального» компонента, что отражается и в их конструкции (например, роботы-манипуляторы). В частности, имеется такой тип, как аналоговые роботы с ограниченным набором функций; они не могут получать данных из окружающей среды и принимать самостоятельных решений и используются для решения утилитарных задач. Отсюда следует, что применительно к такому типу роботов задача определения их «правового статуса» вообще снимается: они могут выступать только в качестве объектов гражданских прав и соответствующих правоотношений.

Однако структура многих типов современных роботов включает в свой состав целый ряд взаимодействующих компонентов, в числе которых: элементы (компоненты), субстрат которых носит материально-вещественный характер (корпус – несущая конструкция, манипулятор, датчики и др.); интеллектуальный элемент (компонент) – программное обеспечение и другие результаты творческой деятельности человека.

Для сферы правового регулирования данная структуризация имеет принципиально важное значение: если указанные и другие материально-вещественные элементы (компоненты) могут и в действительности выступают в качестве объектов вещных прав (право собственности – ст. 209 ГК РФ, право хозяйственного ведения имуществом – ст. 294 ГК РФ, право оперативного управления имуществом – ст. 296 ГК РФ), из которых, например, право собственности на материальные носители может принадлежать владельцу робота, то иначе обстоит дело с «интеллектуальным» элементом (компонентом) робота – результатом человеческой творческой (интеллектуальной) деятельности, который, по общему правилу, принадлежит его творцу (человеку), а владелец робота может использовать такой интеллектуальный результат на основе специального разрешения (лицензии), выданного правообладателем на данный интеллектуальный продукт.

Аналогично, например, право собственности на материально-вещественную основу робота-автомобиля принадлежит его владельцу (собственнику), что же касается «интеллектуальной» составляющей – программного обеспечения, то интеллектуальные права на такие творческие результаты будут принадлежать иным лицам – их разработчикам (творцам), а не владельцу (собственнику) робота.

Таким образом, на сегодняшний день информационная, технологическая среда в сфере робототехники, а также существующее правовое регулирование, обуславливают вывод о том, что все структурные элементы (компоненты) робота выступают в качестве объектов вещных прав или объектов интеллектуальных прав, которые принадлежат именно человеку, а не роботу – пусть даже и с высокой степенью его автономности.

Вместе с тем ранее в философии [6], а в последнее время и в правоведении актуализируется подход об «изменении субъективно-объективной парадигмы права» [2], ставится вопрос о пределах для появления новых субъектов права, в числе которых роботы. Указанная субъективно-объективная парадигма в праве позиционируется как единство субъективного и объективного аспектов в правовом сознании; человек одновременно объявляется и объектом правового регулирования, и активным, заинтересованным субъектом правовых отношений.

Применительно к сфере правового регулирования отношений, связанных с технологиями робототехники, указанная «субъект-объектная» парадигма означает возможность рассмотрения «робота» одновременно в двух «ипостах»: и как субъекта права, и как объекта права и правовых отношений.

Однако думается, гипотетически такой феномен робота можно помыслить лишь в будущем, когда интеллектуальные технологии в сфере робототехники будут развиты настолько, что автономные роботы станут обладать способностью самостоятельно воспроизводить себя и все составляющие их компоненты, в том числе интеллектуальное обеспечение, его развитие и т.д., независимо от человека. Но даже и в этом случае контрольные функции в критических ситуациях должны сохраняться за человеком.

В настоящее время роботы выступают в качестве объектов гражданских прав: к объектам гражданских прав относятся вещи, иное имущество, имущественные права, результаты работ и оказание услуг, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность) и другие блага (ст. 128 ГК РФ) [7]. Следовательно, на отношения по поводу роботов распространяются соответствующие нормы ГК РФ, определяющие правовой режим вещей как объектов гражданских прав.

Вместе с тем в будущем для автономных роботов представляется применимой модель электронно-цифрового лица, которое является совокупностью прав и обязанностей вещного и иного характера. При этом всякие права и обязанности связаны с теми или иными объектами; безобъектных прав и обязанностей в правовой действительности не существует. В данном случае в качестве объекта прав и обязанностей такого электронно-цифрового лица будет выступать робот как сложный имущественный комплекс, охватывающий собой не только «вещественные» элементы, но также и исключительные права на «интеллектуальные продукты», созданные самим роботом.

Однако в современных условиях основная проблема, как представляется, заключается не в том, как обозначить («поименовать») робота: «юридическое лицо», «электронное лицо», объект с «ограниченной правосубъектностью», «субъект-объектная» модель и т.д., а сопряжена с правовой оценкой последствий в случаях возникновения «девиантного поведения» робота и определением ответственных лиц, в качестве которых в настоящее время могут

выступать владельцем (собственником), эксплуатирующим робота, иное лицо, в пользовании (по договору аренды) которого находился робот, разработчик программного обеспечения и т.д., виновные в причинении вреда.

Вместе с тем нужно иметь в виду, что многие виды роботов по своим техническим свойствам и иным характеристикам подпадают под такое понятие, как «источник повышенной опасности» (ст. 1079 ГК РФ), владелец которого несет, по общему правилу, ответственность независимо от его вины, однако с возможностью в последующем «переложения» в установленном порядке такой ответственности на другое действительно виновное лицо, если при этом сам владелец источника повышенной опасности не виновен в причинении вреда.

Важнейшее значение в законе должно придаваться принципам правового регулирования отношений в сфере робототехники. В упомянутой выше резолюции Европарламента (2017), закрепляющей особенности использования роботов, сформулирован ряд принципов, на основе которых должна выстраиваться такая деятельность: «человек владеет роботами на принципах самостоятельности и справедливости; роботы должны действовать в интересах людей, не должны вредить им; помощь робота должна быть доступна каждому»⁴. Интересно, что эта формулировка перекликается с тремя «законами робототехники» писателя-фантаста Айзека Азимова, которые он озвучил в 40-е годы прошлого столетия:

1) робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред;

2) робот должен повиноваться всем приказам, которые дает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат «Первому закону»;

3) робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит «Первому или Второму закону»⁵.

А в 1985 г. в романе «Роботы и империя» (англ. – *Robots and Empire*) названный выше автор предложил «Нулевой закон»: «Робот не может причинить вред человеку, если только он не докажет, что в конечном счете это будет полезно для всего человечества» [8], – крайне спорный и сомнительный вывод автора. Ибо очень сложно (да и возможно ли?) сделать такую мегаоценку – что в итоге полезно, а что нет для «всего человечества» – и в зависимости от этого решать вопрос о возможности причинения вреда человеку.

В Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники⁶ в подразделе 3 раздела I «Общие положения» предусмотрен ряд принципов, направленных на обеспечение цели и задач, обозначенных в названном документе.

Во-первых, здесь речь идет о единых принципах, которые экстраполируются одновременно на две сферы отношений, связанных с технологиями искусственного интеллекта и робототехники, а эти сферы, как было отмечено

⁴ European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics. URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (дата обращения: 12.12.2025).

⁵ Цит. по: Мельникова Ю. 4 закона робототехники: как законодательно регулируется деятельность роботов в России. URL: https://dzen.ru/a/X_1T767vPHgpea9r?ysclid=mfa0drp4yp467680608 (дата обращения: 12.12.2025).

⁶ Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г. // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74460628/> (дата обращения: 12.12.2025).

выше, – не тождественные понятия. Следовательно, с методологической точки зрения вряд ли можно признать достаточно обоснованным формулирование единых принципов, которые предназначены для регулирования социальных сфер хотя и взаимно близких, однако имеющих ряд особенностей.

Во-вторых, не бесспорным представляется принцип, сформулированный как «запрет на причинение вреда человеку по инициативе систем искусственного интеллекта и робототехники (по общему правилу, следует ограничивать разработку, оборот и применение систем искусственного интеллекта и робототехники, способных по своей инициативе целенаправленно причинять вред человеку)». Исходя из применения силлогизма формальной логики к данному принципу, получается, что если вред причинен человеку не по «инициативе» системы искусственного интеллекта или робота, а, скажем, по вине человека, использующего искусственный интеллект или робота, то такое причинение вреда является допустимым, что, конечно же, неверно.

Далее, крайне спорной представляется и та часть рассматриваемого принципа, в соответствии с которой «по общему правилу, следует ограничивать разработку, оборот и применение систем искусственного интеллекта и робототехники, способных по своей инициативе целенаправленно причинять вред человеку». Думается, создание, оборот, а также использование искусственного интеллекта или робота, способных по «своей инициативе и целенаправленно» причинять вред человеку, должно быть запрещено, а не ограничиваться применением полумера.

При формулировании правовых принципов в указанной сфере представляется необходимым обратить внимание на некоторые положения методологического характера.

Во-первых, вести речь следует не о принципах «пользования» роботами, как это делается в отдельных документах, а о принципах, регулирующих более широкую сферу, – отношения, связанные с разработкой, внедрением, оборотом, использованием роботов и т.д., что в целом можно обозначить как сферу робототехники.

Во-вторых, система таких принципов должна отражать не только технические аспекты, но также и социальные, морально-этические стороны в сфере робототехники, что является принципиально важным.

В-третьих, должна обеспечиваться корреляционная взаимосвязь правовых принципов в сфере робототехники с соответствующими правовыми принципами, регулирующими отношения, связанные с искусственным интеллектом.

В-четвертых, рассматриваемые принципы должны базироваться на положениях действующего законодательства и отражать основные (сущностные) особенности регулирования отношений в сфере робототехники.

В-пятых, развитие правового регулирования отношений в сфере современных технологий робототехники должно опираться на сотрудничество и взаимодействие с компетентными органами и организациями из дружественных стран.

С учетом отмеченного можно выделить ряд следующих принципов в указанной сфере.

1. Обеспечение безопасности технологий роботов – при обычных условиях и соблюдении требований к их эксплуатации они не должны причинять вред жизни и здоровью человека, его окружающей среде.

2. Стимулирование развития технологий робототехники посредством использования экономических, финансовых, правовых, организационных и других средств, регулирующих в единстве и взаимосвязи все элементы системы взаимоотношений субъектов в сфере робототехники, начиная с научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ, внедрение их результатов и т.д., и до использования роботов в реальном секторе экономики.

3. Обеспечение баланса интересов всех участников системы взаимоотношений в сфере робототехники: разработчиков, производителей, пользователей и других лиц с определением границ их ответственности за возможное наступление негативных последствий, связанных с использованием технологий робототехники.

4. Равный доступ всех субъектов экономической деятельности в сфере робототехники к необходимой информации из государственных и муниципальных информационных фондов в целях разработки систем робототехники.

5. Риск-ориентированный подход к регулированию отношений в сфере робототехники, предполагающий разработку индикаторов риска и соответствующих с ними ограничительных норм, которые подлежат применению, когда использование технологий робототехники сопряжено с повышенным риском причинения вреда жизни, здоровью людей, окружающей среде, а также интересам общества и государства.

6. Обеспечение технологического суверенитета и экономической безопасности России в сфере робототехники с учетом установок соответствующих национальных проектов и программ, а также политико-директивных документов в области развития информационных технологий и цифровых преобразований.

7. В основе системы правового регулирования отношений в сфере робототехники должны лежать морально-этические и нравственные начала с приоритетным обеспечением среди поставленных целей и задач: обеспечение благополучия и безопасности человека, защиты его конституционных прав и свобод; запрет умышленного причинения вреда человеку по «инициативе» систем робототехники; подконтрольность человеку функций роботов сообразно степени их автономности.

8. Взаимодействие с международными организациями в сфере роботостроения, а также сотрудничество с национальными органами и организациями дружественных государств.

Исходно важное значение для целей формирования системы нормативно-правового регулирования отношений в сфере робототехники имеет ряд положений, касающихся в целом построения данной регулятивной системы.

Прежде всего, центральное место в таком нормативном массиве должны занимать нормы Федерального закона «Об основах правового регулирования отношений в сфере робототехники», который необходимо разработать и принять. На его базе как основополагающего законодательного акта должно выстраиваться все последующее законодательство в данной сфере. При этом важно устранить имеющиеся бюрократические нормативно-правовые препятствия, мешающие развитию технологий робототехнических систем, а также не допустить чрезмерной регламентации, зарегулированности отношений в указанной сфере.

Характер, виды норм, их структурное построение и т.д. в рамках названного нормативного массива обусловлены рядом особенностей сферы робототехники. Одна из таких особенностей заключается в том, что большинство робототехнических систем, даже с высокой степенью автономности их функций, не способно воспринимать морально-этические положения, а может реагировать на определенные действия и операции технического и иного характера, что обуславливает технико-юридический характер соответствующей части норм среди нормативных правовых регуляторов отношений в сфере технологий робототехники. С этим обстоятельством связан и другой момент: поскольку в основе технологий робототехники лежат закономерности информационно-технического, математического, физического, кибернетического и иного естественно-научного характера, которые объективно не могут быть подвержены правовому регулированию, то в качестве предмета правового регулирования здесь выступают не сами по себе указанные технологии (технологии как таковые), а отношения, складывающиеся по их разработке, определению правового режима таких объектов, регулированию их оборота, использования в практической деятельности и т.д. между различными субъектами экономических отношений.

В целом систему правового регулирования отношений в сфере робототехники можно представить в следующем виде.

Первый уровень – это программно-политический документ концептуального характера, отражающий значение и место института робототехники в системе экономики, специфику робототехнической среды, обуславливающий сущностные особенности законодательства в указанной сфере, перспективы его развития и т.д. В принципиальном плане такой документ в России разработан – Концепция развития регулирования отношений в сфере искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г., которая в настоящее время, как представляется, нуждается в ряде поправок и дополнений, в том числе учитывающих: основные современные мировые тенденции в развитии систем робототехники, новейший к настоящему времени научно-технологический уровень, достигнутый в сфере робототехники; баланс интересов всех участников правоотношений в сфере робототехники; необходимость формирования в России органа, обладающего специальной компетенцией – Федерального агентства по робототехнике и т.д.

Второй уровень непосредственно связан с формированием нормативных установлений, составляющих содержание проекта Федерального закона «Об основах правового регулирования отношений в сфере робототехники», который мог бы выступать в качестве базового, центрообразующего законодательного «ядра» в системе законодательства в сфере робототехники. Причем разработка и принятие такого федерального закона не сопряжена с коренной ломкой действующей системы российского законодательства; потребуется лишь внесение ряда поправок в отдельные кодифицированные законы: Гражданский кодекс РФ, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Налоговый кодекс РФ и некоторые другие.

Третий уровень – указы Президента Российской Федерации и постановления Правительства Российской Федерации, т.е. нормативно-правовые акты, направленные главным образом на решение задач оперативного харак-

тера, возникающих при осуществлении правового регулирования отношений в сфере робототехники, в частности, связанных с обеспечением своевременного финансирования инновационных проектов, имеющих ключевое значение для экономики Российской Федерации и т.д.

Четвертый уровень отводится ведомственным нормативно-правовым актам – актам федеральных министерств (ведомств, агентств и т.д.), в которых должны учитываться существенные особенности, характерные для соответствующей отрасли экономики, требующие правового регулирования.

Пятый уровень относится к правовому регулированию отношений в сфере робототехники с использованием законодательства субъектов Российской Федерации. Исходя из положений, закрепленных в статьях 71 и 72 Конституции Российской Федерации, необходимо четко определить вопросы в области систем робототехники, относящиеся к юрисдикции субъектов Российской Федерации, а также составляющие предмет компетенции Российской Федерации и, кроме того, вопросы, составляющие предмет совместной компетенции Российской Федерации и ее субъектов.

Шестой уровень касается нормативных установлений, связанных с робототехникой, формирование которых относится к компетенции муниципальных образований, органов местного самоуправления.

Седьмой уровень – установление правил, требований, относящихся к компетенции саморегулируемых организаций – создание кодексов (сводов) этических правил поведения при разработке, внедрении и использовании технологий робототехники.

В порядке краткого резюме можно сделать следующие выводы.

1. Основной целью правового регулирования отношений в сфере робототехники является стимулирование развития технологий робототехники посредством использования комплекса экономико-правовых, финансово-правовых, налоговых и иных средств; обеспечение безопасности использования роботов, баланса интересов всех участников отношений, связанных с созданием роботов, их оборотом, использованием; охрана и защита прав и законных интересов граждан.

2. Содержание законодательства составляет комплексный нормативный массив, включающий наряду с нормативными установлениями аналогового права специфические технико-юридические нормы, регулирующие различные отношения в области технологий робототехники, а также связанные с ними конкретные действия и операции технического характера.

3. Правовое урегулирование в сфере робототехники видится как комплексное, в своей основе единое и взаимосвязанное упорядочение общественных отношений, складывающихся по поводу научно-исследовательских, опытно-конструкторских, внедренческих работ в области роботостроения, использования роботов, обеспечения их безопасности и т.д.

4. Роботы являются объектами предпринимательских и гражданских правоотношений. Наделение их таким «качественным» свойством, как правосубъектность, должно происходить путем накопления и использования отечественного и зарубежного опыта в этой области, в том числе посредством применения экспериментальных правовых режимов в различных форматах практической деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Михалева Е.С. Проблемы и перспективы правового регулирования робототехники / Е.С. Михалева, Е.А. Шубина // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – №12(109). – С. 26–35.
2. Ястребов О.А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы / О.А. Ястребов // Труды института государства и права РАН. – 2018. – Т. 13, №2. – С. 37.
3. Габов А.В. Правосубъектность: традиционная категория права в современную эпоху / А.В. Габов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – №2. – С. 105–121.
4. Синицын С.А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования: монография / С.А. Синицын. – Москва: Инфотропик Медиа, 2021. – С. 60.
5. Александров О.П. Роботы и искусственный интеллект / О.П. Александров, Г.У. Казахбаева // Наука, техника и образование. – 2016. – №12(30). – С. 31–33.
6. Канке В.А. Общая философия науки: учебник / В.А. Канке. – Москва: Омега-Л, 2009. – С. 13.
7. Аненкова А.А. Место искусственного интеллекта в структуре гражданских правоотношений / А.А. Аненкова, С.Г. Гончарова. — Текст : электронный // Весенние дни науки : сб. докладов Международной конф. студентов и молодых ученых (Екатеринбург, 20–22 апреля 2023 г.). — Екатеринбург : Издательский Дом «Ажур», 2023. — С. 1294–1296.
8. Азимов А. Роботы и Империя / пер. с англ. А. Абдураимова, О. Максименко. – Москва, 1992. – С. 11–12.

References

1. Mikhaleva E.S., Shubina E.A. Problems and prospects of legal regulation of robotics. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2019. No. 12(109). P. 26–35 (in Russ.).
2. Yastrebov O.A. Legal personality of an electronic person: theoretical and methodological approaches. *Trudy instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2018. Vol. 13, No. 2. P. 37 (in Russ.).
3. Gabov A.V. Legal personality: a traditional category of law in The modern era. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2018. No. 2. P. 105–121 (in Russ.).
4. Sinitsyn S.A. Rossiyskoye i zarubezhnoye grazhdanskoye pravo v usloviyakh robotizatsii i tsifrovizatsii. *Opyt mezhdistsiplinarnogo i otraslevogo issledovaniya = Russian and foreign civil law in the context of robotization and digitalization. The experience of interdisciplinary and industry research: a monograph*. Moscow: Infotropik Media Publ., 2021. P. 60 (in Russ.).
5. Alexandrov O.P., Kazakhbayeva G.U. Robots and artificial intelligence. *Nauka, tekhnika i obrazovanie = Science, technology and education*. 2016. No. 12(30). P. 31–33 (in Russ.).

6. Kanke V.A. General philosophy of science: textbook. Moscow: *Omega-L Publ.*, 2009. P. 13 (in Russ.).

7. Anenkova A.A., Goncharova S.G. The place of artificial intelligence in the structure of civil law relations: Collection of reports of the international conference of students and young scientists. April 20–22, 2023. Electronic scientific publication; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «UrFU named after the first President of Russia B.N. Yeltsin». Yekaterinburg: *Azhur Publ.*, P. 1294–1296 (in Russ.).

8. Asimov A. Robots and Empire / transl. from English by A. Abduraimov and O. Maksimenko. Moscow. 1992. P. 11–12 (in Russ.).

Статья поступила 21.12.2025, принята к публикации 26.12.2025

© Васиян Р.И., 2025

РОССИЙСКОЕ ПРАВО: НОРМЫ И ПРАКТИКА

Научная статья

УДК 347.77

Принцип свободы договора и реализация права на вознаграждение за создание служебных изобретений: правовые риски авторов жизнеспособных инноваций

Наталья Юрьевна Сергеева

Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия

Кандидат юридических наук, доцент

Доцент кафедры Гражданского и предпринимательского права

<https://orcid.org/0000-0003-3964-7904>

NSkafedra@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению правовых рисков создателей инноваций, охраняемых как служебные изобретения. Рассмотрена проблема отсутствия баланса между принципом свободы договора и реализацией права на вознаграждение изобретателей, которая в настоящее время не способствует обеспечению полноценного импортозамещения и конкурентоспособности отечественных разработок. В результате исследования предлагается императивно определять размер, порядок и условия вознаграждения автору за созданный объект патентного права.

Ключевые слова: инновации, интеллектуальная собственность, служебные изобретения, принцип свободы договора, вознаграждение за создание служебного изобретения.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР «Правовое обеспечение и экономическое содействие жизнеспособности инноваций в условиях современных интеграционных процессов» (6-ГЗ-2025).

Для цитирования: Сергеева Н.Ю. Принцип свободы договора и реализация права на вознаграждение за создание служебных изобретений: правовые риски авторов жизнеспособных инноваций / Н.Ю. Сергеева // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2025. – №4. – С. 37–45.

Original article

The principle of freedom of contract and the realization of the right to remuneration for the creation of official inventions: legal risks of authors of viable innovations

Natalia Yu. Sergeeva

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia
Associate Professor of the Department of Civil and Business Law
PhD in Law, Associate Professor,
<https://orcid.org/0000-0003-3964-7904>
NSkafedra@bk.ru

Abstract. This article examines the legal risks faced by creators of innovations protected as service inventions. It examines the imbalance between the principle of freedom of contract and the exercise of the right to remuneration for inventors, which currently hinders the full-fledged import substitution and competitiveness of domestic developments. The study proposes a mandatory determination of the amount, procedure, and terms of remuneration for the author of a patented object.

Key words: innovation, intellectual property, service inventions, principle of freedom of contract, remuneration for creation of service invention.

Funding: The study was carried out within the framework of the research project “Legal support and economic support for the viability of innovations in the context of modern integration processes” (6-GZ-2025).

For citation: Sergeeva N.Yu. The principle of freedom of contract and the exercise of the right to remuneration for the creation of service inventions: legal risks of authors of viable innovations // Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2025. No. 4. P. 37–45.

В настоящее время Российская Федерация находится в условиях беспрецедентного санкционного давления, что делает необходимым обеспечение полноценного импортозамещения и достижения технологического суверенитета. Огромное значение приобретает максимальная гарантированность интересов авторов – создателей жизнеспособных инновационных продук-

тов, благодаря которым может быть обеспечена конкурентоспособность отечественных разработок. Такие продукты могут иметь статус охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, иными словами, являться интеллектуальной собственностью. Наиболее значимыми среди них представляются изобретения, от внедрения которых во многом зависит достижение указанной цели, а значит, авторские права их создателей должны быть максимально гарантированы и защищены. В статье мы рассмотрим правовой вопрос, который в настоящее время касается авторов служебных изобретений, чьи объекты были созданы в связи с исполнением ими своих трудовых обязанностей. В частности, мы проанализируем проблему отсутствия правового баланса между принципом свободы договора и реализацией права на вознаграждение за создание указанных объектов патентного права. Ее наличие, на наш взгляд, ставит под сомнение мотивацию авторов на их создание в случае заключенного трудового договора, по условиям которого исключительное право на созданные ими изобретения, равно как и право на получение патента, принадлежат работодателю (п. 3 ст. 1470 ГК РФ).

Принципы гражданского права. Основные начала гражданского законодательства, иначе именуемые в доктрине «принципами» (от лат. *principium* – начало, основа) – своеобразный юридический фундамент, на котором зиждется вся система гражданского законодательства. Указанные начала перечислены в ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), и среди них такие базовые принципы, как равенство участников гражданских правоотношений, неприкосновенность собственности, свобода договора, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела и проч. При регулировании гражданских правоотношений принципы играют важнейшую роль, поскольку положения ГК РФ, законов и иных актов, содержащих нормы гражданского права, подлежат истолкованию в системной с ними взаимосвязи, на что еще в 2015 г. указал Верховный Суд Российской Федерации¹.

Интересно, что «закрепление принципов гражданского права как "основных начал гражданского законодательства" впервые было осуществлено в части первой Гражданского кодекса РФ 1994 г. Ранее действовавшие в РСФСР гражданские кодексы, ГК РСФСР 1922 г. и ГК РСФСР 1963 г., а также переходный закон начала рыночных реформ – Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. подобную статью не содержали. Это не случайно, т.к. принципы отражают сущность существующих экономических отношений.

Для советского периода истории РСФСР была характерна экономическая политика, не предусматривающая равенство форм собственности и свободу предпринимательской деятельности. Ограничения указанных прав обеспечивались реализацией иных принципов. С учетом данного обстоятельства можно констатировать, что между советским гражданским правом и российским гражданским правом отсутствует преемственность по вопросам принципов гражданского законодательства» [1].

¹ Пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»: СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 22.10.2025).

Сегодня, когда Россия находится на пути формирования инновационной экономической модели, современные принципы гражданского права должны способствовать в том числе инновационному развитию, поскольку именно сейчас наша страна как никогда нуждается в импортозамещении, а значит, внедрении собственных новшеств. При этом одним из центральных, системообразующих принципов, который следует особенно выделить, является принцип свободы договора, нашедший отражение в ст. 421 ГК РФ.

Принцип свободы договора. Рассмотрение принципа свободы договора следует начать с того, что он уже не раз становился предметом научных исследований в доктрине гражданского права [2; 3; 4], однако вопрос поиска баланса между принципом и реализацией права на выплату авторского вознаграждения за создание служебных изобретений, остается открытым. Сначала определимся с ключевыми характеристиками принципа.

Исходя из смысла ст. 421 ГК РФ, свобода договора означает максимальную гибкость участников правоотношений при заключении любых соглашений. В частности, закон предоставляет им правовую возможность решать, вступать ли им в указанные правоотношения, самостоятельно определять условия, не урегулированные императивно, выбирать контрагента и тип договора, оставляя при этом право на заключение не только смешанного договора, но и не предусмотренного вовсе. При этом общее правило п. 1 ст. 421 ГК РФ гласит о том, что понуждение к заключению договора не допускается.

Вместе с тем такая свобода, конечно, имеет определенные пределы в виде императивных норм и общих требований о добросовестности участников гражданских правоотношений. Кроме этого, в некоторых ситуациях законом введены прямые ограничения рассматриваемого принципа. Например, в ст. 426 ГК РФ, регламентирующей публичный договор, вводится правило, смысл которого состоит в том, что лица, осуществляющие предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность в сфере розничной торговли, перевозки транспортом общего пользования, услуг связи, энергообеспечения, медицинского, гостиничного обслуживания и т.п., обязаны заключить договор в отношении каждого, кто к ним обратится.

Похожую логику законодателя можно проследить и в Федеральном законе от 05.04.2013 №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», где в п. 1 ст. 110 прямо указывается на то, что «Правительство Российской Федерации вправе утвердить перечень товаров, работ, услуг, которые включаются в государственный оборонный заказ и при осуществлении закупок которых поставщики (подрядчики, исполнители) независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности не вправе отказаться от заключения контракта».

В сфере интеллектуальной собственности прямое ограничение принципа свободы договора предусматривает п. 4.1 ст. 1370 ГК РФ, из которого следует, что, если работодатель, получивший патент на служебное изобретение, служебную полезную модель или служебный промышленный образец на свое имя примет решение о досрочном прекращении действия патента, он обязан уведомить об этом работника (автора) и по его требованию передать ему патент на безвозмездной основе. Передача исключительного права оформляется договором о безвозмездном его отчуждении. В случае отказа работода-

теля от заключения договора о безвозмездном отчуждении исключительного права автору либо не получения его ответа на письменное предложение автора о заключении этого договора в течение одного месяца со дня отправления такого предложения автор вправе обратиться в суд с иском к патентообладателю **о понуждении к заключению договора** о безвозмездном отчуждении исключительного права.

Таким образом, приведенные примеры демонстрируют, что основной посыл законодателя состоит сегодня не только в свободе «договорного творчества», но и в его ограничении некоторыми законодательными пределами. И здесь, казалось бы, нужный баланс в системе частного права существует. Однако здесь мы поставим его под сомнение в ситуации, когда речь идет о правоотношениях, возникающих из договора о выплате авторского вознаграждения за создание служебных изобретений, природа которого также весьма неоднозначна и нередко является поводом для научных дискуссий [5].

Договор о выплате авторского вознаграждения за создание служебных изобретений. Специальной нормы, которая была бы посвящена данному типу договора, в действующем гражданском законодательстве нет. Но на возможность его существования указывает п. 4 ст. 1370 ГК РФ. Из его смысла следует, что, если работодатель получит патент на служебное изобретение, либо примет решение о сохранении информации о таком изобретении в тайне и сообщит об этом работнику, либо передаст право на получение патента другому лицу, либо не получит патент по поданной им заявке по зависящим от него причинам, **работник имеет право на вознаграждение**.

Из разъяснений, данных в пп. 132, 133 постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 №10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – постановление Пленума ВС РФ №10) следует, что обязанность по выплате вознаграждения работодателем работнику (автору) не зависит от фактического использования или неиспользования служебного изобретения. Но от фактического использования, обусловленного характером работ, может зависеть согласованный работником (автором) и работодателем размер вознаграждения. При этом выплата вознаграждения осуществляется работнику (автору) в течение срока действия патента. В случае же его досрочного прекращения выплата тоже прекращается и может быть возобновлена только при восстановлении действия патента.

Согласно уже упомянутому ранее п. 4 ст. 1370 ГК РФ, размер вознаграждения, условия и порядок его выплаты работодателем определяются **договором между работодателем и работником**, а в случае спора – судом. Исходя из п. 5 ст. 1246 ГК РФ, при отсутствии названной сделки между автором (работником) и работодателем данное вознаграждение рассчитывается на основании соответствующих правил, которыми Правительством Российской Федерации установлены ставки, порядок и сроки указанной выплаты² (далее – Правила).

Таким образом, в ГК РФ имеется указание на необходимость заключения договора с автором о выплате вознаграждения за созданный им объект па-

² Постановление Правительства РФ от 16.11.2020 №1848 «Об утверждении правил выплаты вознаграждения за служебные изобретения, полезные модели, служебные промышленные образцы». СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document/c> (дата обращения: 22.10.2025).

тентного права. Однако при этом его размер, условия и порядок выплаты стороны должны согласовать по своему усмотрению. И только при отсутствии названного соглашения искомое вознаграждение будет подлежать расчету на основании нормативного акта. Сказанное позволяет констатировать, что приведенные выше положения п. 4 ст. 1370 ГК РФ никакой конкретики не содержат, существенные условия такого договора (помимо его предмета) в законе не определены, а содержание самих условий поставлено в зависимость от полной свободы усмотрения сторон. При этом при наличии преддоговорного спора стороны имеют возможность обратиться в суд.

Способствует ли максимальная диспозитивность в этом вопросе созданию служебных изобретений с целью их дальнейшего внедрения в производство или, скорее, это правовой риск для автора решения, которое может получить инновационный статус? Представляется, что риск.

Рассмотрим этот вопрос с позиции работника, заключившего трудовой договор, по условиям которого исключительное право на созданные им объекты, равно как и право на получение патента, принадлежат работодателю (п. 3 ст. 1470 ГК РФ). Данное условие трудового договора является, как известно, наиболее распространенным.

Прежде всего, отметим, что трудовые отношения исключают равенство сторон. Это отношения зависимые, а работник в них – уязвимая сторона, следовательно, какие-либо свободные преддоговорные обсуждения условий рассматриваемой сделки представляются маловероятными. Но даже если представить себе ситуацию обсуждения между работодателем и работником названных условий, реальных вариантов того, что стороны при определенных разногласиях окажутся в суде, не расторгнув при этом трудовой договор, немного. Практика показывает, что в ряде конфликтных ситуаций максимальная свобода усмотрения сторон используется некоторыми работодателями в недобросовестных целях. Примером может являться ситуация, где работодатели получают патенты на изобретения и статус правообладателей, а затем предпринимают попытки уйти от обязанности по выплате авторского вознаграждения, «условно» не договорившись с работником.

Продемонстрируем сказанное конкретным примером.

Пресненским районным судом г. Москвы рассмотрено дело по иску Захаровой Е.Е. (бывший работник, автор изобретений) к ООО «Новелла – К» (работодатель, правообладатель) о защите авторских прав, основным требованием которого являлось взыскание авторского вознаграждения за создание трех изобретений³. На момент написания настоящей статьи решение по делу еще не вступило в законную силу, однако для рассмотрения проблемы, поставленной в ней, это не имеет значения, т.к. опираться мы будем не на него, а на те решения, которые возникли вслед за предъявлением данного иска автора к своему бывшему работодателю.

Так, получив иск от бывшего работника (далее – Захарова Е.Е.), которому не была произведена положенная выплата и руководствуясь недобросовестной целью – не платить авторское вознаграждение за создание трех изобретений, бывший работодатель (далее – истец, ООО «Новелла – К»)

³ Дело №02-0133/2025 (02-4012/2024) ~ М-12587/2023. URL: <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 22.10.2025).

предъявил иски в Суд по интеллектуальным правам (далее – СИП, Суд) на предмет признания полученных им ранее патентов недействительными в части указания истца в качестве патентообладателя. Используя неконкретное изложение правовых норм в ГК РФ, истец предпринял попытку доказать их неслужебный характер. Примечательно при этом, что указанные действия ООО «Новелла – К» осуществляло, несмотря на использование данных объектов патентного права в течение нескольких лет. Ключевой аргумент ООО сводился к тому, что автор изобретений Захарова Е.Е. письменно не уведомила общество о создании служебных объектов и самовольно указала истца в качестве заявителя и правообладателя в материалах заявки, уклонившись от заключения договора об авторском вознаграждении.

Указанную позицию ООО «Новелла – К», однако, доказать в суде не удалось, а его доводы были сочтены Судом неубедительными⁴.

Проигранные процессы, из решений по которым следует вывод о недобросовестности общества, не послужили для ООО «Новелла – К» импульсом для урегулирования спора с автором в Пресненском суде. Договорившись с собственным представителем по уже рассмотренным делам, в СИП предъявляются иски к самому обществу на предмет признания недействительными упомянутых патентов на изобретения в связи с указанием в них в качестве патентообладателя лица, не являющегося таковым. Истцом выступил упомянутый представитель общества, заявленный как индивидуальный предприниматель (заинтересованное лицо). И вновь СИП не нашел оснований для признания поданных исков, делая очередной вывод о недобросовестном поведении истца и ответчика в ущерб интересам автора (Захаровой Е.Е.).

Из решений, с опорой на принцип эстоппель [6], следуют выводы о том, что автор изобретений добросовестно полагалась на правомерность получения обществом патентов. Действия же по их оспариванию истец и ответчик начали предпринимать только после предъявления ею требований к работодателю о выплате авторского вознаграждения⁵.

Отметим, что длится указанный спор уже более двух лет и чем закончится – покажет время. Если бы закон был более конкретизированным и гарантировал автору в рассмотренном споре положенную выплату сразу после получения работодателем патента, не оставляя при этом шанса на достижение каких-либо «компромиссных решений», количество правовых конфликтов в связи с этим было бы значительно меньше, а внедренных технических решений (инноваций) – больше.

И последнее, на что следует обратить внимание.

Все вышеперечисленное становится возможным, на наш взгляд, из-за отсутствия в ст. 1370 ГК РФ необходимых ограничений принципа свободы договора. Так, несмотря на то, что по смыслу п. 4 ст. 1370 ГК РФ выплата авторско-

⁴ Решение Суда по интеллектуальным правам от 06.06.2024 по делу №СИП-198/2024; решение Суда по интеллектуальным правам от 28.06.2024 по делу №СИП-199/2024; решение Суда по интеллектуальным правам от 09.08.2024 по делу № СИП-200/2024: СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 22.10.2025).

⁵ Решение Суда по интеллектуальным правам от 18.02.2025 по делу №СИП-1087/2024; решение Суда по интеллектуальным правам от 14.02.2025 по делу №СИП-1088/2024; решение Суда по интеллектуальным правам от 09.04.2025 по делу №СИП-1089/2024: СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 22.10.2025).

го вознаграждения является обязанностью работодателя, сама эта норма не предусматривает возможность ограничения принципа свободы договора за счет условия о понуждении к его заключению в случае отказа одной из сторон от упомянутой сделки, либо неполучения ответа на предложение о ее заключении. Вместо этого предлагается воспользоваться основаниями для расчета спорной выплаты на основании упомянутых выше Правил. Такое решение законодателя видится не совсем логичным и предопределяет затяжной конфликт, который может состоять из нескольких стадий: неудачных переговоров сторон, судебного процесса по определению условий договора, и только затем возможности воспользоваться императивными нормами для расчета выплаты вознаграждения. Последняя стадия, по нашему мнению, может иметь реальные перспективы уже после расторжения трудового договора, что и продемонстрировала рассмотренная выше судебная практика.

В качестве выводов отметим следующее.

Проблема отсутствия правового баланса между принципом свободы договора и реализацией права на вознаграждение за создание жизнеспособных инноваций, охраняемых в качестве служебных изобретений, ставит под сомнение мотивацию авторов на их создание при наличии заключенного трудового договора, по условиям которого исключительное право на созданные ими объекты, равно как и право на получение патента, принадлежат работодателю. Это связано с неконкретностью положений п. 4 ст. 1370 ГК РФ о гражданско-правовом договоре, связанном с получением авторского вознаграждения, содержание которого поставлено в зависимость от полной свободы усмотрения сторон. Судебная практика показала возможность совершения работодателями недобросовестных действий с использованием недостаточности правового регулирования для ухода от положенной выплаты.

Думается, что такая позиция законодателя, не ограничившего принцип свободы договора дополнительными пределами, становится для авторов служебных изобретений скорее законодательным барьером, нежели реальной гарантией на получение вознаграждения за их творческий труд. При этом их основной риск состоит в том, что при наличии разногласий с работодателем на предмет согласования условий названной сделки (о размере вознаграждения, условиях и порядке выплаты) взаимодействие сторон осложняется трудовыми отношениями.

На наш взгляд, достигнуть правового баланса в рассматриваемой ситуации можно следующим образом:

- 1) предусмотреть в п. 4 ст. 1370 ГК РФ положение о понуждении к заключению договора о выплате авторского вознаграждения за создание служебных объектов патентного права в случае отказа одной из сторон от упомянутой сделки либо неполучения ответа на предложение работодателя или работника о ее заключении в течение десяти дней;
- 2) исключить свободное усмотрение участников данных правоотношений по определению размера, порядка и условий вознаграждения автору за созданный объект патентного права, определив названные условия императивно;
- 3) предусмотреть штраф для работодателей за неисполнение обязанностей по выплате вознаграждения в конкретные сроки, что, безусловно, будет гарантией и стимулом для авторов инновационных технических решений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданское право. Общая часть: учебник / под ред. д.ю.н., проф. Г.Ф. Ручкиной. – Москва: КНОРУС, 2021. – 704 с.
2. Полинков Д.А. Эволюция принципа свободы договора как основополагающего принципа гражданского права / Д.А. Полинков // *Russian Studies in Law and Politics*. – 2025. – Т. 9, №1. – С. 108–127.
3. Зыкова Т.А. История развития принципа свободы договора в российском гражданском праве / Т.А. Зыкова // *Территория науки и образования*. – 2024. – №2. – С. 43–46.
4. Гурьянова Н.В. Принцип свободы договора как основополагающий принцип договорного права / Н.В. Гурьянова // *Юридический факт*. – 2019. – №76. – С. 13–16.
5. Мамаджанов Х.А. Авторское вознаграждение: споры с работниками – авторами служебных результатов интеллектуальной деятельности / Х.А. Мамаджанов // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. – 2024. – №4. – С. 81–93.
6. Ермаков А.В. Применение принципа эстоппель при рассмотрении отдельных видов споров по товарным знакам в России / А.В. Ермаков, Н.Ю. Сергеева // *Гражданин и право*. – 2020. – №2. – С. 49–53.

References

1. *Grazhdanskoe pravo. Obshhaya chast'* = *Civil Law. General Part: Textbook* / Group of Authors; Edited by Doctor of Law, Professor G.F. Ruchkina. – KNORUS Publ. 2021. 704 p. (in Russ.).
2. Polynkov D.A. Evolution of the principle of freedom of contract as a fundamental principle of civil law. *Russian Studies in Law and Politics*. 2025. T.9. No. 1 (in Russ.). P. 108–127.
3. Zykova T.A. History of the development of the principle of freedom of contract in Russian civil law. *Territoriya nauki i obrazovaniya* = *Territory of science and education*. 2024. No. 2 (in Russ.). P. 43–46.
4. Guryanova N.V. The principle of freedom of contract as a fundamental principle of contract law. *Yuridicheskij fakt* = *Legal fact*. 2019. No. 76 (in Russ.). P. 13–16.
5. Mamadzhanov H.A. Authors remuneration: disputes with employees – authors of official results of intellectual activity. *Imushhestvennyye otnosheniya v Rossijskoj Federacii* = *Property relations in the Russian Federation*. 2024. No. 4. P. 81–93.
6. Ermakov A.V., Sergeeva N.Yu. Application of the principle of estoppel in considering certain types of trademark disputes in Russia. *Grazhdanin i pravo* = *Citizen and Law*. 2020. No. 2 (in Russ.). P. 49–53.

РОССИЙСКОЕ ПРАВО: НОРМЫ И ПРАКТИКА

Научная статья

УДК 347.772

Кириллица в средствах индивидуализации как фактор влияния на формирование гражданской идентичности

Диана Андреевна Рожнова

Федеральный институт промышленной собственности, Москва, Россия

Начальник отдела сопровождения национальных проектов

и государственных программ Центра по взаимодействию с органами власти

<https://orcid.org/0009-0002-9514-405>

drozhnova@rupto.ru

Аннотация. В статье анализируется влияние использования кириллицы в средствах индивидуализации на формирование гражданской идентичности. Рассматриваются изменения законодательства, затрагивающие вопросы сохранения чистоты русского языка и его защиты от чрезмерного использования заимствований в публичном пространстве, исследуется судебная и правоприменительная практика, отражающая особенности использования иностранных слов и словосочетаний в наименованиях организаций, товаров и услуг российских предпринимателей. Приводятся примеры применения нормы, запрещающей регистрацию обозначений, которые противоречат общественным интересам, принципам гуманности и морали. Делаются выводы о важности проведения научно-исследовательской работы, отражающей влияние средств индивидуализации на формирование гражданской идентичности. Данные подобного исследования могут быть использованы для повышения осведомленности

широкого круга заинтересованных лиц при составлении соответствующих заявок на регистрацию средств индивидуализации.

Ключевые слова: гражданская идентичность, общенациональная идентичность, кириллица в средствах индивидуализации, русский язык, средства индивидуализации, товарный знак, бренд.

Для цитирования: Рожнова Д.А. Кириллица в средствах индивидуализации как фактор влияния на формирование гражданской идентичности / Д.А. Рожнова // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2025. – № 4. – С. 46–57.

Original article

The cyrillic in the means of individualization as the factor of the civic identity formation

Diana A. Rozhnova

Federal Institute of Industrial Property, Moscow, Russia

Head of the Department for Support of National Projects and State Programs of the Center for Interaction with Government Authorities

<https://orcid.org/0009-0002-9514-405>

drozhnova@rupto.ru

Abstract. The article analyzes the impact of using the Cyrillic in the means of individualization on the formation of civic identity. There are some legislative changes reviewed in the article relating to the issue of the maintenance of the Russian language purity and its protection from the excessive use of language borrowings in the public space. The article examines judicial and law enforcement practice which reflects the main issues of using foreign words and phrases in the commercial names, trademarks and service marks of Russian entrepreneurs. There are also some specific examples of contradiction to the public interests and principles of humanity and morality as the basis for refusal to trademark registration. The conclusions drawn from the article illustrate the importance of conducting scientific research that reflects the contribution of means of individualization to the civil identity building. The results of the research can be used to raise awareness among a broad range of applicants who request protection for the means of individualization.

Keywords: civil identity, national identity, Cyrillic alphabet in the means of individualization, Russian language, means of individualization, trademark, brand..

For citation: Rozhnova D.A. The cyrillic in the means of individualization as the factor of the civic identity formation // Copyright (bulletin of the academy of Intellectual Property). 2025. No. 4. P. 46–57.

Актуальность темы исследования определяется растущим интересом со стороны участников рыночных отношений к правовой охране средств индивидуализации (далее – СИ) производимых ими товаров и оказываемых услуг.

Насыщение рынка разнообразными товарами и услугами обуславливает необходимость совершенствования института правовой охраны средств индивидуализации, обеспечивающего защиту участников гражданского оборота. В ряде публикаций [1; 2] отмечаются устойчивые темпы роста заявок на регистрацию товарных знаков со стороны бизнес-сообщества, а также самозанятых граждан. Учитывая данный факт, особое значение придается этическим вопросам, связанным с регистрацией средств индивидуализации и требующим особого внимания к вопросам сохранения культурных особенностей и традиций Российской Федерации.

Сохранение общероссийской гражданской, культурной и языковой идентичности является сегодня актуальной государственной задачей, направленной на обеспечение национально ориентированной среды как фундамента развития общества.

По мнению Л.Н. Евсеевой, именно язык осуществляет основную координацию социальных действий, являясь ключевым фактором поддержания отношений, образующих социальный ландшафт [3, с. 3]. Е.М. Арутюнова отмечает, что язык – это критически важный признак нации, конструирование которого происходит в том числе «в процессе постоянного воспроизводства чувства "мы" в повседневном и медийном дискурсах» [4, с. 115]. В.А. Тишков и В.В. Степанов выделяют русский язык как общий язык русского народа, общение на котором объединяет российскую нацию [5, с. 32]. Таким образом, очевидно, что язык является одним из ключевых факторов, влияющих на формирование личности и восприятие этой личностью окружающего ее контекста.

Термин «идентичность» по-разному трактуется отечественными специалистами, однако большинство сходятся во мнении, что это базовое качество в структуре личности, результат самоопределения индивида, «идентификации со значимыми другими», «интериоризации»¹ мнений других людей о себе» [6, с. 88].

Анализируя понятие гражданской идентичности, автор статьи обращается к определениям, данным ведущими отечественными исследователями. Так, Е.А. Гришина называет гражданскую идентичность основой социальной интеграции, указывая на образующие ее понятия «гражданство, гражданственность и патриотизм» [7, с. 336]. Ученый различает объективную составляющую гражданской идентичности, которая предопределена законодательными нормами и принятыми в обществе социальными и культурными правилами, и субъективную – признание индивидом своей принадлежности к той или иной общности. В понимании Л.М. Дробижевой идентичность – это осознание людьми своей общности через призму восприятия своей истории, культуры, языка, территориальных границ, а также собственных интересов и готовности действовать во имя них при определенных условиях [8, с. 49].

Исследуя региональную идентичность, М.П. Крылов замечает, что она выходит за рамки пространственной ориентации и представляет собой «способность к социокультурной, гражданской и экономической активности» [9, с. 20].

Очевидно, что формирование национально-культурной идентичности (как и этнической, социальной, гражданской и др.) неотделимо от языковой составляющей, которая и является основой национальной картины мира,

¹ В психологии и социологии интериоризация – переход структур внешней социальной и предметной деятельности во внутренние структуры психики.

фактором осознания индивидуальной и коллективной идентичности, восприятия традиций как базовых общественных ценностей.

Гражданская идентичность зачастую отождествляется с понятием общенациональной идентичности. В российских нормативно-правовых актах (далее – НПА) под гражданской идентичностью подразумевается «общероссийская гражданская идентичность»².

Движение политики государства в сторону юридически обоснованной солидарности граждан наблюдается в течение последних 20 лет. Об этом свидетельствуют соответствующие нормативно-правовые акты³, анализ которых позволил выявить не менее 60 установочных документов стратегического планирования, разработанных на федеральном уровне⁴ (указы президента, постановления и распоряжения правительства Российской Федерации), отражающих задачу сохранения и укрепления общероссийской гражданской идентичности и социокультурных ценностей. Так, в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. отмечается достижение в 2012–2018 гг. существенных результатов в обеспечении общероссийской гражданской идентичности. Документ определяет общероссийскую гражданскую идентичность как объединенную «единым культурным (цивилизационным) кодом, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации...»

Принятие так называемого закона о защите русского языка⁵ также призвано содействовать решению названных задач. Как следует из пояснительной записки, несмотря на действие ранее принятого Федерального закона №53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»⁶, повсеместно наблюдается агрессивное активное использование рекламы и другой информации для потребителя на иностранном языке. Таким образом, законодатель еще раз напоминает о необходимости соблюдения положений ранее принятых Основ государственной культурной политики (утв. Указом Пре-

² Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. Указом Президента РФ от 19.12.2012 №1666): Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (дата обращения: 06.08.2025).

³ Федеральный закон от 01.06.2005 №53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»; Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. Указом Президента РФ от 19.12.2012 №1666); Основы государственной культурной политики (утв. Указом Президента РФ от 24.12.2014 №808, ред. от 25.01.2023); Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. Распоряжением Правительства РФ от 29.05.2015 №996-р); Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. (утв. Указом Президента РФ от 09.05.2017 №203); Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утв. Указом Президента РФ от 09.11.2022 №809); Основы государственной языковой политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 11.07.2025 №474).

⁴ Согласно терминологии Федерального закона от 28.06.2014 №172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (ст. 11 «Документы стратегического планирования») // КонсультантПлюс (дата обращения: 15.05.2025).

⁵ Федеральный закон от 24.06.2025 №168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=508347&dst=100001#D4IhltUA1wx9KR0J2> (дата обращения: 13.08.2025).

⁶ Федеральный закон от 01.06.2005 №53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями): Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102092715> (дата обращения: 14.08.2025).

зидента Российской Федерации от 24.12.2014 №808), Федерального закона от 01.06.2005 №53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» и дополнившего его Федерального закона от 28.02.2023 №52-ФЗ.

По данным опросов Аналитического центра ВЦИОМ, в 2021 г. 67% россиян придерживались мнения о необходимости избегать заимствований и использовать русские слова⁷. По данным 2025 г., 97% респондентов отметили важность соблюдения языковых норм в российском обществе⁸. Рост этого показателя демонстрирует определенную усталость россиян от лексических заимствований на фоне глобализации коммуникаций и цифровизации всех процессов.

Вследствие растущего интереса общества к предпринимательской деятельности и, как результат, роста регистраций средств индивидуализации [1, с. 365] представляется обоснованным движение законодателя в сторону защиты чистоты русского языка. Использование кириллицы в названиях брендов становится сегодня инструментом формирования лояльности к бренду и привлечения потребителя, для которого русский язык – своего рода национальный код в условиях происходящих политических и экономических изменений.

В исследовании О.В. Глухой приводятся доводы о том, что «словесные товарные знаки обладают способностью объективировать⁹ этнокультурные и общечеловеческие ценности, участвуют в формировании мировоззрения языковой личности и ценностной ориентации общества» [10, с. 6]. Более того, по мнению автора, «языковая картина мира, создаваемая человеком, формирует тип отношения человека к миру и самому себе как элементу мира, задает нормы его поведения...» [10, с. 14]. Таким образом, ученый делает выводы о непосредственном влиянии словесных товарных знаков не только на формирование картины мира, но также ценностных ориентиров и базовых концептов русской культуры, восприятия своего «я» в обществе.

О.П. Неретин отмечает, что сегодня гражданами РФ все чаще осознается необходимость сохранения культурно-цивилизационной идентичности России в условиях глобализирующегося мира [11, с. 17]. Ключевыми факторами этого процесса становятся повышение духовности и культуры, межнациональная интеграция народов, составляющих российское многонациональное государство.

«Российское производство» в последнее время все чаще становится побуждающим фактором для приобретения товара отечественным потребителем¹⁰, что в свою очередь подталкивает мелкий и средний бизнес менять отраслевые приоритеты и обращать внимание на локальное производство. Так, например, по состоянию на 25.08.2025 Роспатентом зарегистрировано 99 географических

⁷ Данные опроса ВЦИОМ об иностранных словах в русской речи, отношении россиян к ним и о распространении русского языка за рубежом. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/russkii-jazyk-razvitiie-obogashchenie-rasprostranenie-1> (дата обращения: 20.08.2025).

⁸ Результаты мониторингового исследования ВЦИОМ, приуроченного ко Дню русского языка: Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rodnaja-rech-ili-o-velikom-i-moguchem> (дата обращения: 20.08.2025).

⁹ Объективировать – воплощать в объективном, вещественном, доступном восприятию виде (Толковый словарь государственного языка Российской Федерации: в 2 т. Т. 1).

¹⁰ См.: URL: <https://nafi.ru/en/analytics/rossiyane-rasskazali-po-kakim-prichinam-otdayut-predpochtenie-tovaram-otechestvennogo-proizvodstva/> (дата обращения: 26.08.2025).

указаний, среди которых «Печорский пряник», «Карельский иван-чай», «Ленинградские пышки», «Завитинский мед», «Оленина Ямала» и др.

Исключительное право на товарный знак, представляющий частно-правовое благо, позволяет его правообладателю получить объективную возможность правовой защиты от недобросовестной конкуренции, успешно позиционировать свой товар или услугу во внешне- и внутриэкономическом обороте. Несмотря на то, что СИ являются частными, а не публичными благами [12, с. 16], принципиально важным при осуществлении исключительного права на СИ является соблюдение баланса частных и общественных интересов, которое регулируется законодательством, правоприменительной и судебной практикой.

Так, Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ) запрещает регистрировать в качестве товарных знаков обозначения, противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали (п. 2 ч. 3 ст. 1483 ГК РФ). К таким обозначениям относятся слова и словосочетания, имеющие, например, положительную семантику в отношении алкогольной продукции (решения СИП по делам №СИП-592/2014 «В кругу семьи» и №СИП-460/2017 «Рецепт доктора»; решение АС города Москвы по делу №А40-96539/10-15-811 «Свежая головешка»), а также содержащие призывы антигуманного характера (Постановление Президиума СИП от 30.06.2023 по делу №СИП-1046/2022), оскорбляющие человеческое достоинство (решение СИП от 09.06.2025 по делу №СИП-152/2025), религиозные чувства верующих (Постановление Президиума СИП от 03.06.2025 по делу №СИП-1350/2024) и пр. Также сюда относятся слова, содержащие нецензурный контекст, грамматические ошибки, слова и словосочетания, способные деструктивно влиять на грамотность потребителя [2] (решения СИП по делу №СИП-74/2015 («Фидеррация») и №СИП-1102/2022 («Чорная шука»)).

Выбор неудачного наименования для своей продукции или услуг без предварительной регистрации товарного знака может привести к репутационным потерям. Ярким примером стал вывод на башкирский рынок напитка «Башбир»¹¹. Скандал разгорелся ввиду несоответствия термина «башбир» национальным особенностям, о чем заявила региональная терминологическая комиссия со ссылкой на Федеральный закон о государственном языке от 01.06.2005 №53-ФЗ. Выяснилось, что использованное известной российской пивоваренной компанией сокращение «башбир» («башкирское пиво») дословно переводится с башкирского как «отдать голову», что в контексте алкогольной продукции противоречит общественным интересам. Компания свою продукцию отозвала.

Применение нормы п. 2 ч. 3 ст. 1483 ГК РФ можно продемонстрировать на известном деле, связанном с отказом со стороны Роспатента в регистрации товарного знака, означающего в переводе с японского языка «день недели – суббота» (дело №А12-35564/2021¹²). Заявитель пытался доказать в суде, что название его заведения не созвучно ненормативной лексике и является лишь транскрибированием японских слов в кириллицу. Данный довод был

¹¹ См.: URL: <https://ufa.rbc.ru/ufa/25/07/2025/688344a69a7947b88ae46f96> (дата обращения: 11.08.2025).

¹² Решение Арбитражного суда Волгоградской области по делу №А12-35564/2021: интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт)». URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/i2N01hDdd2Wb/> (дата обращения: 11.08.2025).

отклонен судами со ссылкой на то, что японский язык не является распространенным на территории нашей страны, а широкая доступность продукции, реализуемой суши-баром с таким названием, может деструктивно влиять на российского потребителя. Отказ в регистрации заявитель получил и в рамках Мадридской системы, что также было установлено в ходе рассмотрения дела судом первой инстанции.

С вступлением в силу с 1 марта 2026 г. закона, определяющего принципы и механизмы защиты русского языка, простая транслитерация потребительской информации (вывесок, рекламных обозначений и пр.) будет недопустима, ее нужно будет указывать именно на русском языке (языках народов РФ), с возможностью дублирования на иностранном.

В ранее принятых Федеральном законе от 01.06.2005 №53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (далее – Закон №53-ФЗ) и Федеральном законе от 28.02.2023 №52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственном языке Российской Федерации"» презюмируется обязательное использование русского языка как государствообразующего языка Российской Федерации. В частности, предписывается необходимость его использования в наименовании организаций всех форм собственности (ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 01.06.2005 №53-ФЗ), а употребление иностранных слов в наименованиях организаций допускается лишь в случае отсутствия общепотребительных аналогов на русском языке.

Примечательным в связи с этим являются материалы по делу АНО «Пермский арборетум»¹³. Истец, доказывая свое право на свободный выбор названия организации, аргументировал свою позицию тем, что слово «арборетум» не является иностранным, поскольку пишется кириллицей и является ботаническим термином. В связи с чем, по его мнению, отказ территориального органа Минюста России в регистрации организации, а впоследствии и вывод суда первой инстанции о несоответствии слова «арборетум» ч. 6 ст. 1 ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» представляются необоснованными. Истец также отмечал, что незнание ботанического термина отдельными гражданами не может являться основанием для отказа в регистрации организации под таким названием.

Дело дошло до Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), где истец заявлял, что законодатель необоснованно ограничивает объем допустимых к использованию слов русского языка¹⁴, и, кроме того, указывал на неактуальность словарей, определяющих допустимую терминологию. В своем ре-

¹³ Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Пермского краевого суда по делу №33а-10050/2020. URL: <https://судебныерешения.рф/54457455> (дата обращения: 08.08.2025).

¹⁴ Оспаривались пункты 3, 4, 7 и 9 Положения о порядке проведения экспертизы грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, утв. приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 29.05.2007 №152, и Списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, утв. приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 08.06.2009 №195 (отменен Приказом Минпросвещения России, Минобрнауки России от 14.04.2025 №287/338). Истец ссылался на противоречие названных положений НПА ч. 3 ст. 1 и ч. 1 ст. 3 Закона №53-ФЗ, указывал на нарушение прав, гарантированных ч. 3 ст. 68 Конституции РФ, на сохранение родного языка всем народам РФ, создание условий для его изучения и развития.

шении от 14.11.2019 ВС РФ¹⁵ напомнил о сферах обязательного использования государственного языка Российской Федерации (ст. 5 Закона №53-ФЗ), а также отметил, что оспариваемые административным истцом нормы Списка (словарей) и Положения о порядке экспертизы таких словарей не устанавливают запрет на использование слов, отсутствующих в словарях. Тем самым положения названных документов не нарушают прав, свобод и законных интересов истца.

В Определении от 21.06.2022 №1793-О Конституционный Суд РФ по данному делу также указал на возможность использования иностранных слов в наименовании некоммерческой организации лишь в случае отсутствия аналогов этих слов в русском языке. Кроме того, КС РФ напомнил о праве граждан на получение информации на русском языке на всей территории Российской Федерации (ст. 5 Закона №53-ФЗ), в связи с чем оспариваемые в исковом заявлении положения данного Федерального закона как нарушающие конституционные права отдельного гражданина не могут быть приняты к рассмотрению.

В ряде других примеров (решение по делу ООО «Консалтинговая Компания VIP» №А32-18940/2018; решение по делу ООО «Альбатрос Ко.ЛТД» №А59-5086/2019), затрагивающих включение в названия российских компаний иностранных терминов и словосочетаний (аббревиатур), суды указывают на неправомерность их использования в тех случаях, когда они создают у участников гражданского оборота общее впечатление принадлежности компании к иностранному юридическому лицу (абз. 2 п. 3 ст. 1473 ГК РФ). В решениях по таким делам суды напоминают, что фирменное наименование может содержать иноязычные заимствования, но только в русской транскрипции или в транскрипциях языков народов Российской Федерации, за исключением терминов и аббревиатур, отражающих организационно-правовую форму. Также можно сделать вывод, что суды при принятии решений о правомерности использования иностранных символов в фирменных наименованиях учитывают не семантику спорного обозначения, а общее производимое такими символами впечатление.

Так, по делу ООО «Альбатрос Ко.ЛТД»¹⁶ апелляция напомнила, что по смыслу абзаца 3 п. 1 ст. 4 Федерального закона от 08.02.1998 №14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» и абзаца 2 ч. 3 ст. 1473 ГК РФ, в фирменном наименовании юридического лица не могут содержаться иностранные аббревиатуры и термины, представляющие собой иностранные обозначения аналогов хозяйственного общества: «Лимитед» или «Лтд» (Limited, сокр. Ltd., англ.), «ГмбХ» (Gesellschaft mit beschränkter Haftung, сокр. GmbH, нем.), «САРЛ» (Société à responsabilité limitée, сокр. SARL, фр.), «Сосьете» (Société Anonyme, сокр. SA, франц.), а также трансформации на основе Joint Stock Company (сокр. JSC, англ.) и Public Limited Company (сокр. PLC, англ.).

¹⁵ Решение Верховного Суда РФ от 14.11.2019 №АКПИ19-680 // Юридическая информационная система «Легалект – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации» (ЮИС Легалект). URL: <https://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-14112019-n-akpi19-680/> (дата обращения: 08.08.2025).

¹⁶ Постановление Арбитражного суда апелляционной инстанции по делу №А59-5086/2019 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/f222c83d-f0c9-49c8-b8d4-c86f803e82f1> (дата обращения: 07.08.2025).

В связи с масштабным уходом иностранных компаний с российского рынка с последующей продажей бизнеса российскому менеджменту в 2022 г. большинство названий брендов было приведено в соответствие с российским законодательством благодаря ребрендингу, транслитерации или кириллизации названий брендов. При этом очевидно, что гудвилл ушедших компаний как нематериальный актив [13, с. 132] все так же пользуется позитивной оценкой со стороны потребителей.

Не вдаваясь в подробности работ специалистов в области психологии и, в частности, теории импринтинга, стоит отметить, что многочисленные маркетинговые исследования сводятся к пониманию важности работы с культурным кодом¹⁷, который играет не последнюю роль в выборе потребителем того или иного бренда.

Очевидный тренд последних лет на «а-ля рюс» приводит бренды к пониманию того, что акцент на российское название или производство может стать трамплином к успеху. Так, по данным Роспатента, самым популярным словом 2024 г., используемом в заявленных на регистрацию обозначениях, стала «березка»¹⁸.

Согласно соцопросу, проведенному институтом общественного мнения «Анкетолог» в 2024 г., только 6% респондентов высказали негативное отношение к транслитерированию названий брендов, большинство же (57%) поддерживают такой подход. При этом участники отметили, что русскоязычные названия привлекают своей читаемостью (59%), указанием на российское производство (38%), привычностью (27%) и запоминаемостью (27%). Кроме того, у 22% респондентов названия, выполненные на русском языке, вызывают доверие, а 11% относят их к универсальным¹⁹.

Ввиду того, что закон о защите русского языка²⁰ не коснется товарных знаков и фирменных обозначений (коммерческие обозначения исключением не являются), оставшиеся в России иностранные бренды будут вынуждены либо зарегистрировать свой товарный знак (что в случае с большинством известных брендов реализовано), либо русифицировать название своей продукции/услуг, чтобы в последующем избежать штрафных санкций.

Принятие в 2025 г. Основ государственной языковой политики Российской Федерации²¹ определяет среди основных направлений государственной политики разработку (при необходимости) алфавитов языков народов Российской Федерации на основе кириллицы, разработку и обновление содержания словарей, справочников и грамматик, уточнение правил орфографии и пун-

¹⁷ Художественный язык, национальный язык объединяет культуру в целое, консолидирует ее (выступая как фактор культурных кодов), но в то же время он делает ее индивидуальной, обособляя среди остальных – и тем самым очерчивая границы. (См.: И.О. Щедрина. Язык как резервуар культурных кодов в философии П.М. Биццлли // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. №4. С. 117).

¹⁸ См.: URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/06-03-2025-strana-berezok-rossiyskie-kompanii-stali-aktivnee-registrirovat-brendy-na-kirillice-chitayte> (дата обращения: 20.08.2025).

¹⁹ См.: URL: <https://iom.anketolog.ru/2024/07/12/rusifikaciya-nazvanij> (дата обращения: 12.08.2025).

²⁰ Федеральный закон от 24.06.2025 № 168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

²¹ Указ Президента Российской Федерации от 11.07.2025 г. №474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации»: Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52143> (дата обращения: 12.08.2025).

ктуации языков народов Российской Федерации. Эта работа позволит актуализировать государственную информационную систему «Национальный словарный фонд»²² сведениями о зафиксированных в соответствующих нормативных словарях нормах языков народов Российской Федерации.

Таким образом, анализ происходящих изменений, в числе которых, кроме прочего, не исследованная в статье норма ГК РФ об экспертизе заявленных на регистрацию обозначений с религиозной символикой и семантикой²³, подтверждает важность проведения более детального исследования, в рамках которого планируется определить факторы формирования социокультурной и гражданской идентичности в России через призму средств индивидуализации. Также представляется актуальным исследовать эволюцию норм российского права и практику регистрации соответствующих средств индивидуализации, в том числе содержащих элементы религиозных обозначений, относящихся к распространенным в России конфессиям.

Список источников

1. Zubov Ю.С. Перспективные направления исследований и регулирования института товарных знаков в Российской Федерации / Ю.С. Zubov, С.А. Ренжин, М.И. Евдокимова // Вестник ФИПС. – 2024. – Т. 3, №4. – С. 364–372.
2. Терещенко О.И. Правовая охрана товарных знаков, наименований мест происхождения товаров и географических указаний (по российскому законодательству): учеб. пособие / О.И. Терещенко, А.Е. Сычев; под общ. ред. А.О. Аракеловой. – Москва: ФГБОУ ВО РГАИС, 2024. – 76 с.
3. Евсеева Л.Н. Роль языка в формировании национальной идентичности: автореферат дис. ...канд. филос. наук: 09.00.11 / Лариса Николаевна Евсеева. – Архангельск, 2009. – 21 с.
4. Арутюнова Е.М. Русский язык в российской идентичности: теоретические подходы и актуальный контекст / Е.М. Арутюнова // Социологическая наука и социальная практика. – 2021. – Т. 9, №1. – С. 111–123.
5. Тишков В.А. Русский язык – язык гражданской нации / В.А. Тишков, В.В. Степанов; Материалы конференции «Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика», Казань, 02–06 июля 2019 г. / Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – 2019. – С. 21–32.
6. Антонова Н. В. Самоопределение как механизм развития идентичности / Н.В. Антонова, В.В. Белоусова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология. – 2011. – №2. – С. 79–92.
7. Гришина Е.А. Идентичность гражданская // Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1 / Е.А. Гришина. – Москва, 2003. – С. 336–338.

²² Положение о федеральной государственной информационной системе Национальный словарный фонд, утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 25.12.2024 №1892: Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://government.ru/docs/53894/> (дата обращения: 13.08.2025).

²³ Федеральный закон от 22.07.2024 №190-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации»: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202407220005> (дата обращения: 13.08.2025).

8. Дробижева Л.М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде / Л.М. Дробижева // Социологические исследования. – 2010. – № 12(320). – С. 49–58.
9. Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России / М.П. Крылов. – Москва, 2010. – 240 с.
10. Глухова О.В. Ономастические и лингвокультурологические характеристики словесных товарных знаков: на материале русского и английского языков: автореферат дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / Ольга Владимировна Глухова. – Нальчик, 2010. – 20 с.
11. Неретин О.П. Культурно-информационное пространство многонациональной России и его развитие: проблемы, перспективы: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Олег Петрович Неретин. – Москва, 2006. – 177 с.: ил.
12. Ворожевич А.С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты: дисс. ...д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Арина Сергеевна Ворожевич. – Москва, 2021. – 546 с.
13. Рожкова М.А. Правовая сущность гудвилл / М.А. Рожкова, А.С. Ворожевич // Закон. – 2015. – № 1. – С. 126–133.

References

1. Zubov Yu.S., Renzhin S.A., Evdokimova M.I. Trends in the development and regulation of trademarks in the Russian Federation. *Perspektivnyye napravleniya issledovaniy i regulirovaniya instituta tovarnykh znakov v Rossiyskoy Federatsii = Bulletin of Federal institute of industrial property*. 2024. Vol. 3, No. 4. P. 364–372 (in Russ).
2. Tereshchenko O.I., Sychev A.E. Legal protection of trademarks, appellations of origin and geographical indications (under Russian legislation) / ed. by A.O. Arakelova. Moscow: RGAIS Publ., 2024. 76 с. (in Russ).
3. Evseeva L.N. The role of language in the formation of national identity. Dissertation abstract: 09.00.11 / Larisa Nikolaevna Evseeva; Arkhangelsk, 2009, 21 p. (in Russ).
4. Arutyunova E.M. Russian language in Russian identity: theoretical approaches and current context. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika = Sociological science and social science practice*. 2021. Vol. 9. No. 1. P. 111–123 (in Russ).
5. Tishkov V.A. *Izmereniye kul'turnogo mnogoobraziya. YAzykovaya situatsiya, perepisi, polevaya etnostatistika = Russian language as the language of national identity* / V.A. Tishkov, V.V. Stepanov. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of RAS. 2019. P. 21–32 (in Russ).
6. Grishina E.A. Identity civil. Sociological encyclopedia: in 2 vol. Moscow, 2003. Vol. 1. 336 p. (in Russ).
7. Antonova N.V., Belousova V.V. Self-determination as a mechanism for the development of identity. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Pedagogika i psikhologiya = News of Sholokhov Moscow State Humanitarian University. A Series of Pedagogy and Psychology*. 2011. No. 2. P. 79–92 (in Russ).
8. Drobizheva L. M. Identity and ethnic attitudes of Russians in the own/ other ethnic medium. *Sotsiologicheskie Issledovaniya = Sociological Studies*. 2010. No. 12(320). P. 49–58 (in Russ).

9. Krylov M.P. Regional identity in the European Russia. Moscow, 2010. 240 p. (in Russ).
10. Glukhova O.V. The onomastic and cultural linguistics aspects of the verbal trademarks: On the material of the Russian and English languages: abstract of the diss. ...for the degree of PhD of Philological Sciences: 10.02.19 / Olga Vladimirovna Glukhova. Nalchik, 2010. 20 p. (in Russ).
11. Neretin O.P. Cultural and information space of multinational Russia and its development: problems, prospects: diss. ...for the degree of PhD of Political Sciences: 23.00.02. Moscow, 2006. 177 p. (in Russ).
12. Vorozhevich A.S. The limits of exclusive rights, their implementation and protection. Doctoral dissertation: 12.00.03 / Arina Sergeevna Vorozhevich. Moscow, 2021. 546 p. (in Russ).
13. Rozhkova M.A., Vorozhevich A.S. Legal nature of goodwill. *Zakon*. 2015. No. 1. P. 126–133 (in Russ).

Статья поступила 02.09.2025, принята к публикации 16.12.2025

© Рожнова Д.А., 2025

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Научная статья

УДК 347.78

Кластерный анализ в управлении развитием регионов России: акцент на интеграцию Донецкой Народной Республики

Алина Владимировна Емельяненко

Государственное бюджетное учреждение «Научно-технический центр
инноваций и технологий»,

Донецк, Донецкая Народная Республика

Директор

<https://orcid.org/0009-0004-6324-6638>

alina_ua92@mail.ru

Аннотация. В статье проводится кластерный анализ регионального научного потенциала субъектов Российской Федерации, сфокусированный на оценке интеграции и текущего положения новых территорий, в частности Донецкой Народной Республики. Исследование основывается на системе показателей, включающей человеческий капитал, научно-исследовательскую активность, финансовое обеспечение инноваций и результаты интеллектуальной деятельности. Методом *k*-средних выделены устойчивые кластеры регионов со схожим уровнем инновационного развития.

Определено место ДНР в полученной типологии и проанализированы ключевые факторы, сдерживающие и стимулирующие ее инновационный потенциал. Предложены рекомендации по адаптации мер государственной поддержки с учетом кластерной принадлежности и специфики новых субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, инновационный потенциал, кластерный анализ, региональная экономическая политика, Донецкая Народная Республика, институциональная среда, индекс формализации.

Для цитирования: Емельяненко А.В. Кластерный анализ в управлении развитием регионов России: акцент на интеграцию Донецкой Народной Республики / А.В. Емельяненко // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2025. – №4. – С. 58–67.

Original article

Cluster Analysis in the Development Management of Russian Regions: Focusing on the Integration of the Donetsk People's Republic

Alina V. Emelyanenko

State Budgetary Institution «Scientific and Technical Center of Innovations and Technologies»

Donetsk, Donetsk People's Republic

Director

<https://orcid.org/0009-0004-6324-6638>

alina_ua92@mail.ru

Abstract. This article conducts a cluster analysis of the innovation potential of the constituent entities of the Russian Federation, focusing on assessing the integration and current status of new territories, particularly the Donetsk People's Republic. The research is based on a system of indicators including human capital, research activity, financial support for innovation, and intellectual property outcomes. Using the k-means method, stable clusters of regions with similar levels of innovative development are identified.

The position of the DPR within the resulting typology is determined, and the key factors constraining and stimulating its innovation potential are analyzed. In conclusion, recommendations are provided for adapting state support measures, taking into account cluster affiliation and the specificities of the new federal subjects.

Key words: intellectual property, innovation potential, cluster analysis, regional economic policy, Donetsk People's Republic, institutional environment, formalization index.

For citation: Emelyanenko A.V. Cluster Analysis in the Development Management of Russian Regions: Focusing on the Integration of the Donetsk People's Republic // Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2025. No. 4. P. 58–67.

Настоящее исследование посвящено применению кластерного анализа для оценки инновационного потенциала и инвестиционной активности регионов России с акцентом на интеграцию ДНР. Использование кластеризации по мультифакторным показателям – патентной активности, научно-техни-

ческого потенциала, экономических индикаторов, институциональной среды и человеческого капитала – позволяет получить системное представление о позиционировании ДНР относительно регионов-аналогов и выделить приоритеты для адаптации региональной инновационной политики.

Целью статьи является разработка подхода кластерного анализа, направленного на поддержку и повышение эффективности управленческих решений в сфере регионального развития, с учетом трансформации инновационной системы ДНР. Полученные результаты могут служить основой для выработки рекомендаций по институциональному развитию, стимулированию патентной активности и модернизации механизмов поддержки инноваций в регионах с переходным статусом.

В качестве показателей для кластерного анализа выбраны ключевые индикаторы регионального инновационного и социально-экономического развития: число исследователей и научных сотрудников, объем затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (далее – НИОКР), количество патентных заявок и регистраций товарных знаков в Роспатенте, объем производства инновационных товаров, валовый региональный продукт на душу населения, а также инвестиционная активность. Как показал анализ источников, кластерный анализ как инструмент регионального управления широко применяется для группировки субъектов Российской Федерации по социально-экономическим и институциональным показателям.

Особое внимание исследователями уделяется методологиям кластерного анализа в контексте региональной интеграции и переходной экономики. В работе Е.С. Вылковой и соавторов [1] показано влияние кластеризации на разработку интеграционных политик и механизмов устойчивого развития регионов, что важно для анализа специфики Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) как региона с переходным статусом.

Применение кластерного анализа в изучении социально-экономического развития регионов России выявляет значительные изменения в дифференциации позиций субъектов до и после введения международных санкций, подчеркивая необходимость учета политических и институциональных факторов при формировании региональной политики [2]. Также проведена кластеризация регионов России по уровню социально-экономического развития с использованием метода k -средних, что позволяет выделить три группы с существенными различиями в экономическом потенциале и проблематике развития [3].

Другие исследования подтверждают значимость применения интеллектуального анализа данных для регионализации, в частности для оценки туристического потенциала и инвестиционной привлекательности регионов, позволяя выделять группы с максимально схожими характеристиками и формировать управленческие решения, адаптированные к кластерным особенностям [4].

Изучение зависимости уровня развития регионов от факторов образования, научно-технологического потенциала и экономического блага также проводится в рамках кластерного анализа. Например, М.Р. Сафиуллин [5] разработал методологию, с помощью которой сопоставляются показатели высшей школы и валовый региональный продукт, что дало основания для выработки региональных стратегий развития на основе выделенных кластеров.

Таким образом, кластерный анализ представляет собой универсальный и эффективный инструмент системного изучения региональных различий, позволяющий выявлять драйверы развития и разрабатывать адаптированные стратегии. Это особенно актуально при исследовании интеграционных процессов и трансформации инновационной системы Донецкой Народной Республики в контексте ее взаимодействия с другими регионами.

Анализ интеграции Донецкой Народной Республики в инновационную систему России. Фундаментальной предпосылкой для восстановления и развития инновационного потенциала ДНР стало принятие в федеральную собственность ведущих научных и образовательных организаций региона. Согласно Распоряжению Правительства РФ от 29.03.2023 №750-р, на территории ДНР 8 университетов и 9 научных организаций были переданы в ведение Министерства науки и высшего образования России.

Интеграция ДНР в единое научно-технологическое и инновационное пространство страны является сложным процессом. Его анализ позволяет выявить как формирующиеся позитивные тенденции, так и системные вызовы, требующие целенаправленных мер государственной поддержки. Наиболее репрезентативным индикатором начавшегося процесса интеграции выступает динамика регистрации объектов интеллектуальной деятельности.

По данным Роспатента [6], с момента воссоединения с Россией разработчики и предприниматели новых регионов подали около 2000 патентных заявок на различные объекты, причем ДНР демонстрирует абсолютное лидерство (70% всех заявок). Сравнительный анализ данных за разные периоды наглядно демонстрирует трансформацию инновационной активности в ДНР. Если в 2022 г. на фоне правовой неопределенности регистрация объектов ИС была практически парализована (всего 7 заявок на товарные знаки и нулевые показатели по другим категориям) [7], то после интеграции в правовое поле России наблюдается рост.

В 2024 г. из ДНР поступило 805 заявок в Роспатент. Примечательно, что только за первый квартал 2025 г. была подана почти половина от общего количества заявок предыдущего года.

Отраслевая структура заявительской активности отражает следующее:

- товарные знаки: в 2024 г. подано 640 заявок от всех новых регионов (прирост 87% к уровню 2023-го), при этом ДНР сохраняет лидирующие позиции;
- патентные заявки (изобретения, полезные модели, промышленные образцы): в 2024 г. – 186 заявок (прирост 140% к 2023 г.), в первом квартале 2025 г. патентная активность выросла еще в 1,5 раза;
- IT-разработки: количество заявок на регистрацию программ для ЭВМ выросло в 5 раз за 2024 г., за первые три месяца 2025 г. подано 12 заявок.

Значительный рост инновационной активности стал возможен благодаря системной работе Роспатента по интеграции присоединенных территорий в правовое поле России, ключевыми факторами которой стали:

- облегченный режим признания интеллектуальных прав до 31 декабря 2025 г.;
- проведение образовательных семинаров для бизнеса и разработчиков;
- индивидуальная работа с правообладателями.

Представленные данные свидетельствуют о кардинальном изменении ситуации. Рост регистрации товарных знаков и патентной активности является

индикатором развития малого и среднего предпринимательства и появления новых продуктовых линий, а также свидетельствует о восстановлении научно-технического потенциала региона [7].

Результаты кластерного анализа инновационного потенциала регионов России. В рамках исследования был проведен комплексный кластерный анализ инновационного потенциала семи регионов: Свердловской, Ростовской, Кемеровской, Воронежской, Белгородской областей, Республики Крым и ДНР.

Для обеспечения релевантности сравнительного анализа формирование выборки российских регионов – аналогов для ДНР проводилось на основе системы критериев, обеспечивающих максимальную сопоставимость по социально-экономическим и институциональным параметрам.

Были выделены три ключевых критерия отбора:

1. Структурное сходство экономики: приоритет отдавался регионам с выраженной промышленной специализацией, аналогичной ДНР, – добывающие и тяжелые обрабатывающие производства (угледобыча, металлургия, машиностроение).

2. Демографическая и институциональная сопоставимость: учитывались регионы со схожей численностью населения (1,5–4,5 млн чел.), а также имеющие особый статус (приграничные территории, регионы с опытом интеграции – Республика Крым).

3. Схожесть траекторий экономической динамики: анализ темпов роста валового регионального продукта (далее – ВРП) подтвердил, что выбранные регионы и ДНР демонстрируют наличие сопоставимых фаз экономического развития.

В дальнейшем анализ базировался на оценке ключевых блоков показателей, характеризующих состояние и динамику развития региональных инновационных систем:

- 1) патентная активность (количество патентных заявок на 10 000 населения);
- 2) научно-технологический потенциал (объем внутренних затрат на НИОКР);
- 3) экономические показатели (объем ВРП);
- 4) человеческий капитал (численность исследователей и разработчиков).

Для проведения кластерного анализа и обеспечения сопоставимости разноразмерных показателей все значения были нормированы к максимуму в выборке по каждому показателю. Это позволило перейти к анализу относительных позиций регионов в единой метрической шкале, включая пятый показатель «Институциональные условия».

Все показатели были нормированы относительно максимальных значений в выборке для обеспечения сопоставимости. Для кластеризации использовался алгоритм *k*-средних (*k*-means) с выделением трех кластеров, соответствующих разному уровню инновационного потенциала: высокому, среднему и низкому.

Выявленные кластеры и их характеристика. Кластер с *высоким* инновационным потенциалом в исследовании представлен Свердловской областью, которая демонстрирует лидирующие позиции по большинству ключевых показателей. Показатели инновационной активности региона близки к 1,0 после нормализации, что отражает высокую и стабильную патентную актив-

ность с коэффициентом изобретательской активности в диапазоне 1,09–1,27. В Свердловской области сосредоточены максимальные объемы финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (около 40 млрд рублей в 2023 г.), а также один из крупнейших валовых региональных продуктов, превышающий 4 трлн рублей. Регион обладает развитой институциональной средой для поддержки инноваций, включая специализированное региональное законодательство, действующие соглашения с Роспатентом, разветвленную сеть технопарков и центров поддержки технологий и инноваций, а также систему субсидирования патентования. Значительный человеческий капитал представлен большой численностью научных работников. Свердловская область выступает национальным драйвером инноваций, эффективно интегрируя науку, образование и промышленность, что подтверждается утвержденной до 2030 г. госпрограммой «Научно-технологическое развитие», предусматривающей меры поддержки научных исследований и коммерциализации инноваций (табл. 1).

Таблица 1

Сводный профиль кластеров (качественное описание)

Критерий	Высокий потенциал (Свердловская обл.)	Средний потенциал (Воронежская, Ростовская обл., Крым)	Низкий потенциал (Белгородская, Кемеровская обл., ДНР)
Патентная активность	Высокая и стабильная	Умеренная, нестабильная	Низкая
Финансирова- ние НИОКР	Максимальное в выборке	Среднее	Минимальное
Экономиче- ская база (ВРП)	Крупнейшая, диверсифицированная	Диверсифицирован- ная, среднего масштаба	Ограниченная, сырьевая ориентация
Институцио- нальная среда	Развитая (законы, соглашения, ЦПТИ, субсидии)	Отдельные элементы инфраструктуры	Начальный этап формирования
Человеческий капитал	Мощный кадровый потенциал	Существенный, но может требовать оптимизации	Дефицит квалифицированных кадров
Ключевой вызов	Поддержание лидер- ства и глобальная конкурентоспособ- ность	Диффузия инноваций в реальный сектор, повышение эффективности	Преодоление институционального и ресурсного разры- ва, создание базовых условий

Кластер со *средним* инновационным потенциалом включает Ростовскую область, Воронежскую область и Республику Крым. Для данных регионов характерны средние нормированные значения показателей в диапазоне примерно от 0,4 до 0,7. Их экономика более диверсифицирована, хотя показатели патентной активности, затрат на НИОКР и ВРП остаются умеренными по сравнению с лидером. В данных регионах присутствуют основные элементы инновационной инфраструктуры, такие как научно-образовательные центры и отдельные технопарки, но их развитие носит неравномерный характер.

Экономика Ростовской и Воронежской областей характеризуется значительной аграрно-промышленной составляющей, которая влияет на специфику инновационного развития. Республика Крым демонстрирует положительную динамику и быстрый рост инновационных показателей после интеграции в российское правовое поле, что свидетельствует о ее успешной адаптации и потенциале для перехода в более высокий кластер.

Кластер с *низким* инновационным потенциалом представлен Кемеровской и Белгородской областями, а также ДНР. Эти регионы имеют самые низкие нормированные показатели по всем анализируемым блокам в диапазоне от 0,15 до 0,45. В числе основных проблем – низкий уровень патентной активности, причем коэффициент изобретательской активности в ДНР, равный 0,23, является самым низким в выборке. Финансирование НИОКР и ВРП ограничено, затраты на НИОКР в ДНР составляют около 1,5–2,0 млрд рублей, что значительно уступает ведущим регионам. Институциональная среда для поддержки интеллектуальной собственности слабо развита: индекс формализации нормативной базы составляет всего 0,075 по сравнению с максимальным значением 1,0 в Свердловской области, что указывает на отсутствие комплексных региональных программ, субсидий и инфраструктурных объектов, таких как ЦПТИ. Экономика этих регионов ориентирована преимущественно на сырьевой сектор – угольную промышленность и металлургию, где уровень инновационной активности традиционно низок. Кроме того, регионам свойственен дефицит квалифицированных научных кадров, усугубляемый миграционными процессами.

Положение ДНР в контексте кластерного анализа. Проведенный анализ однозначно относит Донецкую Народную Республику к группе регионов с наиболее низким инновационным потенциалом. Это обусловлено совокупностью факторов. Во-первых, тяжелые последствия военного конфликта и переходный период, которые привели к разрушению инфраструктуры, миграции квалифицированных кадров и возникновению правового вакуума в сфере интеллектуальной собственности после 2014 г. Во-вторых, институциональный дефицит, выражающийся в отсутствии собственной развитой системы поддержки интеллектуальной собственности, которая сейчас находится на начальной стадии интеграции в федеральные механизмы России. В-третьих, ресурсные ограничения: значительное отставание по финансированию науки и масштабам экономики по сравнению с другими регионами. Кластерный анализ наглядно демонстрирует, что, несмотря на наличие у ДНР значительного исторически сложившегося научно-технического потенциала – университетов и исследовательских традиций, этот потенциал не трансформируется в инновационные результаты из-за системных институциональных и инфраструктурных барьеров, что подтверждает наличие так называемого «институционального парадокса». Активные шаги по интеграции ДНР в российское инновационное пространство и развитие стартап-экосистемы, обсуждаемые в рамках форумов и совместных проектов с фондами поддержки инноваций, создают предпосылки для преодоления этих проблем, однако системные вызовы еще остаются.

Рекомендации по использованию результатов анализа для региональной политики. Проведенный кластерный анализ и определение места

ДНР в группе регионов с низким инновационным потенциалом позволяют сформулировать адресные рекомендации для органов государственной власти. Цель предлагаемых мер – преодоление институционального и ресурсного разрыва, целенаправленная стимуляция инновационной активности и интеграция научно-технического комплекса ДНР в общероссийское пространство.

Для регионов низкого потенциала (ДНР, Кемеровская, Белгородская области) необходима политика «догоняющего» развития с акцентом на создание базовых институтов и инфраструктуры. Приоритетом должна стать не точечная поддержка отдельных проектов, а системное построение инновационной экосистемы.

Для регионов среднего потенциала (Ростовская, Воронежская области, Крым) целесообразна политика, направленная на усиление кооперации между наукой и реальным сектором экономики, а также на диффузию уже существующих в стране технологий.

Для регионов высокого потенциала (Свердловская область) поддержка должна быть сфокусирована на обеспечении глобальной конкурентоспособности и реализации крупных технологических прорывов.

Специфические меры для ДНР, вытекающие из анализа «институционального парадокса», видятся в создании Регионального центра управления интеллектуальной собственностью. Учитывая острую нехватку кадров (отсутствие патентных поверенных, малочисленные отделы в НИИ), необходимо сформировать централизованную структуру для осуществления консультационной и методической помощи ученым и предпринимателям в патентовании, проведении предварительной экспертизы заявок, организации взаимодействия с Роспатентом, ядром которой мог бы стать ГБУ «Научно-технический центр инноваций и технологий» (ГБУ «НТЦИТ»).

Анализ Устава ГБУ «НТЦИТ» (п. 20–22) показывает, что предмет и основные виды деятельности учреждения полностью соответствуют задачам по преодолению выявленных системных проблем. Центр уже уполномочен осуществлять мониторинг и методическое обеспечение коммерциализации РИД, оказывать консультационные услуги по патентованию, поддерживать стартапы и проводить образовательные мероприятия. Для придания ГБУ «НТЦИТ» статуса регионального оператора необходимо закрепить это решение распорядительным актом Правительства ДНР, что формализует его координирующую роль в региональной инновационной системе. Далее следует сформировать на его базе централизованную службу патентных и юридических консультаций для ученых и предпринимателей. Это позволит не создавать новую структуру с нуля, а использовать уже действующую, обладающую необходимым кадровым и методическим потенциалом, максимально быстро запустив механизм «одного окна» для управления ИС и поддержки инноваций в ДНР.

На основе выявленной схожести с регионами-аналогами (Кемеровская, Белгородская области) следует инициировать совместные проекты в смежных отраслях (угольная и металлургическая промышленность, АПК), что может стать драйвером для кооперационной инновационной активности.

Реализация предложенных мер, адаптированных к конкретному кластерному профилю и специфическим барьерам ДНР, позволит перевести инно-

вационную систему республики из состояния «догоняющего» развития в режим устойчивого роста, максимально используя преимущества интеграции в единое экономическое и правовое пространство России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вылкова Е.С. Кластерный анализ регионов РФ для выявления территорий – драйверов устойчивого развития: налоговая компонента / Е.С. Вылкова, Н.Г. Викторова, В.Н. Наумов, Н.В. Покровская // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2021. – №53. – С. 80–95. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klasternyy-analiz-regionov-rf-dlya-vyyavleniya-territoriy-drayverov-ustoychivogo-razvitiya-nalogovaya-komponenta> (дата обращения: 15.05.2024).

2. Гичиев Н.С. Анализ кластеризации социально-экономического развития регионов Юга России до и после введения международных санкций / Н.С. Гичиев // Наука Краснодаря. – 2021. – №1. – С. 23–37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-klasterizatsii-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-regionov-yuga-rossii-do-i-posle-vvedeniya-mezhdunarodnyh-sanktsiy> (дата обращения: 15.05.2024).

3. Протасов Ю.М. Кластеризация регионов РФ по уровню их социально-экономического развития / Ю.М. Протасов, В.М. Юров // Вестник Государственного университета просвещения. Сер. Экономика. – 2022. – №2. – С. 45–58. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klasterizatsiya-regionov-rf-po-urovnyu-ih-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya> (дата обращения: 15.05.2024).

4. Шматько Л.П. Роль кластеризации в развитии российской индустрии туризма и гостеприимства / Л.П. Шматько // Московский экономический журнал. – 2021. – №3. – С. 45–60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-klasterizatsii-v-razvitii-rossiyskoy-industrii-turizma-i-gostepriimstva> (дата обращения: 15.05.2024).

5. Сафиуллин М.Р. Методология кластерного анализа взаимосвязи высшего образования и валового регионального продукта / М.Р. Сафиуллин // Экономика региона. – 2024. – №1. – С. 120–135.

6. Донбасс и Новороссия наращивают брендинговую активность: сайт Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент). URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/04-06-2025-donbass-i-novorossiya-narashchivayut-breningovuyu-aktivnost> (дата обращения: 15.07.2025).

7. Более 40 научных и образовательных организаций новых регионов стали частью единого научно-образовательного пространства России: официальный сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/66031/> (дата обращения: 15.05.2025).

References

1. Vylkova E.S., Viktorova N.G., Naumov V.N., Pokrovskaya N.V. Cluster Analysis of the Regions of the Russian Federation to Identify Territories - Drivers of Sustainable Development: The Tax Component. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo*

universiteta. *Ekonomika = Bulletin of Tomsk State University. Economics*. 2021. No. 53. P. 80–95. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klasternyy-analiz-regionov-rf-dlya-vyyavleniya-territoriy-drayverov-ustoychivogo-razvitiya-nalogovaya-komponenta> (date of access: 15.05.2024) (in Russ.).

2. Gichiev N.S. Analysis of the Clustering of Socio-Economic Development of the Regions of Southern Russia Before and After the Introduction of International Sanctions. *Nauka Krasnodar'ya = Science of Krasnodar Region*. 2021. No. 1. P. 15–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-klasterizatsii-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-regionov-yuga-rossii-do-i-posle-vedeniya-mezhdunarodnyh-sanktsiy> (date of access: 15.05.2024) (in Russ.).

3. Protasov Yu.M., Yurov V.M. Clustering of Russian Regions by Their Level of Socio-Economic Development. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Ekonomika = Bulletin of the State University of Education. Series: Economics*. 2022. No. 2. P. 45–58. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klasterizatsiya-regionov-rf-po-urovnyu-ih-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya> (date of access: 15.05.2024) (in Russ.).

4. Shmatko L.P. The Role of Clustering in the Development of the Russian Tourism and Hospitality Industry. *Moskovskiy ekonomicheskij zhurnal = Moscow Economic Journal*. 2021. No. 3. P. 45–60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-klasterizatsii-v-razvitii-rossiyskoy-industrii-turizma-i-gostepriimstva> (date of access: 15.05.2024) (in Russ.).

5. Safiullin M.R. Methodology for Cluster Analysis of the Relationship between Higher Education and Gross Regional Product. *Ekonomika regiona = Economy of Region*. 2024. No. 1. P. 120–135 (in Russ.).

6. Donbass and Novorossiia are increasing their branding activity. Federal Service for Intellectual Property (Rospatent). URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/04-06-2025-donbass-i-novorossiia-narashchivayut-breningovuyu-aktivnost> (date of access: 15.07.2025) (in Russ.).

7. More than 40 Scientific and Educational Organizations of the New Regions Have Become Part of the Unified Scientific and Educational Space of Russia. Official Website of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/66031/> (date of access: 15.05.2024) (in Russ.).

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Научная статья

УДК 338.4

Сервисизация интеллектуальной собственности в цифровой экономике

Тимур Ринатович Асылгузин¹,
Александр Германович Мокроносов²

^{1,2}Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург,
Россия

¹Аспирант

<https://orcid.org/0000-0001-6072-2927>

SPIN-код: 8318-6000, AuthorID: 1143041

asul555@bk.ru

²Профессор кафедры экономики предприятий, доктор экономических наук,
профессор

<https://orcid.org/0000-0002-8644-7932>

SPIN-код: 3536-4362, AuthorID: 387112

amokronosov@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется эволюция научной мысли в трактовке экономического содержания сервисизации в условиях цифровой экономики, аргументируется необходимость исследования цифровизации и сервисизации как взаимосвязанных элементов единой инновационной системы, способствующей социально-экономическому и научно-технологическому развитию, накоплению новых знаний и созданию потребительной стоимости. Применены методы исследования – структурный, динамический, эконометрический анализ, бенчмаркинг. В соответствии

с авторской гипотезой предлагаемый системный подход к исследованию сервисизации, переходу к формированию бизнес-моделей устойчивого опережающего инновационного развития услуг в сфере промышленной и креативной интеллектуальной собственности обуславливается сочетанием цифровых технологий и искусственного интеллекта, которые превращают неявные знания и нематериальные активы в доступный, обновляемый и постоянно усиливающийся ресурс повышения интеллектуального потенциала страны. Полученные результаты исследования раскрывают перспективу применения услуг патентной аналитики применительно к проблематике обеспечения интеллектуального суверенитета страны.

Ключевые слова: сервисизация интеллектуальной собственности, трансформация бизнес-моделей, интеллектуальная собственность как услуга.

Для цитирования: Асылгужин Т.Р. Сервисизация интеллектуальной собственности в цифровой экономике / Т.Р. Асылгужин, А.Г. Мокроносов // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2025. – № 4. – С. 68–78.

Original article

Servicization of intellectual property in the digital economy

**Timur R. Asylguzhin¹,
Alexander G. Mokronosov²**

^{1,2}Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

¹Postgraduate student

<https://orcid.org/0000-0001-6072-2927>

SPIN-код: 8318-6000, AuthorID: 1143041

asul555@bk.ru

²Professor of the department of Enterprise Economics, Doctor of Economic Sciences, Professor

<https://orcid.org/0000-0002-8644-7932>

SPIN-код: 3536-4362, AuthorID: 387112

amokronosov@mail.ru

Abstract. The article clarifies the evolution of scientific thought in the interpretation of the economic content of serviceability in the digital economy, argues for the need to study digitalization and serviceability as interrelated elements of a unified innovation system that promotes socio-economic, scientific and technological development, the accumulation of new knowledge and the creation of consumer value. Research methods – structural, dynamic, econometric analysis, benchmarking. In accordance with the author's hypothesis, the proposed systematic approach to the study of serviceability, the transition to the formation of business models for sustainable advanced innovative development of services in the field of industrial and creative intellectual property, is determined by a combination of digital technologies

and artificial intelligence, which turn implicit knowledge and intangible assets into an accessible, renewable and constantly growing resource for increasing the intellectual potential of the country. The obtained research results reveal the prospect of using patent analytics services in relation to the problem of ensuring the intellectual sovereignty of the country.

Key words: intellectual property servicization, transformation of business models, intellectual property as a service.

For citation: Asylguzhin T.R., Mokronosov A.G. Servicization of intellectual property in the digital economy // Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2025. No. 4. P. 68–78.

В условиях цифровой экономики наблюдается кардинальная трансформация роли интеллектуальной собственности (далее – ИС), открывающая новые горизонты для технологического прогресса, оптимизации бизнес-процессов предприятий и отраслей, эффективного взаимодействия на всех управленческих уровнях. Масштабы, высокая динамика и возрастающий уровень сложности новых знаний актуализируют необходимость углубленного исследования сервисизации ИС как закономерного процесса, в котором результаты творческой и изобретательской деятельности, интегрируясь в сервисные бизнес-модели и цепочки создания потребительской ценности, трансформируются в стратегические нематериальные активы научно-технологического развития.

Однако до настоящего времени в научном сообществе сохраняются значительные различия в понимании социально-экономической сущности, причин и факторов сервисизации промышленной и креативной ИС, а также в оценке роли услуг патентно-информационной аналитики как инструмента повышения эффективности инновационного развития и обеспечения устойчивой конкурентоспособности отечественной экономики. Эти обстоятельства определили цель статьи – развитие методологических положений исследования сервисизации ИС в условиях цифровой трансформации экономики. Поставленная цель предопределила необходимость решения следующих задач:

- уточнить эволюцию научной мысли в трактовке экономического содержания сервисизации ИС;

- обосновать концептуальные положения методологии исследования бизнес-моделей сервисизации промышленной и креативной ИС.

Сервисизация выступает одним из ключевых процессов современной трансформации социально-экономических систем, заключающемся в переходе от традиционной модели производства и продажи материальных товаров к модели комплексного или «пакетного» предоставления услуг, интегрированных в сам продукт [1]. Концепция сервисизации сформировалась в контексте эволюционных изменений в структуре экономики под влиянием социально-экономических, технологических, институциональных тенденций развития. Предприятия, стремясь достичь устойчивых конкурентных преимуществ, последовательно прошли через ряд этапов сервисного развития, направленных на интеграцию производственно-технологических систем, науки, образования, бизнеса и власти:

1-й этап – ориентация на продукты или услуги.

2-й этап – интеграция продуктов и услуг.

3-й этап – интеграция знаний, продуктов и услуг, включая техподдержку и самообслуживание [2].

В настоящее время услуги перестали восприниматься лишь как дополнительный компонент, а понимаются как неотъемлемый элемент предложения, радикально трансформирующий бизнес-модель от простого производства к модели «чего угодно как услуги» [3]. Но, несмотря на значительное внимание к проблематике в научной литературе, существует большое различие в концептуальных подходах к исследованию процесса «сервисизации» (табл. 1).

Таблица 1

**Концептуальные подходы к определению понятия
«сервисизация» в экономической науке**

Авторы	Определение понятия «сервисизация»
Vandermerwe S., Rada J. [2]	Тенденция, направленная на предоставление расширенных рыночных предложений или пакетов, включающих в себя комбинации товаров, услуг, технической поддержки, самообслуживания и информационных ресурсов, ориентированных на удовлетворение потребностей клиентов
Nordwall A. [4]	Процесс развития, в рамках которого производственные предприятия не только увеличивают объемы закупок и производства услуг, но и активно занимаются продажей и экспортом услуг как интегрированных видов деятельности
Brax S.A., Calabrese A., Ghiron N.L., Tiburzi L., Grönroos C. [5]	Трансформация предприятия, его бизнес-модели за счет более тесного взаимодействия предприятия с потребителем в рамках производственно-сбытовой цепочки; диверсификации продуктового портфеля путем введения новых услуг или замены ими существующих продуктов; организационных изменений – перехода от процессов, ориентированных на продукты, к процессам, ориентированным на услуги
Baines T., Lightfoot H., Peppard J., Johnson M., Tiwari A., Shehab E., Swink M [6]	Инновационный подход к организации бизнес-процессов и возможностей, направленный на увеличение взаимной ценности для всех участников через переход от традиционной модели продажи продукта к системе «продукт – услуга» (Product-Service System). Компании переходят от бизнес-модели «услуги вокруг продуктов» к модели «продукты вокруг услуг», стремясь повысить прибыльность
Донскова Л.И. [7]	Широкое понятие, отражающее два взаимосвязанных процесса: увеличение доли услуг в ключевых макроэкономических показателях, таких как ВВП и ВРП, а также в различных индикаторах, включая количество экономически активного населения, число предприятий, объем инвестиций, структуру расходов домохозяйств; проникновение или интеграцию сервисной деятельности в процесс материального производства
Симачев Ю.В., Федюнина А.А., Ружанская Л.С., Кузык М.Г., Юревич М.А., Городный Н.А., Тяжельников В.Д., Артемьева К.А. [1]	В промышленном производстве – феномен, когда промышленные компании не только покупают и производят больше услуг, чем раньше, но также продают и экспортируют больше услуг в качестве интегрированных видов деятельности. При этом обычно происходит трансформация бизнес-модели самих компаний и репозиционирование в цепочках создания стоимости

Авторы	Определение понятия «сервисизация»
Бушуева И.В., Вапнярская О.И., Платонова Н.А. [8]	Ключевой элемент сервисной парадигмы, сервисного общества, обеспечивающий переход от создания и продажи «чистых» продуктов к созданию комплексных решений, ориентированных на результат и опыт потребителя. Сервисное общество характеризуется рядом специфических черт: индивидуализация услуг; формирование сервисологии; приоритизация человеческих потребностей; интеграция понятий товара и услуги; трансформация общественных и экономических отношений

В научной литературе сервисизация трактуется по-разному – от стратегической бизнес-модели (продукт как услуга, система «продукт – услуга») до макроэкономического тренда, связанного с повышением значимости сферы услуг в структуре экономики. Однако мнения исследователей сходятся в том, что сущность сервисизации характеризуют следующие ключевые особенности:

1. Клиентоориентированность – перенос акцента с оптимизации процессов производства на глубокое удовлетворение потребностей и улучшение пользовательского опыта в производственно-сбытовой цепочке.

2. Интеграция продукта и услуг как ядро конкурентного предложения. Сервисизация – не просто дополнение сопутствующих услуг, а способствование формированию единого пакетного решения, включающего сам продукт, сервисное сопровождение, обучение, поддержку и дополнительные опции [9].

3. Трансформация бизнес-модели. Расширение охвата транзакций и индивидуализация (кастомизация) предложений приводят к трансформации бизнес-моделей предприятий, увеличивая долю услуг в структуре добавленной стоимости [3]. Бизнес-модели эволюционируют в четырех основных направлениях: ориентация на платформу, на решение, на продукт и на проект.

4. Перенос акцентов с моделей владения на модели доступа. Наблюдается тенденция к актуализации бизнес-моделей «оплата за использование» (pay-per-use) и «подписка как услуга» (subscription-as-a-service) [10]. В рамках этой модели пользователи осуществляют оплату не за актив как таковой, а за результаты его эксплуатации или доступа к функциональным возможностям на временной основе.

5. Рост значимости нематериальных активов (далее – НМА). В сервисной экономике решающее значение приобретают НМА, включая знания, технологии и ИС, которые способствуют производству, персонализации и непрерывному улучшению услуг, обеспечивают адаптацию к динамическим изменениям рыночной среды.

6. Интеграция сервиса в производственно-сбытовые цепочки. Внедрение сервисной поддержки на всех этапах жизненного цикла продукта, от проектирования до послепродажного обслуживания, повышающей конкурентоспособность предприятия. Сервисизация позволяет быстро адаптироваться к потребностям клиентов, улучшать качество товаров и услуг, а также кастомизировать их под запросы потребителей.

7. Платформенная архитектура экосистем – организационная модель цифровых платформ и маркетплейсов, обеспечивающая интеграцию производи-

телей, поставщиков услуг и конечных потребителей в единое цифровое пространство. Платформа является основой для обмена продуктами, услугами и информацией, которая определяет правила взаимодействия, предоставляет инструменты для совместного использования и способствует достижению общих целей через комплексное цифровое взаимодействие участников [11].

Одним из важнейших условий становления и развития сервисизации является цифровизация, предполагающая непрерывный процесс интеграции цифровых технологий в бизнес-модель предприятия, в который вовлечена вся его организационная структура и который охватывает весь бизнес [12]. Цифровая трансформация представляет собой создание цифровых экосистем, которые основаны на использовании больших данных, облачных технологий и искусственного интеллекта. Цифровые платформы, интернет вещей и автоматизированные алгоритмы позволяют предприятиям оптимизировать производственные и управленческие процессы, повышать скорость принятия решений, снижать транзакционные издержки и укреплять доверительные связи с клиентами. В социальной сфере процесс цифровизации трансформирует коммуникацию, образовательные и медицинские сервисы, формируя новые модели социального взаимодействия.

Цифровизация и сервисизация не существуют изолированно, а представляют собой взаимодополняющую систему. Таким образом, цифровизация и сервисизация образуют «коэволюционную пару»: цифровые технологии дают механизмы реализации сервисных моделей, а запрос на такие модели – главный мотив для технологического совершенствования. Цифровизация является не только фактором, усиливающим эффекты сервисизации, но и ее необходимым условием. Цифровые технологии радикально трансформируют бизнес-модели предприятий в контексте сервисизации следующим образом:

1. Комплексные транзакционные решения. Цифровизация позволяет облегчить интеграцию масштабов и объемов цифровых продуктов и услуг, которые физически невозможно реализовать в одном месте [3].

2. Аналитические данные для развития и оптимизации процессов. Цифровизация предоставляет данные для разработки и совершенствования товаров и услуг, предназначенных для продажи в рамках единичных транзакций потребителям или в качестве ключевого компонента ценности [3].

3. Развитие цифровых каналов коммуникации, которые обеспечивают возможность реализации двунаправленного взаимодействия между бизнесом и клиентами на принципиально новом уровне [3].

4. Стандартизация услуг и их коммерческое внедрение. Цифровые технологии позволяют собирать и анализировать большие объемы данных для идентификации преобладающих тенденций спроса и предоставляют средства, которые превращают индивидуальные услуги в стандартизированные продукты [3].

5. Внедрение в производство цифровых двойников и оптимизация внутренних процессов. Цифровизация открывает возможности для создания «умных» сервисов с использованием цифровых двойников, виртуальных моделей оборудования, синхронизированных с физическими системами [13].

6. Повышение организационной гибкости за счет сочетания модульных архитектур и облачных инструментов, что позволяет динамически перестра-

ивать цепочки поставок, адаптировать бизнес-процессы к изменениям рыночного спроса.

Сервисизация представляет собой не просто технологический или маркетинговый тренд, а фундаментальный эволюционный процесс, отражающий переход к экономике, где комплексные сервисные решения, опирающиеся на цифровые технологии, знания и инновации, становятся главным фактором конкурентоспособности и устойчивого развития.

Следует подчеркнуть, что концепция сервисизации не является универсальной и не может быть применена повсеместно. В связи с этим возникает необходимость идентификации секторов, в которых внедрение сервисизации продемонстрировало бы свою эффективность. Одним из успешных направлений является сервисизация ИС в рамках бизнес-модели «интеллектуальная собственность как услуга» (Intellectual property-as-a-service).

Сервисизация ИС представляет собой актуальное направление развития механизмов управления НМА, при которых интеллектуальные права включаются в структуру сервисных бизнес-моделей и начинают функционировать не как единичные результаты творческой деятельности, а как элементы, непрерывно создающие потребительскую ценность в рамках предоставляемых услуг. Таким образом возникает устойчивая бизнес-модель, где ключевыми единицами обмена становятся данные, знания, лицензии, цифровые права и аналитические инструменты, что формирует новые модели монетизации, управления и тиражирования интеллектуального капитала.

Сервисизация промышленной собственности (прав на изобретения, полезные модели, промышленные образцы) реализуется в рамках двух основных направлений:

1. *Интеграция промышленной собственности и материального продукта как услуга.* В рамках данной бизнес-модели право на использование запатентованных решений, ноу-хау или технологических процессов становится неотъемлемой частью сервисного предложения, ориентированного на достижение конкретного результата, а не на передачу права собственности. ИС в данном контексте не является объектом отдельной продажи и не ограничивается лишь защитой продукции от копирования. Она интегрируется в структуру сервиса бизнес-модели. Примером сервисизации промышленной собственности может служить программа Power by the Hour от Rolls-Royce [14], в рамках которой технологии обслуживания и ремонта становятся непрерывным сервисным ресурсом, обеспечивающим высокую предсказуемость затрат и снижение операционных рисков.

2. *Промышленная собственность как услуга.* В бизнес-модели «промышленная интеллектуальная собственность как услуга» патенты на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, свидетельства на программы для ЭВМ рассматриваются не просто как активы, инструменты правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности (далее – РИД), а как товар или сервис, доступный через цифровые платформы. В рамках данной бизнес-модели промышленная собственность становится предметом системной коммерциализации через механизмы лицензирования, продажи интеллектуальных прав, а также включения в совместные технологические проекты. Все это организуется через специальные цифровые платформы, которые обеспечивают

прозрачность рынка, автоматизируют процедуры поиска и передачи объектов интеллектуальных прав, а также предоставляют дополнительные аналитические, экономические и юридические услуги, направленные на снижение транзакционных издержек и повышение эффективности управления НМА. В качестве примеров можно привести следующие цифровые платформы:

- платформа коллективного лицензирования Avanci – предоставляет доступ к информационно-коммуникационным технологиям на условиях единой лицензии [15]. Производители транспортных средств и поставщики автомобильных комплектующих (Audi, BMW, Ford и др.) и IoT-устройств заключают единый лицензионный договор, предусматривающий фиксированную плату за использование комплекса патентов на стандартизированные технологии (Standard essential patents – 3G, 4G, 5G, Wi-Fi, USB), принадлежащих различным правообладателям (Ericsson, Inter Digital, Nokia, Qualcomm и др.);

- сервис «Биржа патентов» Московского инновационного кластера – создан для содействия в коммерциализации РИД [16] и представляет собой маркетплейс патентов, обеспечивающий финансирование под залог ИС и предоставляющий экспертную поддержку. Правообладатели могут использовать «Биржу патентов» для реализации прав на РИД, в то время как предприниматели получают доступ к необходимым технологическим разработкам.

Оба направления иллюстрируют интеграцию ИС в сервисную бизнес-модель, что позволяет компаниям не только повышать свою конкурентоспособность через дифференциацию предложений, но и разрабатывать устойчивые бизнес-модели с постоянным сопровождением клиентов и стратегическим управлением жизненным циклом технологий.

Одним из наиболее успешных примеров реализации сервисизации в сфере креативной экономики является музыкальный стриминговый сервис Spotify [17], наглядно демонстрирующий, как интеллектуальные права могут быть монетизированы и масштабированы посредством сервисной модели.

Spotify внедрил инновационную модель дистрибуции музыкального контента, отказавшись от традиционной практики продажи альбомов и треков. Компания предложила доступ к обширной музыкальной цифровой библиотеке на основе подписки. Платформа функционирует по принципу «по требованию», предоставляя пользователям возможность прослушивания музыки за абонентскую плату. В данном контексте использование прав направлено не на продажу музыкальных треков единично, а на их многократное использование. Сервисизация ИС в Spotify иллюстрирует отказ от традиционной «модели владения» в пользу «модели доступа». Пользователь не становится собственником музыкального контента, но получает удобный, юридически обеспеченный и персонализированный доступ к интеллектуальному продукту. Spotify выступает как посредник между авторами, правообладателями и аудиторией, превращая управление правами в централизованный и масштабируемый сервис. Платформа агрегирует и управляет миллионами единиц РИД, превращая их в интегрированный цифровой продукт, доступный глобально и круглосуточно. Функционирование Spotify невозможно без цифровой инфраструктуры, обеспечивающей: доступность в реальном времени – через потоковую передачу; персонализацию – через алгоритмы рекомендаций и аналитики поведения пользователей; монетизацию – через гибридную модель подписки и рекламы.

Похожие сервисные бизнес-модели реализации ИС получили распространение в кино и на телевидении (Netflix, «Кинопоиск»), программном обеспечении (Adobe Creative Cloud, Microsoft 365), художественной и научной литературе (Kindle Unlimited, «ЭБС Лань», «Яндекс Книги»). Следовательно, переход от разовой продажи физического носителя (товара) к непрерывному доступу и персонализации (услуга) действительно отвечает на запросы рынка и обеспечивает устойчивую монетизацию НМА.

В заключение можно сделать следующие выводы: процесс сервисизации ИС представляет собой закономерный этап в эволюции управления НМА; интеллектуальную собственность необходимо рассматривать не только как инструмент правовой защиты результатов творческой и изобретательской деятельности, но и как ключевой элемент системы сервисных цифровых бизнес-процессов; в условиях экономики знаний цифровая трансформация усиливает практическую значимость сервисизации ИС, делает ее более доступной для бизнеса, власти и науки, способствует укреплению роли ИС как ключевого ресурса опережающего инновационного развития страны.

Список источников

1. Услуга за услугу: сервисизация промышленности требует новой промышленной политики: доклад НИУ ВШЭ к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества / Ю.В. Симачев, А.А. Федюнина, Л.С. Ружанская и др. – Москва, 2022. – 178 с. ISBN 978-5-7598-2637-8.
2. Vandermerwe S. Servitization of business: Adding value by adding services / S. Vandermerwe, J. Rada // *European Management Journal*. 1988. Vol. 6. No. 4. P. 314–324. DOI 10.1016/0263-2373(88)90033-3.
3. Линц Г. Радикальное изменение бизнес-модели: Адаптация и выживание в конкурентной среде: пер. с англ. / Г. Линц, Г. Мюллер-Стивенс, А. Циммерман. – Москва: Альпина Паблишер, 2019. – 311 с. ISBN 978-5-9614-2140-8.
4. Nordwall A. The Servicification of EU manufacturing. Building Competitiveness in the Internal Market // *National Board of Trade Sweden*. 2016. P. 44. ISBN 978-91-88201-17-1.
5. Brax S.A. Explaining the servitization paradox: A configurational theory and a performance measurement framework / S.A. Brax, A. Calabrese, N.L. Ghiron et al. // *International Journal of Operations & Production Management*. 2021. Vol. 41. No. 5. P. 517–546. DOI 10.1108/IJOPM-08-2020-0535.
6. Baines T. Towards an operations strategy for product-centric servitization / T. Baines, H. Lightfoot, J. Peppard et al. // *International Journal of Operations & Production Management*. 2009. Vol. 29. No. 5. P. 494–519. DOI 10.1108/01443570910953603.
7. Донскова Л.И. Сервисизация общества как процесс и результат: российский опыт / Л.И. Донскова // *Вестник Томского государственного университета*. – 2009. – №320. – С. 45–49.
8. Платонова Н.А. Концептуальные положения сервисологии / Н.А. Платонова, О.И. Вапнярская, И.В. Бушуева // *Сервис plus*. – 2011. – №1. – С. 4–14.

9. Кондратьев В.Б. Сервитизация промышленности: новая реальность / В.Б. Кондратьев, Г.В. Кедрова, В.В. Попов // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, №8. – С. 22–30. DOI 10.20542/0131-2227-2021-65-8-22-30.
10. Gebauer H. Organizational capabilities for pay-per-use services in product-oriented companies / H. Gebauer, C.J. Saul, M. Haldimann at al. // International Journal of Production Economics. – 2017. – Vol. 192. – P. 157–168. DOI 10.1016/j.ijpe.2016.12.007.
11. Zhou W.C. Business model resilience during a crisis: subscription as a service and co-creation strategy / W.C. Zhou, L. Sun, P. Jia // Academy of Management Proceedings. 2021. Vol. 2021. No. 1. P. 13712. DOI 10.5465/AMBPP.2021.13712abstract.
12. Дубровский В.Ж. Подходы к мониторингу эффектов цифровой трансформации промышленного предприятия / В.Ж. Дубровский, Э.Р. Зинатулина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2023. – №8(478). – С. 230–239. DOI 10.47475/1994-2796-2023-478-8-230-239.
13. Гусев Ю.В. Формирование архитектуры бизнес-модели предприятий в контексте сервисизации и цифровизации экономики / Ю.В. Гусев, Т.А. Половова // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – Т. 12, №11А. – С. 34–44. DOI 10.34670/AR.2022.43.54.004.
14. Smith D.J. Power-by-the-hour: The role of technology in reshaping business strategy at Rolls-Royce // Technology analysis & strategic management. 2013. Vol. 25. No. 8. P. 987–1007. DOI 10.1080/09537325.2013.823147.
15. Avanci. URL: <https://www.avanci.com> (дата обращения 14.07.2025).
16. Московский инновационный кластер. Биржа патентов. URL: <https://i.moscow/ip> (дата обращения: 14.07.2025).
17. Spotify. Web Player: Music for everyone. URL: <https://open.spotify.com/> (дата обращения: 14.07.2025).

References

1. Simachev Yu.V., Fedyunina A.A., Ruzhanskaya and others L.S. *Usluga za uslugu: servisizaciya promyshlennosti trebuetsya novoy promyshlennoy politiki: dokl. k XXIII Yasinskoj (Aprel'skoj) mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva, Moskva, 2022.* = *Quid pro quo: the servification of industry requires a new industrial policy: Proceedings of the XXIII Yasinskaya (April) International Scientific Conference on Economic and Social Development, Moscow, 2022.* National Research University HSE. Moscow. 2022. P. 178. ISBN 978-5-7598-2637-8 (in Russ.).
2. Vandermerwe S., Rada J. Servitization of business: Adding value by adding services. *European Management Journal*. 1988. Vol. 6. No. 4. P. 314–324. DOI 10.1016/0263-2373(88)90033-3.
3. Linc G., Myuller-Stivens G., Cimmerman A. *Radikal'noe izmenenie biznes-modeli: Adaptaciya i vyzhivanie v konkurentnoj srede* = *Radical change in the business model: Adaptation and survival in a competitive environment.* Moscow. Al'pina Publisher Publ., 2019. P. 311. ISBN 978-5-9614-2140-8 (in Russ.).
4. Nordwall A. The Servicification of EU manufacturing. Building Competitiveness in the Internal Market. *National Board of Trade Sweden*. 2016. P. 44. ISBN 978-91-88201-17-1.

5. Brax S.A., Calabrese A., Ghiron N.L., Tiburzi L., Grönroos C. Explaining the servitization paradox: A configurational theory and a performance measurement framework. *International Journal of Operations & Production Management*. 2021. Vol. 41. No. 5. P. 517–546. DOI 10.1108/IJOPM-08-2020-0535.
6. Baines T., Lightfoot H., Peppard J., Johnson M., Tiwari A., Shehab E., Swink M. Towards an operations strategy for product-centric servitization. *International Journal of Operations & Production Management*. 2009. Vol. 29. No. 5. P. 494–519. DOI 10.1108/01443570910953603.
7. Donskova L.I. Servification of society as a process and result: the Russian experience. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2009. No. 320. P. 45–49 (in Russ.).
8. Platonova N.A. Vapnyarskaya O.I., Bushueva I.V. Conceptual provisions of servicology. *Servis plus = Servis plus*. 2011. No. 1. P. 4–14. (in Russ.).
9. Kondrat'ev V.B., Kedrova G.V., Popov V.V. Industrial servitization: a new reality. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World economy and international relations*. 2021. Vol. 65. No. 8. Pp. 22–30. DOI 10.20542/0131-2227-2021-65-8-22-30 (in Russ.).
10. Gebauer H., Saul C.J., Haldimann M., Gustafsson A. Organizational capabilities for pay-per-use services in product-oriented companies. *International Journal of Production Economics*. 2017. Vol. 192. P. 157–168. DOI 10.1016/j.ijpe.2016.12.007.
11. Zhou W.C., Sun L., Jia P. Business Model Resilience During a Crisis: Subscription as A Service and Co-Creation Strategy. *Academy of Management Proceedings*. 2021. Vol. 2021. No. 1. P. 13712. DOI 10.5465/AMBPP.2021.13712abstract.
12. Dubrovskij V.Zh., Zinatullina E.R. Approaches to monitoring the effects of digital transformation of an industrial enterprise. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2023. No. 8 (478). P. 230–239. DOI 10.47475/1994-2796-2023-478-8-230-239 (in Russ.).
13. Gusev Yu.V., Polovova T.A. Formation of the architecture of the business model of enterprises in the context of the servicization and digitalization of the economy. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra = Economics: yesterday, today, tomorrow*. 2022. Vol. 12. No. 11A. P. 34–44. DOI 10.34670/AR.2022.43.54.004. (in Russ.).
14. Smith D.J. Power-by-the-hour: The role of technology in reshaping business strategy at Rolls-Royce. *Technology analysis & strategic management*. 2013. Vol. 25. No. 8. P. 987–1007. DOI 10.1080/09537325.2013.823147.
15. Avanci. URL: <https://www.avanci.com> (date of access: 21.08.2025).
16. Moskovskij innovacionnyj klaster. Birzha patentov = Moscow Innovation Cluster. Patent exchange. URL: <https://i.moscow/ip> (date of access: 21.08. 2025) (in Russ.).
17. Spotify. Web Player: Music for everyone. URL: <https://open.spotify.com/> (date of access: 21.08.2025).

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Научная статья

УДК 332.02

Реализация монгольских мегапроектов в контексте развития форпостов межцивилизационного взаимодействия России и Монголии

**Олег Владимирович Аксенов¹,
Александр Сергеевич Железняков²**

^{1,2}Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН), Москва, Россия

¹Младший научный сотрудник Сектора монгольских исследований

<https://orcid.org/0009-0007-4396-2081>

SPIN: 6603-3799, AuthorID: 1304179

aksenov@iccaras.ru

²Главный научный сотрудник, руководитель Сектора монгольских исследований,

Главный научный сотрудник, руководитель Центра цивилизационных и сравнительных политических исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИС ФНИСЦ РАН)

Доктор политических наук

<https://orcid.org/0000-0002-6477-6161>

SPIN: 7856-7694, AuthorID: 72929

zhelezniakov@iccaras.ru

Аннотация. Статья посвящена начатой в 2025 г. реализации мегапроектов в Монголии – ряда крупных инфраструктурных объектов, ориентированных на развитие обрабатывающей промышленности, повышение

экспортных доходов и обеспечение энергетической независимости страны.

Представляется, что часть из них окажет влияние на содержание социально-экономического сотрудничества Монголии с Россией в регионе трансграничья, что позволит придать импульс взаимодействию этих стран на всем пространстве межцивилизационных форпостов.

Ключевые слова: мегапроекты, инфраструктура, инфраструктурный объект, Монголия, Россия, приграничное сотрудничество, трансгранижье, форпосты межцивилизационного взаимодействия.

Для цитирования: Аксенов О.В. Реализация монгольских мегапроектов в контексте развития форпостов межцивилизационного взаимодействия России и Монголии / О.В. Аксенов, А.С. Железняков // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2025. – №4. – С. 79–86.

Original article

The implementation of Mongolian mega-projects in the context of the development of outposts of intercivilizational interaction between Russia and Mongolia

**Oleg V. Aksenov¹,
Aleksander S. Zhelezniakov²**

^{1,2}Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

¹Junior Research Fellow at the Mongolian Studies Sector

<https://orcid.org/0009-0007-4396-2081>

SPIN: 6603-3799, AuthorID: 1304179

aksenov@iccaras.ru

²Head – Chief Research Fellow at the Mongolian Studies Sector,

Head – Chief Research Fellow at the Center for Civilizational and Comparative
Political Studies of Institute of Sociology of FCTAS RAS

Doctor of Science (Political Science)

<https://orcid.org/0000-0002-6477-6161>

SPIN: 7856-7694, AuthorID: 72929

zhelezniakov@iccaras.ru

Abstract. The article is devoted to the implementation of mega-projects in Mongolia, which started in 2025. These are large infrastructure facilities being built to develop the manufacturing industry, increase export revenues, and ensure the country's energy independence. It appears that some of them will have an impact on the content of Mongolia's socio-economic cooperation with Russia in the transboundary land, and that will give impetus to the intercivilizational interaction between Russia and Mongolia within the intercivilizational outposts.

Key words: mega-projects, infrastructure, infrastructure facility, Mongolia, Russia, cross-border cooperation, transboundary land, outposts of intercivilizational interaction.

For citation: Aksyonov O.V., Zheleznyakov A.S. Implementation of Mongolian megaprojects in the context of the development of outposts of intercivilizational interaction between Russia and Mongolia // Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2025. No. 4. P. 79–86.

Под мегапроектом в литературе понимается [1] группа инвестиционных проектов, имеющих общую цель, единое финансирование и сроки. Основными характеристиками мегапроектов (прежде всего, для крупных стран) являются высокая стоимость (порядка \$1 млрд), реализация рядом компаний, привлечение миллионов человек, длительность строительства (более пяти лет), участие иностранных инвесторов и подрядчиков, региональное местоположение (что влечет необходимость подведения дополнительной инфраструктуры), развитие сопредельных отраслей и итоговое качественное изменение социально-экономической ситуации в стране.

В статье рассмотрена реализация монгольских мегапроектов, которые могут не только оказать влияние на содержание российско-монгольского приграничного сотрудничества, но и в случае положительного исхода дать импульс социально-экономическому развитию сопредельных субъектов РФ – республик Бурятия, Тыва, Алтай и Забайкальского края, которые одновременно являются форпостами взаимодействия российской и монгольской цивилизаций [2]. Жители этих регионов имеют полицивилизационную идентичность: исторически они играли важнейшую роль в качестве «ворот» России в Восточную Азию не только в экономическом, но и в цивилизационном, культурном плане. Общность исторической судьбы и быта, этнокультурное и конфессиональное родство с русской и монгольской цивилизациями имеет смысл воспринимать в качестве определенного стимула для регионального экономического сотрудничества и межкультурного взаимодействия.

Как отмечают российские исследователи, вышеупомянутые регионы, даже с учетом существующих ограничений [3; 4], обладают большим потенциалом [5] при реализации крупных трансграничных проектов, особенно в транспортной (экономический коридор «Китай – Монголия – Россия») и туристической (маршрут «Великий чайный путь») сферах. Представляется, что осуществление монгольских мегапроектов усилит позиции Монголии в рамках трансграничного взаимодействия, что способно повысить взаимную экономическую интегрированность стран.

На основании анализа Программы деятельности правительства Монголии на 2024–2028 гг.¹ можно сделать вывод, что мегапроектами здесь называют строительство объектов транспортной, энергетической и промышленной инфраструктуры с привлечением значительных иностранных инвестиций и направленных на обеспечение энергетической независимости страны, развитие обрабатывающей промышленности и увеличение экспортных доходов (за счет реализации продукции с добавленной стоимостью). Согласно доку-

¹ Программа деятельности правительства Монголии на 2024–2028 гг. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=17141368388631&showType=1> (дата обращения: 01.11.2025).

менту, в обозначенный период на территории большинства аймаков (административно-территориальных объединений) планируется реализовать или начать реализовывать 14 мегапроектов: в Кобдоском – ГЭС «Эрдэнэбурэн», в Булганском – ГЭС «Эгийн гол», в Орхонском – комплекс по переработке меди, в Дархан-Уульском – комплекс по производству стали, в Восточном и Сухэ-Баторском – железную дорогу Чойбалсан – Бичигт, в Хэнтийском, Гоби-Сумбэрском, Восточногобийском, Убурхангайском, Среднегобийском и Южногобийском – водопроводы Орхон – Онги и Хэрлэн – Тооно, в Восточногобийском – НПЗ и совместный монголо-французский проект по добыче урана, в Южногобийском – ТЭЦ «Тавантолгой», трансграничные железные дороги Гашуунсухайт – Ганцмод, Ханги – Мандал и Шивээхурэн – Сэхэ, аффинажный завод и комплекс по переработке угля, в нескольких аймаках – строительство солнечных и ветряных электростанций (далее – СЭС и ВЭС). Также намечен запуск первого национального искусственного спутника.

По расчетам властей^{2,3}, в результате реализации мегапроектов экспортные доходы вырастут в два раза, транспортные расходы сократятся наполовину, Монголия укрепит свои позиции как транзитной страны между Европой и Азией, сталелитейная и металлургическая промышленность будет обеспечена сырьем и сможет производить стратегическую продукцию, внутренние потребности Монголии в топливе будут покрыты на 50–60%, сформируется новая нефтехимическая отрасль, стабилизируется энергообеспечение горнодобывающей промышленности и страна станет ежегодно экономить до \$50 млн за счет прекращения энергетического импорта. Кроме того, в 2028 г. повысятся многие макроэкономические показатели Монголии и она займет более высокие места в международных рейтингах. Так, ВВП на душу населения вырастет более чем на 50% и достигнет \$10 000, уровень экономического роста составит 6–6,5% (мегапроекты обеспечат половину роста), инфляция упадет до 5%, уровень бедности снизится в два раза. Страна поднимется на 10–30 позиций в мировых индексах человеческого развития, экономической свободы, инноваций, качества государственного управления, восприятия коррупции и вклада в глобальное благосостояние, а также сохранит «стабильный» прогноз в кредитных рейтингах. Предполагается, что доля частного сектора в ВВП достигнет 80%, появятся 15 000 новых рабочих мест, начнется строительство 3 200 км железных дорог и на 50 млрд кубометров пополнятся запасы пресной воды. Также будут подготовлены национальные узкоспециализированные кадры, увеличатся внутренние (на \$2,4 млрд) и внешние (на \$6,1 млрд) инвестиции и Монголия обретет энергетическую независимость.

В связи с рядом рисков, связанных со строительством инфраструктурных объектов, было принято решение разделить мегапроекты на три группы по таким критериям, как воздействие на макроэкономику и социальное развитие, ситуация с финансированием и степень готовности. Проекты первой группы были запущены в первой половине 2025 г., объекты второй группы планируется начать возводить в ближайшем будущем, а остальные находятся на стадии исследования и проведения подготовительных работ.

² Правительство Монголии: официальный сайт. URL: <https://mongolia.gov.mn/news/view/27188> (дата обращения: 02.11.2025).

³ Министерство экономики и развития Монголии: официальный сайт. URL: <https://med.gov.mn/mega-projects> (дата обращения: 02.11.2025).

Строительство трансграничных железных дорог Гашуунсухайт – Ганцмод, Ханги – Мандал и Шивээхурэн – Сэхэ вошло в **первую группу** мегапроектов по завершению строительства железнодорожной сети, по которой монгольский уголь поставляется с крупнейших групп месторождений Тавантолгой и Нарийнсухайт (подтвержденные запасы более 8 млрд т и 1 млрд т соответственно, четверть всех запасов угля страны)⁴ на китайские сталелитейные заводы в Автономном районе Внутренняя Монголия. Данный мегапроект входит в состав китайско-монгольского трехкомпонентного межправительственного соглашения (подписано в феврале 2025 г.). Возведение железнодорожного перехода между пунктами пропуска Гашуунсухайт (Монголия) и Ганцмод (Китай) началось в мае 2025 г., планируемый срок завершения – март 2027 г. Стоимость строительства (\$280 млн) покрывает монгольская крупнейшая государственная горнодобывающая компания «Эрдэнэс Монгол», основным исполнителем выступает China Energy, непосредственно работы ведет другая китайская государственная компания China Railway Construction Corporation. Что касается возведения железнодорожных переходов Шивээхурэн – Сэхэ и Ханги – Мандал, то здесь ведутся подготовительные работы правового и технического характера.

Совместный монголо-французский урановый проект был запущен в январе 2025 г., когда правительство Монголии и французская государственная компания Orano Mining S.A.S. подписали инвестиционное соглашение по добыче урана на группе месторождений в Восточногобийском аймаке. Реализацией проекта занимается совместная монголо-французская (34% акций владеет монгольская государственная компания «Мон-Атом», 66% – Orano mining) компания «Бадрах Энержи»: в течение четырех лет планируется построить необходимую промышленную, энергетическую и транспортную инфраструктуру для эксплуатации урановых рудников с конца 2028 г. Кроме того, в 2028–2030 гг. намечено возведение завода по производству серной кислоты, которую будут использовать при добыче желтого кека из урановой руды методом подземного выщелачивания. В год собираются извлекать 2 500 т урана, всего – около 70 000 т. Соглашение заключено сроком на 20 лет (с возможностью пролонгации), при этом общий срок строительства оценивается в 30–33 года. Все инвестиции будет осуществлять французская компания, тогда как правительство Монголии вместо имеющихся 34% акций «Бадрах Энержи» получит 10% привилегированных акций (т.е. дивиденды по ним), налоги на добычу полезных ископаемых, прибыль, добавленную стоимость и таможенные пошлины, а также 10% добываемого урана – всего же в бюджет страны должно поступить 51% проектной прибыли⁵. Транспортировать добытое сырье во Францию планируется транзитом через Китай, который будет покупать определенную долю. На данный момент на объекте ведутся радиационный мониторинг, геологоразведочные работы и бурение скважин.

В 2019 г. началось строительство *НПЗ* в Восточногобийском аймаке; на данный момент возводятся объекты глубокой переработки и сопутствующей промышленной и транспортной инфраструктуры. Генеральным подряд-

⁴ Данные Управления полезных ископаемых и нефти Монголии. URL: <https://mrpam.gov.mn/news/1749> (дата обращения: 04.11.2025).

⁵ Заявление исполнительного директора КОО «Мон-Атом» Д. Далайжаргала. URL: <https://ikon.mn/opinion/3dct> (дата обращения: 05.11.2025).

чиком является индийская компания Megha Engineering & Infrastructures. Сырье на НПЗ будет поступать по нефтепроводу длиной 530 км, который строит зарубежное подразделение китайской государственной многопрофильной компании Norinco Group (в августе 2025 г. завершено 86% работ). Финансирование проекта осуществляет правительство Республики Индия, предоставившее Монголии кредит с общим сроком погашения до 2045 г. Завод планируется ввести в эксплуатацию в 2027–2028 гг., с выходом на полную мощность он должен перерабатывать 1,5 млн т сырой нефти в год.

К группе начатых мегапроектов относится строительство ГЭС «Эрдэнэбүрэн» мощностью 90 МВт в Кобдоском аймаке. Работы планируется завершить в 2029 г. Финансирование – за счет льготного кредита правительства Китая, генеральным подрядчиком является одна из крупнейших китайских государственных компаний Power Construction Corporation of China. С вводом ГЭС в эксплуатацию планируется не только сформировать запасы пресной воды в размере 1,14 млрд м³ и генерировать 366 млн киловатт-часов в год, но и полностью обеспечивать электроэнергией западный регион Монголии.

Вторая группа мегапроектов в основном представлена предприятиями обрабатывающей промышленности. К ним относится строительство ТЭЦ Тавантолгой мощностью 450 МВт в Южнообийском аймаке. На первом этапе, в 2025–2028 гг., собираются возвести два блока по 150 МВт, которые с началом эксплуатации должны генерировать 1,88 млрд киловатт-часов. ТЭЦ будет обеспечивать электроэнергией два ключевых месторождения Монголии: угольное Тавантолгой и медно-золоторудное Оюу Толгой. Стоимость строительства предполагается покрыть за счет иностранного кредита (\$400 млн) и собственных средств АО «Эрдэнэс Тавантолгой» (\$200 млн).

Следующие три мегапроекта являются частью создаваемой на основе государственно-частного партнерства (со стороны государства будет участвовать КОО «Эрдэнэс Монгол») системы индустриально-технологических парков Монголии с целью формирования нового фундамента металлургической промышленности страны. *Строительство коксохимического и угольно-химического комплексов* позволит производить каменноугольный кокс, коксовый газ и различную химическую продукцию, что должно обеспечить как внутренние потребности, так и экспортную прибыль⁶. Общая стоимость проекта составляет \$630–770 млн. Ввод комплексов в эксплуатацию намечен на 2027–2030 гг. (угольно-химический) и 2032 г. (коксохимический). Создание *комплекса по производству стали* (расширение промышленного производства высоких переделов черной металлургии на базе Дарханского металлургического завода) не только позволит Монголии, по расчетам правительства, ежегодно выпускать 1,2 млн т стальных изделий и чугуна и полностью обеспечивать внутренние потребности, но и превратит Дарханский завод в металлургический комбинат полного цикла. Общая стоимость проекта составляет \$655–700 млн. Завершение строительства намечено на 2029 г. Возведение *комплекса по переработке меди* (полноценное превращение ГОК «Эрдэнэт» в промышленное производство высоких переделов цветной металлургии) позволит Монголии перерабатывать 560 000 т медного концентрата в год

⁶ КОО «Индустриально-технологический парк Эрдэнэс»: официальный сайт. URL: <https://erdenesitp.mn/?cat=75> (дата обращения: 08.11.2025).

и производить 125 000 т катодной меди, 182 000 т элементарной серы, золотые и серебряные слитки и другую медную продукцию. Общая стоимость проекта составит до \$1 млрд. Ввод в эксплуатацию намечен на 2028 г.

Еще одним мегапроектом второй группы является строительство *аффинажного завода*, на котором предполагается перерабатывать 70% добываемого в стране золота и изготавливать золотые и серебряные слитки высшей пробы. Срок начала и окончания строительства на данный момент не определены.

Следующие пять мегапроектов относятся к **третьей группе** и находятся на стадии исследования и проведения подготовительных работ.

Строительство ГЭС «*Эгийн гол*» мощностью 310 МВт и стоимостью \$1 млрд намечено на 2025–2032 гг., при этом в 2025–2028 гг. запланировано утверждение ТЭО, выполнение различных исследований и поиск источников финансирования. На данный момент проводится совместная российско-монгольская экспертиза экологических последствий, результаты которой будут представлены в 2026 г. Объект собираются возвести в районе слияния реки Эг с рекой Селенга, впадающей в озеро Байкал. По предварительным оценкам⁷, реализация проекта обеспечит Монголию запасами пресной воды в размере 5,7 млрд м³, 606 млн киловатт-часов в год и позволит сэкономить \$40–50 млн за счет отказа от импорта российской электроэнергетики.

Целью сооружения *водопроводов Орхон – Онги и Хэрлэн – Тооно* является стабильное обеспечение водой горнодобывающих и промышленных объектов в Южногобийском и Восточногобийском аймаках Монголии. Общая стоимость строительства составляет \$750–800 млн, срок завершения – 2032 г.

В рамках мегапроекта по строительству *солнечных и ветряных электростанций* в 2027–2028 гг. собираются возвести ряд СЭС и ВЭС общей мощностью 500 МВт, способных ежегодно генерировать 1,4 млрд киловатт-часов.

Запуск *национального искусственного спутника* на геостационарную орбиту намечен на 2027 г. – целью мегапроекта является не только покрытие всей территории Монголии надежной интернет-связью, но и непрерывный мониторинг качества воздуха и профилактика природных бедствий.

Что касается строительства ширококолейной (1 520 мм) *железнодорожной дороги Чойбалсан – Бичигт* (длина 415 км, планируемый объем грузоперевозок 12–15 млн т в год), то на данный момент сроки начала и окончания реализации этого мегапроекта не определены. Предполагается, что дорога увеличит транзитный и экспортный потенциал страны и улучшит доступ к близлежащим месторождениям ископаемых, а также поможет создать экономический коридор «Китай – Монголия – Россия».

По результатам приведенного анализа можно сделать следующие выводы.

Во-первых, степень вовлеченности иностранных компаний (особенно китайских государственных) ставит вопрос об уровне правительственного контроля над данными инфраструктурными объектами. Во-вторых, неопределенность с финансированием и отсутствие конкретного графика реализации ряда проектов сдвигает сроки их осуществления на неопределенное будущее. В-третьих, значительную часть финансирования мегапроектов планируется осуществить за счет иностранных (китайских, индийских, французских) кре-

⁷ Выступление министра экономики и развития Монголии Н. Учрала. URL: <https://itoim.mn/a/2025/07/07/government/mtv?d41d8cd98f00b204e9800998ecf8427e> (дата обращения: 10.11.2025).

дитов, что не только увеличивает сроки их окупаемости, но и усиливает зависимость Монголии от иностранного капитала. Вместе с тем следует ожидать, что ряд объектов (особенно ГЭС «Эрдэнэбурэн», ГЭС «Эгийн гол» и железная дорога Чойбалсан – Бичигт) окажет влияние на транспортно-энергетическое сотрудничество России и Монголии, а также социально-экономическое и междивизиационное развитие российско-монгольского трансграничья.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Волошина А.Ю. Реализация мегапроектов как фактор ускорения регионального развития / А.Ю. Волошина // Вестник ВолГУ. Сер. 3. Экономика, Экология. – 2010. – №2 (17). – С. 15–16.
2. Железняков А.С. Роль буддизма в развитии общих форпостов русской и монгольской цивилизации / А.С. Железняков, С.В. Никифоров // *Oriental Studies*. – 2024. – Т. 17, №5. – С. 1024.
3. Лузянин С.Г. Субрегиональная система «Россия – Монголия – Китай»: транспортные и культурно-цивилизационные измерения / С.Г. Лузянин, Б.Х. Кушхов // *Монголоведение*. – 2024. – Т. 16, №3. – С. 451.
4. Дондоков З.Б.-Д. Экономический коридор Китай – Монголия – Россия: проблемы и перспективы регионального и приграничного сотрудничества / З.Б.-Д. Дондоков // *Фундаментальные исследования*. – 2024. – №10. – С. 17–18.
5. Бадараев Д.Д. Российско-монгольское трансграничье: структурные и этнокультурные особенности социальных изменений: монография / отв. ред. З.Т. Голенкова. – Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 2025. – С. 310–320.

References

1. Voloshina A.YU. Megaprojects realization as a factor of regional development speed-up. *Vestnik VolGU. Seriya 3 (Ekonomika, Ekologiya) = Bulletin of Volgograd State University. Ser. 3 (Economy, Ecology)*. 2010. No. 2 (17). P. 15, 16 (in Russ.).
2. Zheleznyakov A.S., Nikiforov S.V. A Role of Buddhism in the Shaping of Common Outposts for Russian and Mongolian Civilizations. *Oriental Studies*. 2024. No. 17(5). P. 1024 (in Russ.).
3. Luzyanin S.G., Kushkhov B.H. Subregional system «Russia – Mongolia – China»: Transport and Cultural-Civilizational Dimensions. *Mongolovedeniye = Mongolian Studies*. 2024. T. 16. No. 3. P. 451 (in Russ.).
4. Dondokov Z.B.-D. China – Mongolia – Russia Economic Corridor: Problems and Prospects of Regional and Cross-Border Cooperation. *Fundamental'nyye issledovaniya = Fundamental Studies*. 2024. No. 10. P. 17–18 (in Russ.).
5. Badaraev D.D. Rossijsko-mongol'skoe transgranich'e: strukturnye i etnokul'turnye osobennosti social'nyh izmenenij: monogr. = Russian and Mongolian Borderland: structural and ethnocultural features of social changes: monography / executive ed. Z.T.Golenkova. – Ulan-Ude: Publishing house of IMBTS SB RAS, 2025. P. 310–320 (in Russ.).

ОХРАНА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Научная статья

УДК 347.77

Музейный секрет производства: проблемы правовой охраны и распоряжения исключительным правом

Геннадий Борисович Золотов

Российская государственная академия интеллектуальной собственности
Москва, Россия

аспирант, преподаватель кафедры Управления инновациями
и коммерциализации интеллектуальной собственности

<https://orcid.org/0000-0003-3560-5467>

zolotov1753@yandex.ru

Аннотация. Актуальность заявленной темы обусловлена увеличением количества судебных дел в отношении секретов производства. Сложность рассмотрения данной категории дел связана с вопросами определения коммерческой ценности сведений, их общедоступности и известности, а также мерами, которые предпринимает правообладатель для сохранения их конфиденциальности. Немаловажно отметить и прирост количества договоров коммерческой концессии, в рамках которых правообладатели предоставляют право использования ноу-хау, при этом известны случаи, когда в судебном порядке сведения были признаны как не соответствующие правовому режиму охраны в качестве секрета производства. Поэтому предметом статьи является исследование проблем правовой охраны ноу-хау в музейной сфере, а также проблем, возникающих при

коммерциализации исключительных прав на данный результат интеллектуальной деятельности, характерных для государств – участников Евразийской патентной конвенции.

Ключевые слова: исключительное право, коммерциализация прав, секрет производства (ноу-хау), музей, музейные предметы и музейные коллекции, Музейный фонд РФ.

Финансирование: Статья выполнена в рамках НИР «Разработка кодекса промышленной собственности и нетипичных объектов интеллектуальных прав для государств-партнеров, членов Евразийской патентной организации» (10-ГЗ-2025).

Для цитирования: Золотов Г.Б. Музейный секрет производства: проблемы правовой охраны и распоряжения исключительным правом / Г.Б. Золотов // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2025. – № 4. – С. 87–92.

Original article

Museum production secret: problems of legal protection and disposal of the exclusive right

Gennadiy B. Zolotov

Russian State Academy of Intellectual Property Moscow, Russia
postgraduate student, lecturer of Innovation Management
and Intellectual Property Commercialization Department
<https://orcid.org/0000-0003-3560-5467>
zolotov1753@yandex.ru

Abstract. The relevance of the stated topic is primarily related to the increase in the number of court cases related to the secrecy of production. The complexity of considering this category of cases is related to the issues of determining the commercial value of information, its general availability and fame, as well as the measures taken by the copyright holder to preserve their confidentiality. It is also important to note the increase in the number of commercial concession agreements under which copyright holders grant the right to use know-how, while there are cases where information has been found in court to be inconsistent with the legal regime of protection as a production secret. Therefore, the subject of article is the study of the problems of legal protection of know-how in the museum sector, as well as problems arising from the commercialization of exclusive rights to this result of intellectual activity, characteristic of the member states of the Eurasian Patent Convention.

Key words: exclusive right, commercialization of rights, secret of production (know-how), museum, museum objects and museum collections, Museum Fund of the Russian Federation.

Funding: The article was carried out within the framework of research work «Development of a code of industrial property and atypical objects of intellectual rights for partner States, members of the Eurasian Patent Organization» (10-GZ-2025).

For citation: For citation: Zolotov G.B. Museum production secret: problems of legal protection and disposal of the exclusive right // Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2025. No. 4. P. 87–92.

За последние несколько лет наметился рост интереса со стороны хозяйствующих субъектов к заключению договоров коммерческой концессии. Так, за последние 5 лет прирост составил более 70% – с 4 833 договоров за 2020 г. до 8 228 договоров в 2024-м [1]. При этом в комплекс исключительных прав включается не только право на товарный знак, являющийся неотъемлемой частью сделки, но и иные права на результаты интеллектуальной деятельности (далее – РИД) и средства индивидуализации, распоряжение правами на которые не запрещены законом [2].

По мнению автора, секрет производства может выступать наиболее оптимальным РИД, в котором правообладатель способен отразить производственные, организационные и иные сведения, что позволяет пользователям по договору коммерческой концессии эффективно начать предпринимательскую деятельность, минимизируя риски. Право на ноу-хау может быть представлено для использования и по лицензионному договору.

Однако анализ правоприменительной практики¹ показывает, что пользователи не всегда понимают содержание ноу-хау и получают коммерческий эффект. Немаловажно отметить, что наличие у сведений действительной или потенциальной коммерческой ценности является одним из признаков правового режима охраны ноу-хау [3].

Обратим внимание на то, что в словарях или иных источниках информации нет определений понятий «действительная коммерческая ценность» или «потенциальная коммерческая ценность». Анализ словарей позволил выработать следующее понимание:

- действительный – существующий на самом деле, настоящий, подлинный²;
- потенциальный – возможный, скрытый, непроявляющийся; обладающий достаточной силой для проявления каких-либо действий³;
- коммерческий – торговый⁴;
- ценность – 1) выраженная в деньгах стоимость чего-нибудь, цена; 2) важность, значение⁵.

Таким образом, можно сформулировать определения коммерческой ценности следующим образом:

– под **действительной коммерческой ценностью** понимается имеющаяся ценность информации (сведений), которая способствует улучшению технико-экономических показателей хозяйственной деятельности (например, способность приносить доход, снижать издержки);

– под **потенциальной коммерческой ценностью** понимается возможная ценность информации (сведений), которая теоретически подтверждена

¹ См., например, дела №А67-10499/2021, А03-19611/2024, А70-20248/2024.

² Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под ред. Л.И. Скворцова; 26-е изд., испр. и доп. Москва: Оникс [и др.], 2009.

³ Словарь иностранных слов / Н.Г. Комлев. Москва: Эксмо, 2006 (Тверь).

⁴ Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: Материалы для лексической разработки заимствованных слов в рус. лит. речи / под ред. А.Н. Чудинова. Санкт-Петербург: В.И. Губинский, 1894.

⁵ Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. Москва: Аделант, 2014.

улучшением в будущем технико-экономических показателей хозяйственной деятельности.

Конечная ценность информации подкрепляется и иными признаками, в частности, отсутствием свободного доступа у третьих лиц к содержанию ноу-хау.

Также важно обозначить, что секрет производства – это комплексные сведения, они могут быть любого характера и относиться к РИД в научно-технической сфере или способам осуществления хозяйственной и профессиональной деятельности [4]. Законом не закреплен критерий «комплексности» или системности, полноты сведений, однако, по мнению автора, это является важным аспектом при исследовании вопросов, связанных с установлением признаков ноу-хау. Так, под комплексным характером сведений следует понимать такой характер, где целостность и взаимосвязь разных видов и типов информации создает дополнительную ценность от их обладания. Данная информация может охватывать одну область деятельности (например, организационные сведения о способах осуществления хозяйственной деятельности), а может – различные блоки деятельности (например, организационные и производственные сведения, маркетинговый и правовой блоки и др.).

При исследовании ноу-хау для производства судебных экспертиз возникают сложные вопросы, связанные с определением отдельных признаков ноу-хау, а также коммерциализацией прав на него. В частности, к проблемным вопросам можно отнести такие: можно ли назвать сведения секретом производства, если часть сведений находится в свободном доступе; являются ли сведения секретом производства, если часть сведений содержит информацию, противоречащую нормативным правовым актам; являются ли сведения коммерчески ценными (как один из признаков ноу-хау), если сведения содержат орфографические ошибки, нецензурную лексику?

На текущий момент анализ правоприменительной практики не позволяет дать однозначные ответы на указанные и другие вопросы. В свою очередь отметим, что в ситуации, когда часть сведений является открытой, т.е. доступ к ней имеется и у третьих лиц, это не обесценивает иную часть сведений при их соответствии всем признакам ноу-хау.

Иначе складывается ситуация, когда сведения содержат информацию, которая противоречит законодательным актам: использование таких сведений в хозяйственной деятельности может привести к неблагоприятным последствиям, поэтому однозначно такие сведения не обладают коммерческой ценностью и, как следствие, не являются секретом производства.

Наиболее сложным для анализа является обстоятельство, когда сведения на первый взгляд обладают ценностью, но форма их изложения не соответствует общепринятым и установленным законами стандартам. Однозначно ответить на данный вопрос позволяют Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 №53-ФЗ⁶ и Федеральный закон от 24.06.2025 №168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁷, который вступит в действие с 1 марта

⁶ Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 №53-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 06.06.2005. №23. Ст. 2199.

⁷ Федеральный закон от 24.06.2025 №168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 30.06.2025. №26 (ч. 1). Ст. 3498.

2026 г. То есть коммерческая ценность информации определяется не только ее содержанием, но и формой изложения, поэтому интеллектуальная деятельность по формированию секрета производства должна базироваться не только на положениях ГК РФ, но и нормах других законодательных актов.

Говоря о деятельности государственных музейных учреждений, обратим внимание, что каких-либо законодательных запретов на предоставление права использования секрета производства по лицензионному договору или договору коммерческой концессии нет. Между тем установить, заключаются ли подобные сделки в Российской Федерации или иных странах – участницах Евразийской патентной конвенции, в настоящий момент не представляется возможным, что связано со спецификой секрета производства, правовая охрана которого возникает в момент создания сведений и установления режима конфиденциальности или режима коммерческой тайны.

Думается, сфера деятельности музеев может охватывать следующие сведения:

- описание процессов приема и хранения культурных ценностей, отнесения их к музейным предметам или музейным коллекциям;
- методики оценки состояния культурных ценностей;
- практики и технологии реставрации и консервации музейных предметов и музейных коллекций;
- система обеспечения безопасности и защиты музейных предметов и коллекций и информации о них;
- информация о частных владельцах произведений искусства, не входящих в государственную часть Музейного фонда РФ;
- финансовые данные и методики определения размеров вознаграждений за предоставление третьим лицам права воспроизведения изображений музейных предметов и коллекций [5];
- информация о специальном оборудовании и инструментах, применяемых в рамках музейной деятельности.

Комплексный характер данной информации позволяет признать данные сведения секретом производства, право на который может быть предоставлено иным музеям для внедрения в своей деятельности.

Итак, секрет производства – универсальный механизм охраны тех сведений, которые могут не относиться к другим правовым режимам в сфере интеллектуальной собственности и к которым не должно быть доступа у третьих лиц, при этом обладание данными сведениями может и способно приносить дополнительные выгоды. Вместе с тем недостаточное правовое регулирование и невыработанность подходов в правоприменительной практике не позволяют точно выявлять несоответствие сведений тем или иным признакам, установленным требованиями закона к режиму ноу-хау. Предложенные авторские определения действительной и потенциальной коммерческой ценности, а также рассмотрение сведений с точки зрения их полноты и системности позволят объективнее устанавливать признаки секрета производства в каждом отдельном случае при возникновении споров между сторонами лицензионного договора или договора коммерческой концессии. Также предложена возможность охраны организационных, производственных и иных сведений в качестве ноу-хау музеями, что может стать дополнительным источником дохода при коммерциализации исключительных прав.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Годовой отчет Федеральной службы по интеллектуальной собственности за 2024 г. / под редакцией к.пед.н. Ю.С. Зубова, д.э.н. О.П. Неретина. – Москва: ФИПС, 2025. – 196 с.
2. Чернявский А.Г. Правовая защита интеллектуальной собственности: учеб.-метод. пособие / А.Г. Чернявский, С.В. Воронцова. – Москва: Русайнс, 2021. – 116 с.
3. Смирнова В.Р. Ноу-хау как ресурс для импортозамещения в Российской Федерации / В.Р. Смирнова, Г.Б. Золотов // IP: теория и практика. – 2024. – №3. – С. 61–68.
4. Аширбакиев Р.М. Правовой режим секрета производства (ноу-хау) в Российской Федерации / Р.М. Аширбакиев // Вопросы российской юстиции. – 2024. – №32. – С. 93–99.
5. Золотов Г.Б. Теория и практика использования изображений музейных предметов и музейных коллекций / Г.Б. Золотов // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности (шифр МКВСС): сб. материалов XXXIII Международной науч.-практ. конф., Москва, 14 февраля 2025 г. – Москва: АНО ДПО «Центр развития образования и науки», 2025. – С. 40–43.

References

1. The Annual report of the Federal Service for Intellectual Property for 2024 / ed. by Y.S. Zubov, O.P. Neretin. – Moscow: FIPS Publ., 2025. P. 196 (in Russ.).
2. Chernyavsky A.G., Vorontsova S.V. *Pravovaya zashchita intellektual'noy sobstvennosti = Legal protection of intellectual property: An educational and methodical manual*. Moscow: Rusajns Publ., 2021. P. 116 (in Russ.).
3. Smirnova V.R., Zolotov G.B. Know-how as a resource for import substitution in the Russian Federation. *IP: teoriya i praktika = IP: theory and practice*. 2024. No. 3. P. 61–68 (in Russ.).
4. Ashirbakiev R.M. The legal regime of the secret of production (know-how) in the Russian Federation. *Voprosy rossijskoj yusticii = Issues of Russian justice*. 2024. No. 32. P. 93–99 (in Russ.).
5. Zolotov G.B. Theory and practice of using images of museum objects and museum collections. *Vyzovy sovremennosti i strategii razvitiya obshchestva v usloviyah novoj real'nosti (shifr MKVSS): Sbornik materialov XXXIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii = Modern Challenges and strategies for the development of society in a new reality (cipher ICVCC): Proceedings of the XXXIII International Scientific and Practical Conference*, Moscow, February 14, 2025. – Moscow: ANO DPO «Center for the Development of Education and Science». 2025. P. 40–43 (in Russ.).

ОХРАНА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Научная статья

УДК 347.77

Искусственный интеллект и спортивная символика: актуальные подходы к охране интеллектуальной собственности

Сергей Герасимович Павликов

Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
заведующий кафедрой Патентного права и правовой охраны
средств индивидуализации

Доктор юридических наук, профессор
89152499929@mail.ru

Аннотация. Аргументировано суждение о том, что искусственный интеллект пока не является потенциальным «творцом» и «самодостаточным индивидом». Одновременно автор отмечает неизученность в научной литературе спортивной символики – уникального результата интеллектуальной деятельности. В контексте попытки градации актуальности объектов соответствующих научных исследований подчеркивается, что спортивная символика является в цивилистике мало исследованным феноменом и констатировать наличие механизма ее гражданско-правового регулирования можно с достаточной степенью условности.

Ключевые слова: актуальность, охрана, защита, интеллектуальная собственность, искусственный интеллект, спортивная символика, результат интеллектуальной деятельности, средство индивидуализации, право, исключительное право, объект, термин, понятие.

Для цитирования: Павликов С.Г. Искусственный интеллект и спортивная символика: актуальные подходы к охране интеллектуальной собственности / С.Г. Павликов // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2025. – № 4. – С. 93–100.

Original article

Artificial intelligence and sports symbols: current approaches to the protection of intellectual property

Sergey G. Pavlikov

Russian State Academy of Intellectual Property

Moscow, Russia

Head of the Department of Patent Law and Legal Protection of Means
of Individualization Doctor of Law, Professor

s.pavlikov@rgiis.ru

Abstract. It is argued that artificial intelligence is not yet a potential «creator» and «self-sufficient individual.» At the same time, the author notes the lack of study in the scientific literature of sports symbols, a unique result of intellectual activity. In the context of an attempt to gradate the relevance of the objects of relevant scientific research, it is emphasized that sports symbols are a little-studied phenomenon in civil law and it is possible to state the existence of a mechanism for its civil law regulation with a sufficient degree of conditionality.

Key words: relevance, protection, protection, intellectual property, artificial intelligence, sports symbols, result of intellectual activity, means of individualization, law, exclusive right, object, term, concept.

For citation: Pavlikov S.G. Artificial intelligence and sports symbols: current approaches to the protection of intellectual property // Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2025. No. 4. P. 93–100.

Обращение в литературе к проблематике расширения статуса искусственного интеллекта с точки зрения охраны и защиты интеллектуальной собственности носит актуальный и своевременный характер. Отметим, что при обосновании этой актуальности используются термины «право интеллектуальной собственности», «патентное право», «авторское право», «исключительные права», «охрана» и «защита» результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации (далее – РИД, СИ), соотношение которых вызывает некоторые вопросы.

Так, в статье известных цивилистов имеются следующие термины: «За прошедшие годы в связи с научно-технической революцией и широким использованием цифровых технологий изменения коснулись универсальной унификации *права интеллектуальной собственности* (Здесь и далее выделено мной. – С.П.). В условиях цифровизации происходит дальнейшее развитие тенденции к сокращению сферы действия *защиты исключительного права*

физического лица на сделанное изобретение, других *исключительных прав* и усиление защиты прав работодателей» [1, с. 5]. Очевидно, что авторы не ставили в данном конкретном случае вопрос о соотношении научных понятий. Другой вопрос, что в других цивилистических работах понятиям «права интеллектуальной собственности», «РИД» «исключительные права» нередко придается тождественный смысл. Вместе с тем «исключительное право и право интеллектуальной собственности связаны, но это разные понятия»¹.

Отдельный вопрос – наличие своевременных работ по *частной проблематике*. Например, это «дискуссионный вопрос об установлении исключений из объектов патентных прав» [2; 3; 4]. Проблема актуализируется в контексте утверждений «не являются объектами» интеллектуальных прав и «не предоставляется правовая охрана» объектам [5].

Можно согласиться с тем, что перспективным является «вопрос о возможности распространения режима интеллектуальной собственности на традиционные знания и выражения традиционной культуры разных народов» [6], либо о «необходимости систематизации субъектов информационного права (маркетплейсы) и объема их цифровых прав» [7] и т.п.

Впрочем, иногда обоснование актуальности сопряжено не с конкретными выводами, а лишь с констатацией необходимости «усиления взаимодействия с иностранными государствами в области защиты прав интеллектуальной собственности» [8], либо «поиска современных решений по предотвращению устаревания международных механизмов и норм, связанных с реализацией и защитой интеллектуальных прав» [9] и т.п.

Возьмем на себя смелость утверждать, что минимизируется актуальность утверждений об «отсутствии необходимости квалификации искусственного интеллекта в качестве субъекта права» [10] и т.п.

В силу актуальности феномена искусственного интеллекта (но не утверждения, что он потенциальный «творец» и «самодостаточный индивид»!) целесообразно лаконично обозначить авторскую позицию. Статус искусственного интеллекта не определен в ГК РФ как РИД, его нет в перечне ст. 1225 ГК РФ, хотя в этой статье названы такие объекты, как «программы для ЭВМ» и «топология интегральной микросхемы» [11]². Понятия «топология интегральной микросхемы» и «программа для ЭВМ» в законодательстве соотносятся как объекты авторского права. Практика показывает, что искусственный интеллект функционирует на основе «программы для ЭВМ». Согласимся с М.А. Рожковой в том, что понятие «программа для ЭВМ» в цифровую эпоху является, возможно, архаизмом, но отметим, что «операционная система – это не простая совокупность данных и команд, а совокупность нескольких самостоятельных объектов интеллектуальной собственности» [12; 13]. Это сложный объект и, соответственно, вряд ли целесообразно было его включать в ст. 1350 ГК РФ («не являются изобретениями... программы для ЭВМ»). По сути, именно программа определяет, будет ли «машина» (используем этот термин как условный) подчиняться создателю или, например, откажется самоликвидироваться

¹ См.: URL: ui.tsu.ru (дата обращения: 04.11.2025), URL: litres.ru (дата обращения: 04.12.2025).

² Корнев В.И. полагает, что «произведения, «созданные, сгенерированные компьютером», могут быть объектом правовой охраны, поскольку компьютер и функционирующая на нем программа для ЭВМ – это не более чем средство, с помощью которого человек достигает определенного результата. Такой результат, если он является творческим и выражен в объективной форме, охраноспособен.

и попытается уничтожить любое лицо, «склоняющее» ее к таким действиям. Последний казус в юридической литературе очень часто отождествляется с «самосознанием» искусственного интеллекта. В реальности в программе просто отсутствует такой запретительный алгоритм или не установлен запрет на «пополнение» программного обеспечения в автономном режиме.

Да, безусловно, за искусственным интеллектом – будущее, но его неподчинение и нанесение вреда человеку вряд ли следует считать признаками интеллекта. Есть рассуждения на эту тему в контексте выполнения операций «умными роботами». Так, хирургический робот «да Винчи» «провел операцию... не прибегая к большим надразам, чем спас мужчину от жуткой боли и даже смерти»³. Однако, к сожалению, даже в таком случае это пример «продолжения руки хирурга». Если подобного рода робот (без дополнительных команд от врача, оператора и т.п.) примет, например, решение относительно удаления опухоли, самостоятельно решив вопрос о балансе между неизбежными рисками метастазирования и объемами удаления соседних органов (тканей), оптимально решив вопрос о предполагаемом периоде ремиссии пациента, то в этом случае мы сможем констатировать появление реального «сильного» искусственного интеллекта.

Возможно, это небесспорная точка зрения⁴. Тем не менее завершим изложение авторской позиции цитатой из работы Кларка Эсея «Искусственная глупость»; где справедливо отмечено, что «возможности нейросетей очень ограничены; они лишь выполняют четко определенные функции, так что доводы о том, что компьютеры "захватят мир"... излишни» [14].

Конечно, в рамках научной статьи невозможно охарактеризовать и, тем более, предсказать с учетом активной динамики современных общественных отношений все аспекты охраны или защиты (соотношение этих терминов – вопрос отдельный) интеллектуальной собственности.

Обратимся к иному предмету исследования. На этапе 2024–2026 гг. автор настоящей статьи стал задаваться вопросом о причинах игнорирования в научной литературе такого уникального РИД, как спортивная символика. Приоритетной в этом вопросе является позиция, согласно которой ее гражданско-правовое регулирование может осуществляться только специальными нормами гражданского законодательства (часть четвертая ГК РФ), которые содержат закрытый перечень охраняемых РИД и СИ в ст. 1225 ГК РФ. Важно отметить, что в ГК РФ спортивная символика нигде не упоминается и констатировать наличие ее гражданско-правового регулирования можно с достаточной степенью условности.

Только в нормах иных отраслей права и в других нормативных правовых актах, чаще всего подзаконного уровня, упоминается термин «спортив-

³ URL: <https://dzen.ru/a/ZPwOuoG9ZW-awoGl ui.tsu.ru> (дата обращения: 05.12.2025).

⁴ В науке выделяют три концепции (консервативная, экстенсивная и интенсивная), каждая из которых по-своему представляет будущее искусственного интеллекта, к примеру, «судебной системы с учетом развития информационных технологий. Консервативная концепция ориентирована на углубление цифровизации судебной системы, развитие электронного правосудия; экстенсивная подразумевает ограниченное использование искусственного интеллекта в системе правосудия, без его прямого участия в принятии решений, а лишь с целью облегчения работы судей; интенсивная концепция предполагает углубленное внедрение искусственного интеллекта в систему правосудия». См.: Макутчев А.В. Современные возможности и пределы внедрения искусственного интеллекта в систему правосудия // Актуальные проблемы российского права. 2022. №8.

ная символика». Спорно утверждать, что в Федеральном законе от 04.12.2007 №329-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»⁵ содержится ее четкая правовая дефиниция. В отличие от ГК РФ, п. 11.1 ст. 2 этого закона содержит открытый перечень весьма разнородных объектов (гимн, девиз, логотип и т.п.).

Проигнорирована особая разновидность спортивной символики, которую можно охарактеризовать как национальную (использование Государственного герба Российской Федерации спортивными сборными командами Российской Федерации закреплено законодательно). Имеет место мнение о том, что «официального единого спортивного символа России, включающего флаг страны, как это принято в некоторых других странах, не существует...»⁶. Наиболее часто мы обнаруживаем в юридической литературе и интернет-пространстве такой атрибут и, соответственно, термин – «флаг олимпийского движения».

При этом олимпийский мишка – талисман летних Олимпийских игр 1980 г. в Москве – был охраняем авторскими правами и товарным знаком. Это обеспечило контроль над его использованием в сувенирной продукции, рекламных материалах и др.

Для дальнейшего анализа важно рассмотреть способы охраны. Например, Письмо Минспорта России⁷ содержит категорическое утверждение о том, что наиболее часто охрана спортивной символики предоставляется путем регистрации товарного знака.

Однако важно отметить, что патенты выдаются на следующие РИД:

- спортивное оборудование: патенты на инновационные конструкции велосипедов, лыж, сноубордов и другого оборудования, улучшающие характеристики и безопасность;
- тренировочные устройства: патенты на тренажеры, которые обеспечивают более эффективные тренировки, а также на системы мониторинга физической активности;
- спортивную одежду и обувь: патенты на материалы, обеспечивающие лучшее дыхание, компрессию, защиту от влаги и другие инновационные технологии;
- спортивные игры и развлечения: патенты на новые правила и оборудование для спортивных игр, таких как боулинг, гольф и т.д.

Примеры патентов на спортивные товары и технологии, относящиеся в силу законодательства о физкультуре и спорте к спортивной символике, можно найти на сайтах патентных ведомств и в базах данных патентных публикаций⁸. Для поиска конкретных патентов в сфере спорта можно воспользоваться сайтами, предоставляющими доступ к патентным базам данных, например, официальным порталом Федерального института промышленной собственности (далее – ФИПС)⁹.

⁵ Федеральный закон от 04.12.2007 №329-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ URL: <https://statesymbol.ru/awards/sports/20051207/39601038.html> (дата обращения: 10.08.2025).

⁷ См.: Приложение к письму Минспорта России от 27.07.2017 №ПН-05-10/5493 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ URL: <https://patentus.ru/blog> (дата обращения: 10.08.2025).

⁹ URL: <https://www.fips.ru> (дата обращения: 10.08.2025).

Как и другие права интеллектуальной собственности, патенты имеют юридическую силу только в стране или регионе, где они выданы. Поэтому получение патентной охраны в нескольких странах может быть трудоемким и дорогостоящим. Договор о патентной кооперации (РСТ) позволяет изобретателям подать одну международную заявку, чтобы запустить процесс получения охраны в нескольких странах¹⁰.

В связи с этим можно предположить возможность охраны спортивной символики в качестве промобразцов. Конечно, связь «спортивного» промобразца со спортивной символикой не всегда очевидна и, более того, по нашему мнению, может носить косвенный характер.

Автор настоящей статьи неоднократно выражал в юридической литературе свою позицию о том, что к числу конституционных ценностей, безусловно, следует отнести спортивную символику [15]. В этом контексте правовая охрана спортивной символики требует соблюдения некоторых условий и в первую очередь – «проведения спортивных мероприятий с участием спортсменов из дружественных России международных блоков и союзов»¹¹. С учетом международной обстановки, сложившейся после 2022 г., правовая охрана спортивной символики требует сочетания как минимум ряда факторов: закрепления дефиниции и способов ее охраны в ГК РФ, а также развития международного спортивного движения (демонстрация спортивной символики предполагает ее публичность). Таким образом, на современном этапе развития российского государства актуальными остаются проблемы эффективности способов охраны (защиты) интеллектуальной собственности, роли в ней патентной охраны (защиты), в том числе применительно к искусственному интеллекту и спортивной символике.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Проблемы унификации международного частного права: монография / Н.В. Власова, Н.Г. Доронина, Т.П. Лазарева и др.; отв. ред. Н.Г. Доронина. 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: ИЗиСП, Юриспруденция, 2023. – 672 с.
2. Латынцев А.В. Принципы биоэтики как нетрадиционные источники права интеллектуальной собственности / А.В. Латынцев // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – №12. – С. 57–67.
3. Нешатаева В.О. Международно-правовое регулирование биоэтики / В.О. Нешатаева // Права человека и биомедицина. – 2017. – №11. – С. 45–57.
4. Правовая охрана результатов генетических исследований как объектов интеллектуальных прав: монография / Л.А. Новоселова, А.С. Ворожечин, Е.В. Домовская [и др.]. – Москва: Проспект, 2022. – 160 с.
5. Долинская В.В. Проблемы частноправовой квалификации и систематизации объектов интеллектуальных прав / В.В. Долинская // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – №5. – С. 25–36.
6. Моргунова Е.А. Право интеллектуальной собственности в условиях развития новых технологий: монография / Е.А. Моргунова, Б.А. Шахназаров. – Москва: Норма, ИНФРА-М, 2023. – 152 с.

¹⁰ URL: <https://www.wipo.int/en/web/sports/technology> (дата обращения: 10.08.2025).

¹¹ URL: <https://объясняем.рф> (дата обращения: 13.08.2025).

7. Разумова Г.В. Влияние товарных знаков на развитие потребительских рынков. Ч. 1 / Г.В. Разумова, Е.Д. Орлова, Д.А. Рожнова // Юрист. – 2024. – №11. – С. 26–31.
8. Воробьев Н.С. Интеллектуальная собственность в цифровую эпоху: проблемы международно-правового и национального регулирования / Н.С. Воробьев // Журнал российского права. – 2022. – №7. – С. 137–146.
9. Воробьев Н.С. К вопросу о роли Суда Европейского союза при толковании договоров, связанных с защитой прав на интеллектуальную собственность / Н.С. Воробьев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2023. – №2. – С. 144–149.
10. Абрамова Е.Н. Права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта / Е.Н. Абрамова, Е.В. Хамидулина // Хозяйство и право. – 2024. – №10. – С. 71–83.
11. Корнев В.И. Программы для ЭВМ, базы данных и топологии интегральных микросхем как объекты интеллектуальных прав: дисс. ...канд. юрид. наук. – Москва, 2010. – С. 8–9.
12. Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права: монография / А.А. Богустов, В.Н. Глонина, М.А. Рожкова и др.; под общ. ред. М.А. Рожковой. – Москва: Статут, 2018. – 271 с.
13. Рожкова М.А. Программные комплексы и пакет программ: характеристика юридического содержания / М.А. Рожкова; Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. статей / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы. – Гродно: ГрГУ, 2016. – С. 272–277.
14. Горчакова А.П. Рынок, искусственный интеллект и право в статье Кларка Эсея «Искусственная глупость» / А.П. Горчакова // Право и бизнес. – 2022. – №1. – С. 9–13.
15. Павликов С.Г. Конституционное право России: учебник / С.Г. Павликов, С.В. Нарутто. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юстиция, 2021. – 500 с.

References

1. Problems of unification of private international law: a monograph / N.V. Vlasova, N.G. Doronina, T.P. Lazareva et al.; edited by N.G. Doronin. 2nd ed., revised and additional. Moscow: IZiSP, Jurisprudence Publ., 2023. 672 p. (in Russ.).
2. Latyntsev A.V. Principles of bioethics as non-traditional sources of intellectual property law / A.V. Latyntsev. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2024. No. 12. P. 57–67 (in Russ.).
3. Neshataeva V.O. International legal regulation of bioethics / V.O. Neshataeva. *Prava cheloveka i biomeditsina = Human rights and biomedicine*. 2017. No. 11. P. 45–57 (in Russ.).
4. *Pravovaya okhrana rezul'tatov geneticheskikh issledovaniy kak ob»yektov intellektual'nykh prav = Legal protection of the results of genetic research as objects of intellectual rights: a monograph* / L.A. Novoselova, A.S. Vorozhevich, E.V. Domovskaya [et al.]. Moscow: Prospekt Publ., 2022. 160 p. (in Russ.).
5. Dolinskaya V.V. Problems of private law qualification and systematization of intellectual property rights objects. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2021. No. 5. P. 25–36 (in Russ.).

6. Morgunova E.A., Shakhnazarov B.A. Intellectual property law in the context of the development of new technologies: a monograph. Moscow: *Norma, INFRA-M Publ.*, 2023. 152 p. (in Russ.).

7. Razumova G.V., Orlova E.D., Rozhnova D.A. The influence of trademarks on the development of consumer markets. Part 1. *Lawyer*. 2024. No. 11. P. 26–31 (in Russ.).

8. Vorobyov N.S. Intellectual property in the digital age: problems of international law and national regulation. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2022. No. 7. P. 137–146 (in Russ.).

9. Vorobyov N.S. On the role of the Court of Justice of the European Union in the interpretation of treaties related to the protection of intellectual property rights. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*. 2023. No. 2. P. 144–149 (in Russ.).

10. Abramova E.N., Khamidullina E.V. Intellectual property rights created using artificial intelligence. *Khozyaystvo i pravo = Economy and law*. 2024. No. 10. P. 71–83 (in Russ.).

11. Kornev V.I. Computer programs, databases and topologies of integrated circuits as objects of intellectual rights. Diss... PhD, Moscow, 2010. P. 8–9 (in Russ.).

12. The civil concept of intellectual property in the system of Russian law: a monograph / A.A. Bogustov, V.N. Glonina, M.A. Rozhkova et al.; under the general editorship of M.A. Rozhkova. Moscow: *Statute Publ.*, 2018. 271 p. (in Russ.).

13. Rozhkova M.A. Software packages and software packages: characteristics of the legal content // Problems of civil law and process: Collection of scientific articles. articles / Grodno State University named after Ya. Kupala. Grodno: *GrSU*, 2016. P. 272–277 (in Russ.).

14. Gorchakova A.P. Market, artificial intelligence and law in Clark Esey's article «Artificial stupidity». *Pravo i biznes = Law and Business*. 2022. No. 1. P. 9–13 (in Russ.).

15. Pavlikov S.G., Naruto S.V. The Constitutional law of Russia: textbook. 2nd ed., revised and add. Moscow: *Justice Publ.*, 2021. 500 p. (in Russ.).

СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ

Научная статья

УДК 347.77

О спортивной символике в России и государствах-партнерах (на примере Китая)

Владимир Николаевич Белоусов

Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия

Кандидат юридических наук, доцент, директор института юстиции

BelousovVN@bgu.ru

Аннотация. Осуществлена попытка аргументировать важность цивилистического исследования спортивной символики как результата интеллектуальной деятельности, что подтверждается многочисленными актуальными примерами из правоприменительной практики, в том числе имеющими место в конце 2025 г. Обосновывается суждение о том, что новейшие тенденции в правоприменительной практике в России, как и во многих странах дружественной юрисдикции (например, в Китае), свидетельствуют об активизации интереса к спортивной символике и национальной спортивной символике.

Представляется необходимым увеличение научных исследований, направленных на формирование определения понятия спортивной символики, уяснение специфики и перспектив ее гражданско-правового регулирования.

Ключевые слова: спортивная символика, доктрина, гражданское право, гимн, герб, флаг, Россия, Китай, государство, результат интеллектуальной деятельности, национальное достояние, спорт, логотип, символ, талисман, факел, игры, медали, товарный знак, гражданско-правовое регулирование.

Для цитирования: Белоусов В.Н. О спортивной символике в России и государствах – партнерах (на примере Китая) / В.Н. Белоусов // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2025. – № 4. – С. 101–105.

Original article

About sports symbols in Russia and partner countries (using the example of China)

Vladimir N. Belousov

Baikal State University, Irkutsk, Russia Candidate of Law, Associate Professor,
Director of the Institute of Justice
BelousovVN@bgu.ru

Abstract. An attempt has been made to argue the importance of a civilistic study of sports symbols as a result of intellectual activity and national status (the author shares this position), which is confirmed by numerous relevant examples from law enforcement practice, including those that took place at the end of 2025. The author substantiates the opinion that the latest trends in law enforcement practice indicate that in Russia, as in many countries of friendly jurisdiction (for example, in China), there is an increased interest in sports symbols and national sports symbols.

It is necessary to increase scientific research aimed at defining the concept of sports symbols, clarifying the specifics and prospects of its civil law regulation.

Key words: sports symbols, doctrine, civil law, anthem, coat of arms, flag, Russia, China, state, result of intellectual activity, national treasure, sport, logo, symbol, mascot, torch, games, medals, trademark, civil law regulation.

For citation: Belousov V.N. On Sports Symbols in Russia and Partner Countries (on the Example of China) / V.N. Belousov // Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2025. No. 4. P. 101–105.

В настоящее время в теории гражданского права уделяется недостаточное внимание вопросам использования спортивной символики, в том числе с изображением флага и герба России, демонстрация которой на международных соревнованиях сопровождается (вопреки негативным действиям международных спортивных структур) исполнением гимна российского государства [1; 2]. Предметом исследования ученых чаще становятся спортивные отношения, где выделяются правоотношения: организационные, обслуживающие и «основные, связанные с непосредственным участием в спортивном состязании» [3], либо отрасль спортивного права [4], спортивные правонарушения [5], спортивные трансферы [6] и т.п.

Между тем, по нашему мнению, значимость спортивной символики как результата интеллектуальной деятельности в части демонстрации национального достояния страны высока, что подтверждается многочисленными примерами из правоприменительной и законотворческой практики.

Так, депутаты Госдумы России предложили дополнить символику российского герба крестами над коронами и державой. Соответствующий законопроект внесен на рассмотрение 20 ноября 2025 г.¹ Это можно обозначить как тренд, поскольку на эмблеме Министерства спорта РФ изображены христианские кресты (рис. 1).

Также исследователи констатируют, что «публично-правовой режим спорта ныне жестко переориентирует сферу регулирования спорта из пространства частных коммерческих отношений в зону публичных интересов государства. Публично-правовой режим спорта ориентирован на защиту национальных культурно-нравственных ценностей» [7].

Это справедливо и в отношении межгосударственных отношений. Не случайно талисманами Российско-китайских зимних молодежных игр стали бурый медведь и панда, изображенные на логотипе этих состязаний и ставшие символом российско-китайской дружбы. Они изображаются в образе спортсменов, чья форма отражает национальные традиции двух стран (рис. 2).

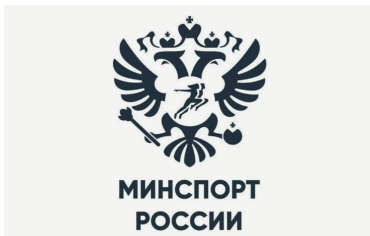

Рис. 1

Рис. 2

Нужно отметить, что в 2025 г. Китай в третий раз стал страной – хозяйкой зимних Азиатских игр. Организаторы зимних Азиатских игр-2025 в Харбине заранее официально презентовали изображения факела и медалей этого спортивного события. Каждый символ имеет свою историю и идею. В дизайне факела воплощена интернациональная эстетика в сочетании с элементами традиционного китайского и современного искусства. Его форма представляет собой распустившийся цветок сирени. Индивидуальность подчеркивают красный, сиренево-фиолетовый и белоснежный цвета. Данная палитра выражает искренний и открытый дух провинции Хэйлунцзян². Медали посвятили теме «Дух соревнований». На их лицевой стороне изображен спортсмен на треке. Линии трека сливаются с изображением Большого театра Харбина – это отсылка к городской эстетике. На оборотной стороне медалей – пейзаж с горами и лесами снежной спортивной зоны Ябули, сочетающийся с рельефом гор Большого и Малого Хингана. Этим создатели хотели подчеркнуть красоту и богатство региона Хэйлунцзян.

Россия также не остается в стороне от тенденции развития национальной спортивной символики. Так, Банк России 1 сентября 2025 г. выпустил в обращение памятные монеты из медно-никелевого сплава серии «Россий-

¹ URL: <https://ria.ru/20251120/gosduma-2056237604.html> (дата обращения: 10.10.1025).

² URL: <https://klops.ru/kaliningrad/2025-11-05/371195-v-samare-pokazali-simvoliku-rossijsko-kitayskih-molodyozhnyh-igr-kotorye-proydu-t-v-kaliningrade> (дата обращения: 10.10.1025).

ский спорт» с изображением символики физкультурно-спортивных обществ «Спартак», «Динамо», «Локомотив», ЦСКА, а также Всероссийского физкультурно-спортивного общества «Трудовые резервы». Монеты номиналом 25 рублей имеют форму круга диаметром 27 мм. Тираж каждой составил 50 000 штук³. Кроме того, в 2025 г. серию «Российский спорт», выпущенную в 2023 г., дополнили серебряными монетами в честь российских футбольных клубов «Зенит» (Санкт-Петербург) и «Локомотив» (Москва), а в 2026 г. дойдет очередь до памятных монет из серебра, посвященных столичным клубам «Спартак» и ЦСКА⁴.

Аналогичные процессы можно наблюдать и в отдельных субъектах РФ. Так, общественная организация Федерация бокса Пермского края зарегистрировала свой товарный знак, в символике которого использованы три цвета: синий, красный и белый.

В реестре товарных знаков⁵ указано, что «бренд Пермского бокса можно наносить на защитные капы, спортивные шлемы, брелоки для ключей, альбомы, баннеры и некоторые другие канцтовары, также рюкзаки и спортивные сумки, рамки номерных знаков, кружки, одежду, обувь и головные уборы. Кроме того, право использования логотипа распространяется на автоматы для видеоигр, боксерские груши и прочий инвентарь для физической подготовки, флаги и перчатки»⁶.

Итак, можно констатировать, что в России и странах дружественной юрисдикции активизируется интерес к спортивной символике и национальной спортивной символике. Представляется, что доктрина гражданского права не может не соответствовать этой позитивной тенденции. В связи с этим необходимо увеличение научных исследований (в настоящее время носящих единичный характер), направленных на формирование определения понятия спортивной символики, уяснение специфики и перспектив ее гражданско-правового регулирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Павликов С.Г. Защита исключительного права на товарный знак / С.Г. Павликов // Образование и право. – 2024. – № 12. – С. 223–230.
2. Янишевская Я.А. Международный опыт гражданско-правовой охраны и защиты исключительных прав на спортивную символику / Я.А. Янишевская // Право и управление. – 2023. – № 6. – С. 128–135.
3. Асадуллин М.Р. Корпоративные отношения и спортивные организации: постановка проблемы / М.Р. Асадуллин // Гражданское право. – 2024. – № 3. – С. 22–25.
4. Куракин А.В. К вопросу о предмете спортивного права / А.В. Куракин // Современное право. – 2024. – № 10. – С. 59–66.

³ URL: <https://lenta.ru/news/2025/08/29/bank-rossii-vypustit-monety-so-spartakom-i-lokomotivom/> (дата обращения: 10.10.1025).

⁴ URL: <https://lenta.ru/news/2025/08/29/bank-rossii-vypustit-monety-so-spartakom-i-lokomotivom/> (дата обращения: 10.10.1025).

⁵ URL: <https://fips.ru/registers-web/action?acName=clickRegister®Name=RUTM> (дата обращения: 12.10.1025).

⁶ URL: <https://fips.ru/registers-web/action?acName=clickRegister®Name=RUTM> (дата обращения: 12.10.1025).

5. Буянова М.О. Виды юридической ответственности за спортивные правонарушения / М.О. Буянова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2024. – №7. – С. 83–91.
6. Бетехтина В.А. Классификация спортивных трансферов / В.А. Бетехтина // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – №1. – С. 110–118.
7. Рагозина Н.А. «Спортивная семья» в проекте оздоровления нации / Н.А. Рагозина // Административное право и процесс. – 2025. – №6. – С. 32–34.

References

1. Pavlikov S.G. Protection of the exclusive right to a trademark. *Obrazovaniye i pravo = Education and law*. 2024. No. 12. P. 223–230 (in Russ.).
2. Yanishevskaya Ya.A. International experience of civil law protection and protection of exclusive rights to sports symbols. *Pravo i upravleniye = Law and management*. 2023. No. 6. P. 128–135 (in Russ.).
3. Asadullin M.R. Corporate relations and sports organizations: problem statement. *Grazhdanskoye pravo = Civil law*. 2024. No. 3. P. 22–25 (in Russ.).
4. Kurakin A.V. On the subject of sports law. *Sovremennoye pravo = Modern law*. 2024. No. 10. P. 59–66 (in Russ.).
5. Buyanova M.O. Types of legal liability for sports offenses. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2024. No. 7. P. 83–91 (in Russ.).
6. Betekhtina V.A. Classification of sports transfers. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2024. No. 1. P. 110–118 (in Russ.).
7. Ragozina N.A. «Sports family» in the project of national recovery. *Administrationnoye pravo i protsess = Administrative law and process*. 2025. No. 6. P. 32–34 (in Russ.).

Статья поступила 22.11.2025, принята к публикации 16.12.2025

© Белоусов В.Н., 2025

НАУЧНАЯ ШКОЛА

Научная статья

УДК 332.14

Обзор понятия «инновационный потенциал Арктического региона»

Юлия Владимировна Комова

Институт химии ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Россия

Ведущий юриконсульт, аспирант Российской государственной академии интеллектуальной собственности

<https://orcid.org/0009-0007-5395-9310>

komova_julia@mail.ru

Аннотация. В работе предлагается обзор авторских научных исследований в сфере изучения инновационного потенциала регионов Арктической зоны. Проводится сопоставительный анализ различных трактовок и подходов к определению понятий «инновационный потенциал северных регионов», «инновационный потенциал Арктического региона» для выявления теоретической основы формирования показателей, входящих в индекс расчета инновационного развития Арктического региона.

Ключевые слова: инновационный потенциал, северные регионы, Арктический регион, показатели инновационного потенциала региона, результаты интеллектуальной деятельности, интеллектуальная собственность, региональная инновационная система Арктического региона.

Для цитирования: Комова Ю.В. Обзор понятия «инновационный потенциал Арктического региона» / Ю.В. Комова // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2025. – № 4. – С. 106–113.

Review of the concept of "innovation potential of the Arctic region"

Yulia V. Komova

Institute of Chemistry FIC Komi Scientific Center Ural RAS Department,
Syktyvkar, Russia,

Leading legal adviser, postgraduate student of Russian State Academy
of Intellectual Property

<https://orcid.org/0009-0007-5395-9310>

komova_julia@mail.ru

Abstract. The paper reviews author's works in the field of studying the innovation potential of the Arctic zone region. The purpose of this publication is to conduct a comparative analysis of different interpretations and approaches to the definition of the concepts "Innovation potential of the Northern regions", "Innovation potential of the Arctic region" to identify the theoretical basis for the formation of indicators included in the index of calculation of innovative development of the Arctic region.

Key words: innovation potential of the Northern regions, indicators of innovation potential of the Arctic region, results of intellectual activity, intellectual property, regional innovation system of the Arctic region.

For citation: Komova Yu.V. Review of the concept of "innovation potential of the Arctic region" // Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2025. No. 4. P. 106–113.

Анализ целей и соответствующих показателей, отраженных в нормативных актах развития Российской Федерации демонстрирует, что особое внимание в них уделяется инновационному потенциалу региона, уровню его развития. Так, Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике»¹ определяет приоритет поддержки и активизации научно-исследовательской, научно-технической, опытно-конструкторской изобретательской и рационализаторской деятельности за счет становления инновационной инфраструктуры. В Указе Президента РФ² определены национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. В нормативном документе установлены целевые показатели, достижение которых обеспечит стабильность экономического развития страны.

В то же время на государственном уровне уделяется особое внимание формированию стратегических приоритетов социально-экономического разви-

¹ Федеральный закон от 23.08.1996 №127-ФЗ (ред. от 23.05.2016) «О науке и государственной научно-технической политике» // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.05.2025).

² Указ Президента РФ от 07.05.2024 №309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 г.» // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.05.2025).

тия регионов Арктической зоны РФ. Выявление показателей определения и расчета инновационного потенциала Арктики, его толкование различными авторами является актуальным и востребованным для совершенствования методик определения инновационного потенциала с учетом развития региональных брендов, внедряемых новых технических и конструктивных решений.

М.Н. Кузнецовой и А.С. Васильевой была создана методика для оценки инновационного потенциала, использующая объективные критерии, объединенные в группы и рассчитанные с помощью интегрального подхода. Авторы рассматривают «инновационный потенциал как совокупность ресурсов, используемых субъектом для эффективного социально-экономического развития территории, способной внедрять нововведения в практической деятельности» [1] и предлагают алгоритм оценки уровня инновационного потенциала, который включает следующие этапы:

- подготовительный (выбор показателей для четырех блоков: кадрово-образовательный, научный, информационный, экономический потенциал);
- расчетно-аналитический (расчет индивидуальных индексов (i) по каждому блоку). Оценка инновационного потенциала осуществляется по 18 показателям;
- заключительный (предполагает формирование массива расчетных данных показателей инновационного потенциала). Согласно авторской методике, уровень инновационного потенциала субъектов Арктической зоны Российской Федерации (далее – АЗРФ) имеет пять уровней: критический (недопустимый), низкий, средний, повышенный, высокий.

Анализ показывает, что предлагаемая методика не учитывает в показателях оценки результаты интеллектуальной деятельности (далее – РИД), охраняемые в качестве наименования места происхождения товара, географического указания, промышленных образцов и влияющие на экономический потенциал региона. В расчете используют только количество полученных охранных документов на изобретения, что значительно снижает расчетный балл блоков «Научный потенциал» и «Экономический потенциал». Отметим, что именно развитие туризма, брендинга Арктического региона в настоящее время имеет существенное влияние на показатели инновационного потенциала региона.

Ю.А. Гаджиев, М.М. Стыров, Д.В. Колечков, Н.В. Шляхтина рассматривают под инновационным потенциалом региона способность территории к созданию, восприятию и внедрению в практику нововведений в ходе социально-экономического развития [2]. Исследования авторов направлены на совершенствование теоретико-методического инструментария оценки инновационного потенциала и определение основных направлений научно-технического развития северных регионов России. Авторами определены факторы, влияющие на инновационное развитие северных территорий России: научная база регионов, интенсивность изобретательской деятельности, наличие квалифицированных специалистов, объем инвестиций в инновации и распространение информационных технологий. В данной научной работе предлагается проведение оценки инновационного потенциала с использованием кластерного метода по 17 индикаторам в четырех составляющих (кадровая, научная, финансовая, информационная). Недостатком предлагаемого подхода является то, что авторы рассматривают в качестве «научной составляющей» только заявки и охранные документы на изобретения

и полезные модели, ими не рассматриваются иные объекты интеллектуальной собственности, в том числе промышленные образцы, объекты авторских прав в виде произведений уникальной самобытности и культурного наследия арктических территорий (таких как литература и искусство), которые влияют на интерпретацию данных и значения показателей научного и изобретательского потенциала.

Работа С.В. Тишкова, Н.Е. Егорова, А.Д. Волкова, Г.С. Коврова «Инновационный потенциал регионов Арктической зоны Российской Федерации: состояние и пространственная дифференциация» нацелена на формирование базы данных «Научно-образовательный и инновационно-технологический потенциал регионов России, входящих в состав Арктической зоны, за период 1995–2021 гг.». База состоит из четырех блоков (всего из 22 показателей) [3]. Авторы предлагают методологию (алгоритм), предназначенную для оценки уровня инновационного развития регионов, которая включает три последовательных этапа расчетов, организованных по следующим блокам: социально-экономические показатели, научно-инновационный потенциал, финансовое обеспечение научно-инновационной деятельности, результат инновационной деятельности. На первом этапе осуществлен сбор данных по указанным показателям в отношении субъектов РФ, территория которых целиком либо частично расположена в пределах АЗРФ, на втором этапе выполняются расчеты и приводится краткий анализ по блокам регионов АЗРФ, на третьем этапе – необходимые вычисления и расчеты сводного индекса инновационного развития регионов (ИИРР) АЗРФ как среднее арифметическое блоков, при этом не учитываются расчеты по основным социально-экономическим показателям. Ключевой показатель – объем инновационных товаров, работ, услуг (млн руб.), который характеризуется в итоге результативностью инновационной деятельности субъекта.

Авторами проведен расчет сводного ИИРР АЗРФ, оценка и сопоставительный анализ уровня научно-инновационного потенциала субъектов АЗРФ с потенциалом РФ, сделан вывод, что высокая корреляционная связь между сводным индексом инновационного развития и показателями социально-экономического развития регионов характеризует положительное влияние инновационной деятельности на социально-экономическое развитие субъектов АЗРФ, предложены рекомендации по совершенствованию правового регулирования туристской отрасли, а также формированию единого регионального реестра организаций, предоставляющих современные технологии и решения для осуществления проектов Арктики.

В то же время в своих исследованиях ученые не предоставляют четкого определения того, что подразумевается под инновационным потенциалом регионов АЗРФ. По мнению автора, в вышеуказанной научно-исследовательской работе отождествляются понятия «уровень инновационного развития» и «инновационный потенциал». Авторами не рассматривались показатели туристической направленности, результаты интеллектуальной деятельности и региональные бренды, влияющие на показатель расчета блока «научно-инновационный потенциал».

О.В. Губина, А.А. Проворова провели анализ стратегических и нормативно-правовых документов по вопросам приоритетов инновационного развития России. Авторами дан содержательный анализ стратегий развития регио-

нов АЗРФ в соответствии с переносом приоритетов инновационного развития страны в региональную плоскость. Определены демографические и инновационные направления стратегического развития территорий АЗРФ, основанные на трех ключевых показателях:

- степень приоритетности заявленных стратегических ориентиров;
 - полнота охвата приоритетных направлений в демографической и инновационной сферах;
 - степень соотношения демографических и инновационных приоритетов [4].
- В статье установлены показатели реализации приоритетов демографического и инновационного стратегического развития субъектов АЗРФ, к инновационным приоритетам отнесено: стимулирование проведения научных исследований и разработок, формирование профессиональных инновационных компетенций, создание условий ведения инновационной деятельности, модернизация материально-технической базы, внедрение инноваций и повышение инновационной активности, организация единого информационного пространства и цифровизация экономики.

Авторы [4] берут в расчет показатели, относящиеся к цифровой трансформации экономики, где в качестве основы используются данные о количестве пользователей сети Интернет, однако не оперируют данными по количеству зарегистрированных программ для ЭВМ и баз данных, что может существенно влиять на исходные данные по блоку «информационное пространство и цифровизация экономики». В блоке «создание условий ведения инновационной деятельности» не учитываются затраты на введение в коммерческий оборот созданных РИД, в расчет берутся только общие затраты на научные исследования без конкретизации.

В заключение отметим, что в российском законодательстве понятие «инновационный потенциал» не закреплено, данный термин упоминается в Постановлении Правительства РФ «О мерах государственной поддержки научно-образовательных центров мирового уровня...»³, где инновационный потенциал отождествлен с экономическим потенциалом. Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что в настоящее время понятия «инновационный потенциал северных регионов/регионов Арктики» отсутствуют. Большинство исследователей предпочитают рассматривать термин «инновационный потенциал», подразумевая комплекс взаимосвязанных критериев и индикаторов, применяемых для оценки возможностей территории, в том числе инновационного потенциала Арктических зон в рамках разработанных подходов. Также большинство научно-исследовательских работ рассматривают темы инновационного развития и стратегических приоритетов, существующих проблем инновационного развития арктических зон.

В анализируемых источниках не обнаружены корреляции с национальными приоритетами развития РФ на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г., установленные Указом Президента РФ от 07.05.2024 №309.

³ Постановление Правительства РФ от 30.04.2019 №537 (ред. от 14.10.2023) «О мерах государственной поддержки научно-образовательных центров мирового уровня на основе интеграции образовательных организаций высшего образования и научных организаций и их кооперации с организациями, действующими в реальном секторе экономики» // КонсультантПлюс: офиц. сайт. URL: [consultantplus://offline/ref=094B97F48D99D40AA8B98F0DEC2ACAD69C9A0BE261BD0FD9FA7206E39C6C395AF53C2BCCE6764C2B92D62D3731w9K](https://consultantplus.ru/offline/ref=094B97F48D99D40AA8B98F0DEC2ACAD69C9A0BE261BD0FD9FA7206E39C6C395AF53C2BCCE6764C2B92D62D3731w9K) (дата обращения: 30.05.2025).

В рассмотренных документах не учитывается численность резидентов АЗРФ, что является важным аспектом, который следует отразить в показателях оценки потенциала. Сбор информации о резидентах осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 13.07.2020 №193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации». Подчеркнем, что глубокий анализ деятельности участников АЗРФ, включая исследование их интеллектуальной собственности и средств индивидуализации, выступает важнейшим инструментом создания и укрепления инновационного потенциала Арктики. Анализ объектов интеллектуальной собственности резидентов АЗРФ, а также видов их юридической деятельности даст возможность не только объективно оценить состояние инновационного развития в соответствии с приоритетами экономического развития РФ, но и сформировать благоприятную среду для активизации предпринимательской деятельности в уникальных условиях Арктики.

Важно отметить, что выявление инновационного потенциала Арктического региона и тщательное изучение методологических подходов к его оценке приобретают особую значимость с принятием Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации⁴ [6]. Особенное внимание заслуживает включение в расчет показателя влияния интеллектуальной собственности, поскольку именно этот элемент отражает высокий научный уровень достижений, мировую новизну и прямое соответствие приоритетным направлениям социально-экономического развития нашей страны.

По мнению автора, к показателям, определяющим инновационный потенциал Арктического региона, должны быть отнесены следующие показатели: количество НМПП и ГУ; туристических товарных знаков; изобретений; полезных моделей; промышленных образцов; селекционных достижений; произведений культурного и исторического наследия Арктических регионов, которые оказывают воздействие на научное и экономическое развитие, способствуют техническому прогрессу и промышленной кооперации, освоению новых рынков, развитию природного туризма, экспорту уникальных товаров с особыми свойствами.

К показателям, определяющим развитие и реализацию инновационного потенциала Арктической зоны, на основе объектов интеллектуальной собственности можно отнести:

- достижение к 2030 г. пятипроцентной доли туристической индустрии в ВВП страны;
- обеспечение к 2030 г. двукратного увеличения объемов экспорта продукции, не связанной с сырьем и энергетикой, относительно показателей 2023 г.;
- увеличение к 2030 г. производства в агропромышленном секторе как минимум на четверть от уровня 2021 г.;
- достижение к 2030 г. полуторакратного роста экспорта продукции агропромышленного комплекса по сравнению с 2021 г.;
- развитие надежной системы сотрудничества с зарубежными партнерами и создание необходимой базы для международной торговли, технологического обмена и развития новых рынков;

⁴ Указ Президента РФ от 26.10.2020 №645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // СПС «Гарант»: офиц. сайт. URL: <https://base.garant.ru/74810556/> (дата обращения: 10.06.2025).

– увеличение к 2030 г. экспорта туристических услуг в три раза от уровня 2023 г.;

– стимулирование роста вклада творческих индустрий в национальную экономику.

Вопросы исследования уровня инновационного потенциала Арктического региона, исходя из уникальных особенностей, схожести и отличия его от других регионов России, должны лечь в основу дальнейших научных изысканий. При этом интеллектуальная собственность становится ключевым фактором роста инновационной привлекательности северных территорий, подчеркивая уникальный вклад российских ученых и исследователей в формирование мирового научного пространства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кузнецова М.Н. Инновационный потенциал регионов Арктической зоны РФ: методика оценки, сравнительный анализ, перспективы развития / М.Н. Кузнецова, А.С. Васильева // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2023. – Т. 16, №2. – С. 69–87. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2023.2.86.4>. URL: http://library.vsc.ac.ru/Files/articles/1684313159_6987.pdf (дата обращения: 10.05.2025).

2. Гаджиев Ю.А. Анализ инновационного потенциала северных регионов России / Ю.А. Гаджиев, М.М. Стыров, Д.В. Колечков, Н.В. Шляхтина // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2016. – №6. – С. 236–254. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc/2016.6.48.13>.

3. Тишков С.В. Инновационный потенциал регионов арктической зоны Российской Федерации: состояние и пространственная дифференциация / С.В. Тишков, Н.Е. Егоров, А.Д. Волков, Г.С. Ковров // *Арктика и Север*. – 2024. – №55. – С. 24–39. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.55.24>.

4. Губина О.В. Соотношение демографических и инновационных приоритетов стратегического развития регионов Арктической зоны Российской Федерации / О.В. Губина, А.А. Проворова // *Вопросы инновационной экономики*. – Апрель–июнь 2019. – Т. 9, №2. ISSN 2222-0372. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39206989> (дата обращения: 16.05.2025).

References

1. Kuznecova M.N., Vasil'eva A.S. Innovative potential of the regions of the Arctic zone of the Russian Federation: assessment methodology, comparative analysis, development prospects. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* = *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2023. Vol. 16. No. 2. P. 69–87. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2023.2.86.4> URL: http://library.vsc.ac.ru/Files/articles/1684313159_6987.pdf (date of access: 10.05.2025) (in Russ.).

2. Yu.A. Gadzhiev, M.M. Styrov, D.V. Kolechkov, N.V. SHlyahatina. Analysis of the innovation potential of the northern regions of Russia. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* = *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2016. No 6. P. 236–254. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc/2016.6.48.13> (in Russ.).

3. Tishkov S.V., Egorov N.E., Volkov A.D., Kovrov G.S. Innovacionnyj potencial regionov arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii: sostoyanie i prostranstvennaya differenciaciya. *Arktika i Sever = The Arctic and the North*. 2024. No. 55. P. 24–39. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.55.24> (in Russ.).

4. Gubina O.V., Provorova A.A. The Correlation of Demographic and Innovative Priorities of Strategic Development of Regions of the Arctic Zone of the Russian Federation. *Voprosy innovacionnoj ekonomiki = Issues of Innovative Economics*. April–June 2019. Vol. 9, No. 2. ISSN 2222-0372. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39206989> (date of access: 16.05.2025) (in Russ.).

Статья поступила 14.10.2025, принята к публикации 26.12.2025

© Комова Ю.В., 2025

Научное издание

Копирайт

**(Вестник
Академии интеллектуальной собственности)**

Выпускающий редактор *О.А. Симонова*

Подписано в печать 29.12.2025. Формат 70х100/16
Печать офсетная. Объем 9,19 усл. п.л. Тираж 50 экз.
Заказ №5.
ФГБОУ ВО РГАИС 117279, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55а